

ISSN 2412-8562(print)
ISSN 2658-7777(online)
doi: 10.32603/2412-8562

ДИСКУРС

Том 7. № 3/2021

DISCOURSE

Volume 7. No. 3/2021

Санкт-Петербург
Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

Saint Petersburg
ETU Publishing house

2021

ДИСКУРС

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015.

Подписной индекс по объединенному каталогу «Пресса России» 71225.

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Издаётся с сентября 2015 г., выходит шесть раз в год.

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ, индексируется и архивируется в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ) и CrossRef.

Языки: русский, английский.

Редакция журнала: 197376, Санкт-Петербург, ул. Профессора Попова, 5, тел. / факс: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Ответственный секретарь

М. Ю. Лютиков, канд. ист. наук, Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Г. А. Баева, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Е. В. Боднарчук, д-р филос. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т им. М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия

П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия

Ю. А. Дубовский, д-р филос. наук, проф., Пятигорский государственный ун-т, Пятигорск, Россия

С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при Межпарламентской ассамблее ЕвразЭС, СПб., Россия

В. И. Игнатьев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия

Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья им. П. Ф. Лесгафта, СПб., Россия

И. Б. Руберт, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Ин-т философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгачева, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филос. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия

В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия

С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филос. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Balkrishna Vithal Bhosale, Ph. D., Prof., University of Mumbai, Mumbai, Indian

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Nesteruk Aleksey, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Цели и тематика:

Журнал «ДИСКУРС» – периодическое международное рецензируемое научное издание – представляет результаты научных исследований российских и зарубежных ученых и ориентирован на социогуманитарные проблемы развития общества. Материалы публикуются по трем направлениям, соответствующим группам научных специальностей:

- Философские науки (онтология и теория познания; этика; логика; философия науки и техники; социальная философия; философская антропология; философия культуры).

- Социологические исследования (теория, методология и история социологии; социальная структура, социальные институты и процессы; политическая социология; социология культуры; социология управления).

- Теоретическое и прикладное языкознание (германские языки; теория языка; прикладная и математическая лингвистика).

Цель журнала – создание и развитие профессиональной коммуникационной платформы для междисциплинарного диалога и дискуссий по актуальной социогуманитарной проблематике. Публикации в журнале бесплатны.

Задачи:

- публикация оригинальных результатов научных исследований по различным вопросам философского, лингвистического, культурологического

и социологического характера, полученных широким кругом авторов – как признанных ученых и специалистов, так и начинающих свой путь в профессии молодых исследователей из научных организаций России и зарубежных стран;

- осуществление коммуникации между российскими и зарубежными специалистами – философами, социологами, лингвистами, работающими в научных организациях разных ведомств;

- интеграция возможностей мультидисциплинарного подхода к гуманитарным исследованиям;

- усиление возможностей интеграции отечественных научных школ в международное научное сообщество.

Полные сведения о журнале, его редакционной политике, принятых этических стандартах, требования к подготовке статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте <https://discourse.etu.ru>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

DISCOURSE

The Journal is registered by Federal Service for Supervision of Communication, Information Technology and Mass Media (PI No F577-62347 of 14.07.2015).
Subscription index in "Press of Russia" catalogue 71225.

Founder and publisher: Saint Petersburg Electrotechnical University

Founded in 2015. Issued 6 times a year.

Accepted Languages: Russian, English.

The Journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. Indexed and archived in the Russian Science Citation Index (RSCI). It is a member of the Association of Scientific Editors and Publishers and CrossRef.

Editorial address: Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Prof. Popov Str., St Petersburg 197376, Russia.

Tel.: +7 (812) 234-10-13, e-mail: discourse@etu.ru, <http://discourse.etu.ru>

THE EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Executive Secretary

Mikhail Yu. Lyutikov, Can. of Sci. (History), Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University, St Petersburg, Russia

Yurii A. Dubovskiy, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia

Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia

Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical Education, Sport and Health, St Petersburg, Russia

Irina B. Rubert, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint-Petersburg State Economic University, St Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University, St Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskaia, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics, St Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St Petersburg, Russia

Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University, Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia

Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia

Balkrishna Vithal Bhosale, Ph. D., Prof., University of Mumbai, Mumbai, India

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Nesteruk Aleksey, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Aim and scope: DISCOURSE The Journal is a periodical international peer-reviewed scientific publication. The Journal presents the results of scientific research of Russian and foreign scientists and is focused on the publication of materials on the socio-humanitarian problems of the development of society. The Journal publishes papers in three areas for the corresponding groups of scientific specialties:

- Philosophical sciences (ontology and theory of knowledge, ethics, logic, philosophy of science and technology, social philosophy, philosophical anthropology, philosophy of culture);
- Sociological research (theory, methodology and history of sociology, social structure, social institutions and processes, political sociology, sociology of culture, management sociology);
- Theoretical and applied linguistics (Germanic languages, language theory, applied and mathematical linguistics).

The goal of the Journal is the establishment and development of a professional communication platform for interdisciplinary dialogue and discussions on actual socio-humanitarian issues within the thematic areas of the Journal.

All publications in the Journal are free.

Mission of the Journal:

- Publication of the original results of scientific research on various issues of a philosophical, linguistic, cultural and sociological nature, received by a wide range of authors – both recognized scientists and specialists, and starting their career in the profession of young researchers and scientific organizations in Russia and foreign countries.
- Communication between Russian and foreign specialists – philosophers, sociologists, linguists working in scientific organizations of various departments;
- Integration of the capabilities of a multidisciplinary approach to humanitarian research;
- Strengthening the integration of domestic scientific schools in the international scientific community.

Full information about the Journal, its editorial policies, accepted ethical standards, requirements for the preparation of papers, an archive and additional information are available at <https://discourse.etu.ru>

All the materials of the journal are available under a Creative Commons Attribution 4.0 License

© Design. ETU, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

Очеретяный К. А. Фармакотехники интерфейса: условия и возможности.....	5
Shcherbak N. F., Potienko V. I. Linguistic and Psycholinguistic Aspects of Silence: A Structural Model of Communication	20
Якимов А. Е. Кинематограф Дзиги Вертова как язык темпоральной рефлексии	36

СОЦИОЛОГИЯ

Акинина Р. Д., Гонашвили А. С., Кирсанова Н. П. Социокультурная динамика восприятия итальянских брендов в России.....	52
Щербина А. В. Традиционный человек в «цифровой клетке». Идеальные истоки альтернативных сценариев (20–30-е гг. XX в.).....	65
Ушенков Е. Е. Установки современной молодежи на инновационную деятельность: по материалам социологических исследований....	80

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Демкина Я. Ю. Сравнительный анализ методик исследования политического дискурса.....	89
Степанова Н. В. Метафорическая репрезентация миграционного кризиса как природного явления водной стихии (на материале англоязычных медиатекстов)	103
Петрова М. В., Рожков Г. А. Лингводидактические и социокультурные аспекты формирования межнациональных отношений при организации внеаудиторной работы в неязыковом вузе	118
Алексеев Е. С., Ульяницкая Л. А. Краткая характеристика немецкого языка и других германских языковых вариантов на территории Валлонии.....	127

Правила представления рукописей авторами	143
---	-----

CONTENTS

Original papers

PHILOSOPHY

Ocheretyany K. A. Interface Pharmacotechniques: Conditions and Opportunities.....	5
Shcherbak N. F., Potienko V. I. Linguistic and Psycholinguistic Aspects of Silence: A Structural Model of Communication	20
Yakimov A. E. Dziga Vertov's Cinema as a Language of Temporal Reflection.....	36

SOCIOLOGY

Akinina R. D., Gonashvili A. S., Kirsanova N. P. Sociocultural Dynamics of Perception of Italian Brands in Russia.....	52
Shcherbina A. V. Traditional Man in the "Digital Cell". Ideal Sources of Alternative Scenarios (20–30s of the XXth century)	65
Ushenkov E. E. Attitudes of Modern Youth to the Innovative Activities: Based on the Materials of Sociological Research	80

LINGUISTICS

Demkina Ya. Yu. Comparative Analysis Research Methods of Political Discourse	89
Stepanova N. V. Metaphorical Representation of the Migration Crisis as a Natural Phenomenon of the Water Element (Based on American Media Texts)	103
Petrova M. V., Rozhkov G. A. Linguadidactical and Sociocultural Aspects of Creating Interethnic Relations in Organization of Extra-Classes Activities in Non-Linguistic University	118
Alekseenko E. S., Ulianitskaia L. A. Brief Description of German and Other Germanic Language Varieties on the Territory of Wallonia....	127

Фармакотехники интерфейса: условия и возможности

К. А. Очеретяный✉

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

✉kocheretyany@gmail.com

Введение. В статье идет речь о нахождении экологических закономерностей для цифровой среды. В настоящий момент цифровые среды, скорее, приближают человека к машинным и техническим требованиям. Ставится вопрос (и дается развернутый ответ), как и при каких условиях техника не поглощает человека, а дает ему возможность раскрыть свой потенциал, превратив его в экзистенциальный капитал.

Методология и источники. Методологически работа базируется на философском анализе вызовов и прецедентов цифрового поля, примеров исследовательской литературы, применяются методы медиафилософии, анархической эпистемологии, топологической рефлексии. В частности, были проанализированы гипотезы цифрового пространства как одновременно коммуникативного и дисциплинарного (Ю. Хабермас, М. Фуко) дигитального бихевиоризма Б. Фогга, экономики прощения Д. Грэбера, антропологии игры Р. Кайуа, Интернет животных А. Пшера: на их основании предложены принципы цифровой этиологии и экологии.

Результаты и обсуждение. Задача превращения интерфейсов в экологические и фармакологические среды представляет собой задачу по организации средствами интерфейсов различных типов агентностей таким образом, чтобы режимы энергорасхода и эксплуатации были заменены на режимы энергосбережения и заботы, тогда интерфейсы цифровых устройств смогут быть не продолжением технократии, а условиями осмысления и собирания опыта мира. Проект этой реорганизации средств – от эксплуатации к фармакологии – и предложен автором. В статье показано, что интерфейс цифровых устройств может быть не только инструментом (технэ) или формой видения и познания мира (эпистемой), но и экологической жизнесберегающей средой (фармацеей), для этого необходимо учесть ряд факторов: 1) контрстандартизацию и контрперсонализацию интерфейса: он должен сталкивать не с собой, а с другим, во всем радикализме его инаковости; 2) возможность перехода от значения к присутствию, ориентация не на потребление идеологических текстов как стандартизированных сценариев, а на создание контекстов экзистенциального взаимодействия; 3) отказ от агональности цифрового потребления (которое приводит к эмоциональному выгоранию) в пользу признания уникальности и несоизмеримости опыта, а соответственно, и создания условий для взаимопризнания и взаимодоверия – основного капитала современного человека в эпоху смысловой непроницаемости в цифре, роста подозрения и цинизма.

Заключение. Интерфейс превращается из дисциплинарного пространство в поле заботы тогда, когда средствами интерфейса становится возможно выйти за него самого, когда он предоставляет право на отсрочку, на невнимание, на офлайн, когда

вместо инструмента интенсификации жизни он становится условием его углубленного проживания – для этого следует обратиться от техник вовлечения внимания в интерфейс к техникам организации и интерпретации опыта мира.

Ключевые слова: фармакотехники, интерфейс, медиафилософия, забота о себе, Интернет животных, экономика прощения.

Для цитирования: Очеретяный К. А. Фармакотехники интерфейса: условия и возможности // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 3. С. 5–19. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-5-19

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации (проект № МК-169.2021.2 «Техники заботы о себе в цифровой реальности»).

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 22.04.2021; принята после рецензирования 11.05.2021; опубликована онлайн 24.06.2021

Interface Pharmacotechniques: Conditions and Opportunities

Konstantin A. Ocheretyany✉

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

✉kocheretyany@gmail.com

Introduction. The article deals with finding environmental patterns for the digital environment – at the moment, digital environments are more likely to bring a person closer to machine and technical requirements. The article poses a question (and a detailed answer is given) about how and under what conditions technology does not absorb a person, but gives her the opportunity to reveal her potential, turning it into existential capital.

Methodology and sources. Methodologically, the work is based on philosophical analytical research and precedents of the digital field, examples of research literature, methods of media philosophy, anarchic epistemology, and topological reflection are applied. In particular, the hypotheses of the digital space as simultaneously communicative and disciplinary (Habermas, Foucault) digital behaviorism by B. Fogg, the economics of forgiveness by D. Graeber, the anthropology of the game by R. Caillois, Internet animals by A. Pscher were analyzed: on their basis, the principles of digital ethology and ecology.

Results and discussion. The task of converting interfaces into ecological and pharmacological environments is the task of organizing by means of interfaces of various types of agencies. They should be organized in such a way that the modes of energy consumption and operation are replaced by modes of energy saving and care. In this case, the interfaces of digital devices could be not a continuation of the technical bureaucracy, but the conditions for comprehending and collecting the experience of the world. The project for this reorganization of funds – from exploitation to pharmacology – was proposed in the article. The article shows that the interface of digital devices can be not only a tool (techne) or a form of vision and cognition of the world (episteme), but also an ecological life-saving environment (pharmacy) for this it is necessary to take into account a number of factors: 1) counter-standardization and counter-personalization of the interface – it must to collide not with oneself, but with another, in all the radicalism of one's otherness; 2) the ability to move from meaning to presence, and focus not on the consumption of ideological texts as standardized scenarios, but on the creation of contexts of existential interaction; 3) rejection of the agonality of digital consumption (which leads to emotional burnout) in favor of recognizing the uniqueness and incommensurability of experience, and, accordingly, creating conditions for mutual recognition and mutual trust,

which are the main capital of a modern person in an era of semantic impenetrability in digital, the growth of suspicion and cynicism.

Conclusion. The interface turns from a disciplinary space into a field of care when it becomes possible by means of the interface to go beyond itself, when it grants the right to postponement, to inattention, to offline, when instead of a tool of intensifying life, it becomes a condition for its deeper living. To do this, one should turn from techniques of drawing attention in the interface to techniques of organizing and interpreting the experience of the world.

Key words: famacotechnics, interface, media philosophy, self-care, internet animals, the economy of forgiveness.

For citation: Ocheretyany K. A. Interface Pharmacotechniques: Conditions and Opportunities. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 3, pp. 5–19. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-5-19 (Russia).

Source of financing: The work was supported by a grant of the President of the Russian Federation (project No. MK-169.2021.2 "Self-care techniques in digital reality").

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 22.04.2021; adopted after review 11.05.2021; published online 24.06.2021

Введение. Почему мы поступаем так, как поступаем? Какова доля нашего участия в собственном поступке? Насколько масштабна ответственность? И следовательно, каковы границы возможностей? Эти вопросы все еще занимают нас спустя почти два столетия после критики культуры, начатой Шопенгауэром, продолженной Марксом, Ницше, Фрейдом, а затем перешедшей в критическое исследование языка, дискурса, повседневных практик. Более того, критика эта не ослабла, но еще и получила дополнительное измерение, став критикой природы, т. е. критикой от имени природы – и вот мы читаем о том, как нами мыслит тело, мозг, изменение климата, бактерии, вирусы. Г. Л. Тульчинский, ссылаясь на широкий корпус исследований стимуляции мозга, отмечает, что «электрическая стимуляция премоторной области коры головного мозга вызывает у человека осознанное намерение к совершению определенного действия и даже его осуществление» [1, с. 34]. Но «электрическую стимуляцию» можно заменить на химическую, биологическую, генетическую, климатическую, добавим ... какую угодно. Вопрос о субъекте открыт, а сам субъект, т. е. некая фантазматическая идентичность, с которой мы вынуждено соизмеряемся (назовем ее по привычке «Я», хотя здесь, конечно, возможны и варианты, и споры), со всех сторон предопределен или обречен. Ведь в случае сквозного детерминизма все действия не только предшествуют намерению, но еще и обрекают на его все новое воплощение – эгологический вопрос (о возможной «автономии») превращается в экологический вопрос (о возможном негативном вкладе), и значимым становится не только то, что делается, не только тот, кто делает, а то, чему препятствует делаемое. Если существует так много агентов, определяющих действие, и автономия кажется утопичной, то возможно ли выстроить некий экологический баланс между агентами, который и смог бы реализовать наивысший потенциал поступка и того, кто поступает (или лучше сказать возникает из свершившегося поступка)? Одновременно защитить и поддержать. Следовательно, вопрос касается актуального принципа организации различных типов агентностей, которые могли бы восполнить автономию, выключить режим энергорасхода и эксплуатации и включить режим

энергосбережения и заботы. Интерес в данном случае представляет техника – технические интерфейсы как формы собранности опыта мира.

Методология и источники. Напомним, что ἐπιστήμη и τέχνη не противопоставлялись друг другу изначально как теоретическое знание и практический навык, но, напротив, дополняли друг друга, т. е. τέχνη могло воплощать, выражать и даже направлять ἐπιστήμη. В современном понимании «эпистема» как дискурсивное поле возможных интенций немислима вне учета недискусивных элементов – τέχνη, определяющих перформативный потенциал. А значит, в интерфейсах цифровых устройств сближаются оба контекста, они не в меньшей степени ἐπιστήμη, чем τέχνη. Но что такое ἐπιστήμη? Одна из возможных этимологий – ἐπι + ιστάναι, т. е. нечто устоявшееся, некое образование со всеми возможными значениями (выдержанности, устойчивости, защиты, силы). В. Мазин напоминает, что Фрейд понимал бред «как защитное образование, возникающее в ответ на некую неразрешимую проблему» [2, с. 15]. С ним согласились бы и Л. Дастон, и П. Галисон, рассуждающие об «эпистемических добродетелях», т. е. о регулятивных идеях, определяющих деятельность ученых сообществ, но сами рождающиеся, скорее, из эмоций и чувств – из страха перед катастрофической непроницаемостью мира, его нависающей над нами силы. Наши интерфейсы цифровых устройств парадоксальным образом сочетают в себе значения бреда, желания и познания и в этом смысле подобны тому, что Ж. Деррида обнаружил у Платона под именем φάρμακον – единство яда и противоядия, они могут собрать нас, но могут и разрушить, оживить или убить. Ж. Деррида вслед за Платоном применил имя «фармакон» к письму как матрице всевозможных техник, используемых человеком. Для нас же важен вопрос интерфейса как фармацевии, как защитного образования, такого способа упорядочивания всех возможных типов агентностей, которые могли бы создать нишу автономного бытия, условия для события, раскрывать и углублять потенциал поступка, а не препятствовать ему, поддерживать и совершенствовать человека, а не подавлять и эксплуатировать его. Интерфейс как фармакон может быть и бредом, и эпистемой, и формой третирования живого, и условием раскрытия жизни, и испытательным полигоном, и защитным образованием. В этом смысле исследование интерфейса – это исследование экологических ниш и фармакологических условий современных сообществ, без которых невозможно ни понимание общественных, экономических, правовых типов поведения, ни понимание того, где действие превращается в собственную невозможность. После уже проделанных медиафилософией шагов – исследования интерфейса как технэ (средства) и эпистемы (среды), должен быть сделан следующий шаг – исследование интерфейса как фармацевии (благоприятных условий).

У. Х. Оден говорит об обществе как о союзе, которым предполагается: «во-первых, что принадлежность человека к обществу основана на свободе выбора, во-вторых, что он разделяет цели общества, и в-третьих, что он готов соблюдать неписанные обязательства – например, не терять самообладания из-за проигрыша и обмана» [3, с. 19]. Следовательно, сообщество в равной степени определено и тем, что оно исключает, и теми, кто из него исключен. Психологии и поведенческой экономике известна разновидность систематической ошибки отбора – ошибка выжившего (survivorship bias). Исследуя общие черты одной группы («выживших»), забывают о ключевом значении другой группы («погибших»). Ключевые случаи упускаются из-за того, что они распыляются среди многочисленных,

просто не успевая привлечь внимания, другие же создают впечатление ложной законообразности. Так, многочисленные истории успеха основываются на фантазматических представлениях, так как заключают в зону умолчания спектр возможных неудач. А показательные примеры не показывают самого главного – условия альтернативных возможностей. Например, не только симптоматично, что исследованное Ю. Хабермасом формирование публичной сферы средствами почты, биржи, прессы, а также английских кофеен и клубов, французских салонов и германских читательских обществ, парламентских дискуссий и прочего совпадает на выбранном временном отрезке с процессами ужесточения нормативного контроля и разрастания дисциплинарных зон, изученных М. Фуко. Более того, одно исследование непонятно без другого. Процессы, исследованные Фуко, дополняют и проясняют процессы, исследованные Хабермасом (и наоборот). Коммуникативное действие становится возможным только среди дисциплинарных зон умолчания. По мнению Канта, наложение различных ликов друг на друга дает не эталон красоты, но пугающую безликость нормы [4, с. 104]. Важно увидеть в норме монструозность. Ведь в отличие от «выжившего» (молчащего о погибших) – «монстр» говорит о себе, о своей беде и успехах других. Так и общие основания модерна, исследованные двумя столь различными мыслителями, будучи наложенными друг на друга, рожают «монструозную» формулировку, т. е. открывающую норму и ее вытесненное: все, о чем можно дискутировать, не имеет значения, а все, кто производит действия, заключают себя в тюрьму значений.

Именно этот аспект модерна – превращение инструментов действия в машины принуждения – необходимо вспомнить и учесть и при анализе цифровой революции. Цифровое и сетевое взаимодействие обычно воспринимается как усиление демократических возможностей, а интерфейсы наших устройств – как воплощение коммуникативной открытости, нон-стоп референдум по всем вопросам. При ближайшем рассмотрении оказывается, что инструменты открытости могут превратиться в свою противоположность. Восстание масс – не столько включение большего числа говорящих в дискуссию, сколько подкрепление существующих позиций большим числом голосов, т. е., скорее, заглушение большинства. Точно также увеличение числа действующих не равняется реальному увеличению числа возможностей, а из-за дополнительных требований к организации, скорее, приводит к усилению дисциплины и расширению дисциплинарных зон, подкреплению стандартов. Репост-активизм – судьба сетевого пролетариата, ведь большая часть информации основывается не на проникновении в содержание, а на том, чтобы оставаться в форме, т. е. через постоянные упражнения (седирование, мониторинг, участие в просмотрах и комментировании) выступать источником подкрепления уже имеющейся информации и уверения себя в ней.

Известно, что ритуал в силу культурных, психологических и даже биологических особенностей устройства человека может предшествовать внутреннему переживанию: подражание может быть началом вживания даже при условии нашей изначальной отстраненности от внутреннего содержания процесса. Антрополог Р. Кайуа показывает, что мимикрия в животном мире – не способ сохранить жизнь, а проявление влечения к смерти – растворения в среде [5]. Э. Рампо доводит эту мысль до логического предела, показывая, что даже если всякое осознанное и неосознанное подражание в культуре ведет к смерти, то изначальный импульс здесь – тотальное овладение стихией жизни, превращение ее в нечто

упорядоченное и предсказуемое [6]. Ритуальные формы сетевой коммуникации – попытка овладеть жизнью как целым. В. Мазин убедительно показывает, что исток машины нужно искать не в политической, интеллектуальной или промышленной революции, но в рождении психиатрии [2, с. 18], а любая машина имеет бредовую конфигурацию, т. е. силится удержать весь груз жизненного мира немногочисленным числом противовесов. В этом смысле и машинная коммуникация – не передача и расшифровка сообщения, а, скорее, коммуникация без сообщения, бытие в признанности через шлифовку и стандартизацию сообщения, пока они не превратились в ready-made-модели, вызывающие ложное чувство доверия. Демократия в ситуации цифровой революции превращается в эмократию. В цифровой реальности события не воспринимаются, если не приобретают образ, а образ не закрепляется в памяти, если не вызывает живой эмоциональный отклик.

Однако сетевые и цифровые условия раскалывают общественное сознание: войны, конфликты, проблемы, к которым аудитория не была подготовлена риторикой медиа (в широком смысле эффектами, подачей сюжета, созданием узнаваемых образов и топосов), выпадают из внимания, для них как бы не существует адекватного языка. Сегодня такого языка может не существовать не только для регионов, лиц и проблем, к которым медиа нас не подготовили, но и для нас самих. Все наши эмоции, чувства, настроения, не отвечающие условиям Сети и цифре, как бы перестают быть и действовать (перестают что-либо значить), а потому назревает конфликт между производством и потреблением эмоций: мы все дальше от конкретной психофизиологической природы человека и все ближе к эмоциям, освобожденным от какой бы то ни было субъективной привязки. Эмоция становится коллективной, отдается на аутсорсинг, стандартизируется. Работа с информацией приводит, скорее, не к откровению и открытию, а к постепенному наращиванию убежденности и поиску своих групп – своих сюжетов и ритуалов, попаданию в эмоциональный стандарт, который становится условием понимания, признания, сочувствия. Все это меняет ландшафт публичности: все, представленные в Сети и цифре, оказываются исключенными или теми, чьи действия ничего не меняют, а только упрочняют уже сложившуюся картину, все настроения предопределены. Интерфейс, реализуя право на участие в общем деле, оказывается инструментом самодисциплины, стандартизации, а затем и самоисключения. Общество без публичности заставляет говорить о постпубличных формах коммуникации. Возможны ли иные варианты?

Да, если мы изначально примем исключенность и исключительность всерьез, признаем ритуализм коммуникации и обратим внимание на то, что ему противостояло в истории мысли. На востоке и западе мы обнаруживаем похожие эпизоды: мудрец, или просветленный, или получивший духовный опыт человек оказывает сопротивление социальной инерции через вызывающе непредсказуемое поведение. Ритуальные мегамашины, принуждающие к повторению, рушатся в силу того, что производимый ими код оказывается смещен поступком просветленного мудреца, ведь сам его поступок состоит не в повторении, а в смещении и смущении – отсюда обвинения его в глупости или развращении нравов. Вся история есть прибавочная информация, нечто радикально неожиданное. В социальной, экономической и технологической сферах знают, что трудно прогнозируемые и редкие события более значительны. Но цифровой современности с ее умными машинами катастрофически недостает новой глупости, т. е. новой логики поступка, ориентированного

не на повторение, а на различие, смещение и запутывание социальных кодов. В этом смысле цифровая реальность парадоксально консервативна. Поэтому для понимания и разработки фармацевтической функции интерфейсов в социальном мире необходимо внимание к кибердевиации – поведенческой логике малых групп. Трэш-бытие цифровых фриков может отвечать будущим моделям рациональности: так, в поисках альтернативных моделей рациональности, преодолевая собственные кризисы, современная мысль двигалась к досократикам, а от них – к дофалесикам: к орфикам, вакханалиям дионисийской Греции, к шаманам и даже к прамифу, ритуалу. Трэш-бытие цифровых трикстеров может стать прообразом бытия в мире, а мусорные формы цифровой коммуникации – породить стратегии понимания и обживания нового опыта.

Подобным образом в диалогах Платона можно увидеть намеки на архаические загадки и даже на языковые игры – нужно только обратить взгляд не в прошлое, а в будущее. Начало этому положено в разработке категории постправды и постиронии, превратившихся из достояния малых групп в политический метанарратив. Мы уже не принимаем всерьез отождествление фейка и лжи, но понимаем, что фейк, если уж он и получает распространенность и признание, обладает ими, поскольку в него инвестированы социальные надежды и страхи. Возможно, фейк молчит о факте, но он говорит о более важном – о тех настроениях, которые существуют в обществе, о тех формах признания, сознания и чувственности, которые являются доминирующими. На место различия факта и фейка приходит единство фейкта – факта, поданного через призму настроений. Также и ирония – больше не отстраненность от действительности, а попытка нащупать глубинную социальную действительность через сонастройку – попадание в настроение, в единый опыт через колебание действительности, а не через утверждение ее путями апелляции к абстрактным или доопытным идеалам. В этом смысле девиантное, по-видимости, поведение – троллинг, шокоголизм, провокация, а также глитч-поведение игроков компьютерных игр (сознательное использование ошибок кода или механики интерфейса), перешедшее в неигровые сферы медиа, могут быть моделями деконструктивного поведения, а постпубличное общество все-таки может обнаруживать бытие не через соучастие в общем, а, скорее, через сбой дискурсивных машин перформативной логикой поведения – обнаружение сложности и многогранности ситуации, нахождение новых условий поиска общности. Точно так же, как модели поведения героев и мудрецов – аккумуляторов приращенной информации, заложили фундамент субъектности, основанной на истории и самосознании, маргинальные модели поведения в постпубличном сообществе исключенных, продуцируя через смещение дискурсивных кодов новую глупость в мире умных машин, разрушая все то, что не может устоять в ситуации постправды и постиронии, учат более тонкой и продуманной работе с настроениями, порождая субъективность, основанную на заботе о себе: экологической практике информационного потребления. Компьютерные технологии из инструментов рациональности превратились, благодаря дизайну, прицелу на эмоциональный интеллект и визуальную экологию, в среды, питательные для эмоционально ориентированного сознания.

Настроение в мире скорости информационных потоков и умножения их количества становится важнее сознания, а имагократия, сила воображения важнее претензии на истину. Поэтому наши технологии должны стать фармацевтическими аппаратами по работе с собственными настроениями, эмоциями, воображением, а не инструментами отдачи настроений на аутсорсинг, в пользу эмократических монополий. Все это возможно при условии, что

мы увидим в них платформы для дестантартизации поведенческих решений, для деконструкции своих верований, надежд и страхов, для проектирования собственных экзистенциальных стратегий через техническое усиление воображения и радикализацию поведенческих стратегий новыми цифровыми решениями.

Результаты и обсуждение. Если западноевропейская ментальность берет истоки в слиянии иудеохристианской и античных цивилизаций, то неудивительно, что в современных формах мышления имплицитно господствуют теологические модели. Однако теология может быть путем к Откровению, а может быть результатом рационализации Откровения, т. е. упрощения и схематизации исходного опыта. В последнем случае исходная реальность и вовсе может быть искажена, а первые результаты понимания не находят никакого соответствия в продуктах поздней шлифовки и дрессуры и даже во многом противостоят им. Привлекает внимание, что радикальная инверсия затронула почти все основополагающие понятия европейской экономики: результат этого состоит в том, что мы до сих пор относимся к экономической реальности как к моральной, но, стремясь соответствовать требованиям этой моральной реальности, совершенно не понимаем их онтологического истока, что препятствует ориентации в онтопоэтических формах цифрового технэ, обрекает на мучения и паразитарные переживания.

Экономическая антропология в XX в. показала, что мы в малой степени учитывали «непродуктивные элементы» жертвы, дара и демонстративной траты, имеющие место у сообществ с «непроизводительной экономикой». Считалось, что достаточно учесть их, как откроются альтернативные модели отношения человека к человеку – новые формы предметного мира, свободные как от истощающего производства, так и от диктатуры потребления. С тех пор указанные факторы более-менее приняты в учет анализа экономического поведения и даже работают в интерфейсах наших гаджетов. Более того, современный рынок не может сегодня не учитывать то обстоятельство, что изготовление выражает лишь минимальный процент стоимости продукта, а несоизмеримо большим значением наделяются нематериальные элементы производства – дизайн, PR-кампании, маркетинговые стратегии, идеология бренда и т. д. Однако именно принятие в учет этих нематериальных факторов, заимствованных у «непроизводительных сообществ», ужесточило динамику экономического обмена. В самом деле, неверное истолкование нематериальных факторов производства приводит к тому, что за престижем, даром, тратой видят сохранение экономической силы средствами морального доминирования и не видят обратного, что демонстративная трата изначально – не вызов и не приглашение к коллективной агонии, а форма умаления и отказа на притязания. Иначе говоря, стратегии когнитивного капитализма, учитывая широкий спектр феноменов, открытых экономической антропологией, и используя их в маркетинговых ходах, PR-кампаниях, дизайне, претендуют на моральное доминирование – на заботу, и, выходя за пределы рынка, вторгаясь во все сферы жизненного мира, ужесточают тотальную озабоченность. Долг не ликвидируется, он инфинитимизируется – становится бесконечным. В этой перспективе многочисленные колониальные восстания могут быть рассмотрены как борьба с переводом долга из политических, социальных, культурных координат в экономические, что попросту сделало бы его принципиально неотдаваемым, а значит, невыносимым: контрколониальные выступления – отказ от товарных отношений, от инверсированных моральных требований, которые предъявляют производство и потребление [7].

Напомним, цифровая реальность, как и экономика, бережно хранит свои генеалогические истоки. Если внутри экономического аппарата скрывается карлик теологии, то за поверхностью интерфейса лежат многочисленные археологические слои техно-, бюро- и милитократий: всего комплекса доминирования и контроля, выработанного военной и гражданской историей владения. Что происходит при их слиянии? Взаимодополнение и взаимоусиление? Но есть ли основания надеяться на взаимоотталкивание, взаимодействие и катартическое высвобождение? Иначе говоря, как средствами цифровых технологий совершить имплицитную теологическую революцию, вспомнить, что священен не долг, а прощение, и тем самым осуществить подлинную экономическую заботу – перейти от экономики долга к экономике прощения? [8, с. 97–100]. Экономика цифрового мира может ужесточить жизненный мир через ужесточение требований к человеку и утверждение перманентных требований к повышению квалификации, к самодисциплине и большему времени (бремени) личной жизни, инвестированному в рабочий процесс, через обход трудового законодательства и права на отдых; через расширение глобальных цепочек создания стоимости; через подъем нематериального капитализма, где компании-монополисты, не владеющие ничем материальным, могут эксплуатировать большее количество менее крупных компаний, предоставляя им средства репрезентации в пределе, делая возможной их тотальную изоляцию через их бренд, дизайн и PR.

Указанное справедливо для публичной сферы, но и в интимно-частном измерении жизни ситуация немногим лучше. Цифровая экономика все еще ориентируется на повышение эмоционального отклика – на агональность коммуникации и рост конкуренции. Результатом этого является то, что даже элементы повседневности превращаются в образ, тиражируются в сети, наделяются товарным статусом, а их цену стремятся перебить многочисленные конкуренты по социально-сетевому интеракционизму. Если ты не продаешь свою частную жизнь, соизмеряясь с запросом рынка либидинальной экономики, то твоя частная жизнь и вовсе не имеет значения. Все это рождает чувство упущенных возможностей – радикального несоответствия требованиям рынка экзистенциальных сценариев, а жизнь начинает оцениваться как проваленный проект. Экономически несовершенное поведение получает статус моральной несостоятельности, а мир возможностей только упрочняет депрессию.

Обратный эффект возможен, только если технологии помогут обнаружить человеку измерения прощения и доверия. Ведь радикальная ошибка экономики долга состоит в том, что она делает ставку на конкуренцию, понимая ее как соревновательный дух – агональность. Но когда все двигаются одновременно, все одновременно стоят. Наступает стагнация. И здесь не помогут даже блокчейн, 3D-печать, технологии обработки больших данных, нейросети – все то, что задает контуры четвертой промышленной революции, ведь автономия машин основывается на машинном опыте, т. е. на решениях, принятых в прошлом. Напротив, следует помнить, что даже в мире, где человек не будет понимать решения машин, ему все еще остается главный человеческий капитал – вера как возможность обращения всего предшествующего опыта в ничто: наиболее продуктивные решения не имеют аналогов, будучи уникальными они противостоят всему ранее сделанному, и в этом они подобны вере. Именно в этом смысле необходимо вернуться от экономики долга к экономике прощения. Простить – значит, не зачесть вину, т. е. ликвидировать некий опыт, с которым соотносится вина, освободить пространство для новых решений и новой жизни.

Здесь и открывается подлинное значение социальных сетей, мессенджеров, компьютерных игр. Кит Стюарт, автор издания The Guardian, в своей статье, посвященной анализу игровой индустрии, делает ошеломляющий вывод: деньги крупных монопольных компаний могут играть против них. На рынке доминируют Sony и Microsoft, но схожие (а то и превосходящие) по финансовому и имиджевому статусу компании совершают многочисленные ошибки, предпринимая те же действия, которые в других случаях приводили к успеху. В других случаях указанные компании покупали ведущих разработчиков, топ-менеджеров, и, используя свой авторитет, обеспечивали доступ к широкому спектру социальных и рыночных возможностей. В случае же с игровой индустрией ключевыми ингредиентами оказалось время, совместные переживания, выдерживание критических ситуаций и увеличение доверия: в сфере игр оказалось важным то, чему экономические стратегии часто просто сопротивляются – набор кризисов, радикальных и провокативных решений, совместное переживание катастрофы, из которой рождается чувство доверия [9]. Поскольку игры – это полигоны цифрового будущего, и именно в них оттачиваются те стратегии и практики, которые становятся парадигмальными формами взаимодействия в сети и цифре, аналитика их опыта и сделанные из него выводы имеют решающее значение.

За определением «геймификации» часто скрывается технически стимулированная агональность: рейтинги, баллы, результаты полностью скрывают процесс, а социальный контакт вытесняется в пользу механизмов, подобных казино, где речь идет о конкуренции, возможных выигрышах и повышении ставок. Кайуа выделял четыре модели игры: Agon (состязательные игры), Alea (азартные игры), Mimicry (подражательные игры), Pnix/Vertigo (головокружение, нарушение стабильности в восприятии реальности) [10]. Цифровые и сетевые положения определены парадигмой, сочетающей подражательность, азартность, соревновательность – на этом и строится цифровая экономика. Но для подлинной ее реализации, для того чтобы она была не экономикой без капитала (что часто подразумевают, говоря о нематериальных факторах производства и сложности учета их дальнего следа, например, в банковских системах), а экономикой с человеческим капиталом, необходимо возвратиться от гибрида Agon, Alea, Mimicry к модели Pnix/Vertigo – игре, где земля уходит из-под ног, и остается только прощение, вера, доверие. Подлинная задача приложений и сетей – увеличение доверия как человеческого капитала, бытие-с-другим, умножение сценариев возможного и невозможного (виртуального – в игровом взаимодействии) опыта, превращения его в основной капитал, укрепление человеческих связей через сопереживание, со-участие (в подлинном смысле заботы о других). Но для этого сети должны подталкивать к личностному взаимодействию. Сейчас уже намечены сдвиги в сторону человеческого соучастия, переход от экономики долга к экономике прощения: copyleft заменяется copyleft, отказом от прав в пользу других, цифровые сервисы уступают технологиям добровольного соучастия – от такси-по-пути (вроде Bla-bla Car) до поисковых команд (вроде Lisa Alert), Интернет вещей (бытие среди умных вещей, превращающих тебя в глупого и довольного потребителя) сменяется Интернетом животных [11] (столкновение с радикальной инаковостью их бытия, и через это столкновение с собой, узнавания себя и мира, вхождение в экологическую динамику природных сред, усложнению собственной чувственности, чувствительности и обогащения радикальным опытом существования – экзистенциальным капиталом). Но здесь ключевые моменты игр в том, что их

социальная и сетевая динамика погружает в совместные истории, оставляет время, проведенное в них, без результата, потому что единственный результат здесь – сборка себя в качестве субъекта, а также наделение мира смыслом, собственными действиями и более полное проникновение в опыт другого человека с иными мотивами и поведенческими решениями. Все это – возможности для аккумуляции человеческого капитала средствами цифровой экономики. Цифровая экономика, если она ориентируется не на агональность, а на несоизмеримость опыта, не на стандарт, а на уникальные, не имеющие аналогов решения, если процесс для нее и есть результат, должна ориентироваться на рост доверия. Тогда она имеет все возможности соответствовать своему изначальному пониманию – руководство домом, т. е. обращению мира в дом. Недоверие обходится крайне дорого, а поскольку актуальный опыт сегодня – не опыт, накапливаемый поколениями, перерабатываемый традицией и транслируемый социальными институтами, но опыт медиаресурса, к которому человек подключен, важно, чтобы он давал возможность не принять опыт, а изъять его во взаимодействии с другими, чтобы он подталкивал к выходу по ту сторону сети и цифры к личностному контакту.

По мнению Б. Фогга, интерфейс – это технология влияния, поскольку в интерфейсе коммуникация чаще строится не на раскрытии человеческой свободы, а на эксплуатации животной природы человека [12]. Дизайн интерфейсов бихевиориален. Подталкивание, предоставление возможности и поощрение за выбранную модель поведения в дизайне интерфейсов подменяет достижение цели удовольствием от эффекта. Именно поэтому Ш. Туркл определяет интерфейс не как условие возможностей, а как цену возможностей – в современном мире мы вынуждены покупать вещи, контакты, события по цене интерфейса [13]. Например, экраны дешевы в производстве; в классах, больницах, аэропортах, ресторанах экраны удешевляют стоимость услуг, но вместе с тем они удешевляют все, что демонстрируют, в том числе человеческие отношения: там, где могла бы зародиться уникальная коммуникативная ситуация, утверждается стандарт, вместо свободы – почти природная необходимость. За видимостью демократических платформ Google и Facebook скрываются механизмы «быть в ответе», но не в этическом, а в сервисном и потребительском смысле – отвечать на рекламу, на сообщения, на события. Напротив, выход по ту сторону принуждения к ответу, право на офлайн оказывается символом статуса [14]. Парадокс состоит также в том, что экономический рост, который связывают с внедрением новых технологий, обесценивается стандартизацией форм коммуникации: богатство технологических условий порождает новую бедность – языковую, трудовую, событийную, ведь сам контакт с человеком, неопосредованный технологиями и программами, становится предметом роскоши, а возможность не участвовать в системе поощрения/наказания – правом на автономию, правом, спектр субъектов которого стремительно сокращается. Как в такой ситуации бихевиориального вовлечения в интерфейсы, онлайн-диктатуры средствами цифровых оболочек, т. е. самих же интерфейсов реализовать спасительную фармацею (эпимилею?) – право на офлайн?

Если цифровой доступ к человеку подменяет человека стандартом, а нестандартные коммуникации по ту сторону бесконтактного мира становятся роскошью, то следует обратить взгляд и ориентироваться не на доступ к человеку, а на доступ к животным. Именно такую модель предлагает немецкий исследователь А. Пшера: Интернет животных – это возможность средствами дополненной (расширенной, гибридной) реальности с применением цифровых технологий обработки больших данных и сетей коллективного взаимодействия

узнавать больше о жизни животных. Ключевая установка проекта в том, что, узнавая больше о животных, мы обнаруживаем иные способы поведения и чувствования, иные формы ориентации в пространстве и времени, налаживаем контакт с собственной экологической нишей, а значит, получаем надежду на оптимальную психогеографию – построение городской и цифровой среды с наиболее благоприятным психологическим воздействием. В современных интерфейсах человек как антропологическая модель стандартизируется и механизмируется по бихевиориальному образцу, т. е. человек выступает против человечества. Напротив, включение цифровыми средствами в диалог с человеком животных позволит переосмыслить и изменить свои психологические стандарты, перестать участвовать в гонке цифровых достижений. Человек жил среди животных всегда, а его среда – эпидемиологическая, культурологическая, экологическая, эмоциональная – во многом основана на взаимодействии с ними. Сейчас мы получаем возможность обрести новый диалог с животными в новых цифровых средах, а значит, глубже исследовать свое поведение и мышление, свои настроения и эмоции.

Не меньший интерес, чем Интернет животных представляет Интернет богов – теологические модели цифровой реальности. Если духовидец Сведенборг составлял карты иных миров, описывая с предельной точностью адские и райские ландшафты, то в современном мире можно использовать приложения для опыта встреч со святыми и составления духовных ландшафтов. По крайней мере Ватикан одобрил разработку игры, аналогичной «Pokemon Go» – «Follow JC Go» («Следуй Христу»), где необходимо средствами дополненной реальности узнавать нечто о Библии и жизни католических святых, перемещаясь по европейским городам со смартфоном. Задача состоит в том, чтобы через погружение в игру с виртуальными святыми и распространением знаний о них встретиться с реальными людьми с близкими ценностями и интересами в конкретном пространстве и конкретном времени, найти наиболее ценное – человеческий контакт, ближнего своего. А в идеале – превратить улицы городов, наполненных избыточной визуальной информацией, травматикой коммерческих приложений и самих культурных ценностей, превратившихся в маркетинговую кампанию, в ландшафты духовной жизни со своей динамикой страстей, открытий, признаний, веры.

Не стоит забывать и о важной особенности онлайн: заменяя этическую ответственность сервисом и правовым соглашением, мы изначально оказываемся в ситуации удушьяющего комфорта. Вся боль, которая может быть нам причинена, касается лишь нашего самомнения: кража артефакта в онлайн-игре или зависть по отношению к жизни других в социальной сети задевает, собственно, не нас, а предложенные нам ожидания, которые мы приняли за свои. Обратный ход, т. е. обращение сервиса и потребления в этическую проблему возможен только через выход к иной реальности, не созданной собственными действиями, а принадлежащей Другому. Интернет животных и Интернет богов, рисуя анималистическую психогеографию или духовные ландшафты, возвращают ценность человеческого контакта, ставят перед встречей с Другим во всей его радикальной инаковости, заставляют вспомнить, что этика – это не следование закону, а императив, утверждение его, смелость быть: мы уже не отвечаем на рекламу и сообщения, мы отвечаем на вызов бытия, на встречу, исход которой неясен, а эмоции свежи. Ключевая задача всех этих фармаконов – покинуть интерфейс средствами интерфейса, т. е. через разрешение

виртуальных задач попасть в актуальный опыт, отказаться от следования правилам и предложить свои, отказаться от моделей репрезентации и осмелиться быть в мире, где прикосновение – не только касание к экрану, но и глубинная затронутость – вовлеченность в животный, человеческий и духовный контакт.

Заключение. Подводя итог, напомним, интерфейс есть фармакон. Он может отравить, но он может и исцелить. В мире, где человек смирился с многочисленными фигурами самоотчуждения и самоумаления, где его бытие децентрировано, а субъектом этого бытия выступают многочисленные агенты – вирусы, бактерии, климат, мозг, тело, бессознательные влечения, идеологии и т. д. и т. п., интерфейсы, вклиниваясь в зазор между импульсом и его осознанием, позволяют человеку организовать собственную экологическую нишу, собственные способы жить путем прояснения и примерения многочисленных агентностей в защитном зеркале интерфейса. Однако для этого интерфейс должен быть не зеркальным лабиринтом общественного, экономического и правового удушья в самовозрастающих желаниях, а способом созидания автономной интерпретативной модели растущего и усложняющегося опыта мира (не для его упрощения, а для глубинного осознания, принятия и обживания).

Жан-Доминик Лажу, изучая наскальную живопись плато Тассилин-Аджер на юго-западе Алжира, в Сахаре, представил популяризированный впоследствии Т. Маккенной образ «грибного шамана с пчелиным лицом» – одно из архаических изображений, возраст которого по разным оценкам колеблется от 7000 до 9000 лет. Сквозь тело шамана прорастают грибы, а сам он окружен геометрическими галлюцинациями – возможно, это выражение силы абстракции, которой оказался заморожен человеческий рассудок, освобождающийся от первобытного реализма. Человек уже готов встретиться со своими богами, а затем и с мифами, символами, матезисом. Сахара тогда еще не была пустыней, а потому существуют предположения о последующей духовной миграции для миграции образов и опытов в регион Плодородного полумесяца, где они стали ферментами новых религий. Так или иначе, психотропный опыт – опыт борьбы со временем, человек как бы приручил продукты собственного сна, увидел себя взглядом богов, и, возможно, тот самый шаман – это человек осевого времени, близкий к нам по ментальности и способу бытия тип, возможно, это мы сами. Сегодня интерфейс как фармакон позволяет нам жить в новых технологических условиях, объединяя миллионы людей во всем мире и помещая их в цифровые среды, он меняет то, как мы думаем и видим себя. Видеть себя взглядом миллионов людей и не-людей (иных форм субъектной агентности в дополненной, расширенной, анималистической и прочей реальности) – означает вступить в дрейф техногенного сна, из которого сложится новый разум, а следовательно, учет его фармацевтических эффектов необходим для проживания в будущем. Вспомним дистих (псевдо?) Платона, для которого небо было носителем архетипов и божественной реальностью. Интерфейс может погрузить нас в ад производства в режиме *pop-stop* и потребления, сравнимого с психотропным отравлением, но он же способен дать нам духовный эквивалент звездного неба в возвышенном эстетико-этическом кантовском смысле; породить новую силу – как однажды опыт грибов, сомы, вина породил встречу со сном, из которой родилась власть intersубъективных конструкторов, для того чтобы взирать на себя многими очами или очами многих (людей, не-людей, зверей, богов, не имеющих имени агентов), выделяя и познавая все более тонкие и редкие стихии жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тульчинский Г. Л. Цифровизованный гуманизм // Философские науки. 2018. № 11. С. 28–43. DOI: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-11-28-43>.
2. Мазин В. Машина влияния. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018.
3. Оден У. Х. Лекции о Шекспире / пер. с англ. М. Дадяна. М.: Изд-во Ольги Морозовой, 2018.
4. Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994.
5. Кайуа Р. Богомол // Миф и человек. Человек и сакральное. М.: ОГИ, 2003. С. 52–82.
6. Рампо Э. Волшебные чары луны / пер. с япон. Г. Дуткиной // Демоны луны. СПб.: Кристалл, 2000. С. 53–84.
7. Scott J. C. The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and subsistence in Southeast Asia. Princeton: Princeton University Press, 1976.
8. Грэбер Д. Долг: первые 5000 лет истории. М.: Изд-во «Ад Маргинем Пресс», 2015.
9. Stuart K. Amazon, Google and why you can't just invent a blockbusting games developer // Guardian. 2021. URL: <https://www.theguardian.com/games/2021/feb/03/amazon-google-and-why-you-cant-just-invent-a-blockbusting-games-developer> (дата обращения: 19.02.2021).
10. Кайуа Р. Игры и люди, маска и головокружение // Игры и люди. Статьи и эссе по социологии культуры. М.: ОГИ, 2007. С. 48–71.
11. Пшера А. Интернет животных. Новый диалог между человеком и природой / пер. с нем. М. Зоркой. М.: Изд-во «Ад Маргинем Пресс», 2017.
12. Fogg B. J. Persuasive Technology: Using Computers to Change What We Think and Do. Burlington: Morgan Kaufmann, 2002.
13. Turkle Sh. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. N. Y.: Simon & Schuster, 1995.
14. Bowles N. Human Contact Is Now a Luxury Good // The New-York Times. 2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/03/23/sunday-review/human-contact-luxury-screens> (дата обращения: 19.02.2021).

Информация об авторе.

Очеретяный Константин Алексеевич – кандидат философских наук (2015), старший преподаватель кафедры философии науки и техники Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 54 научных публикаций. Сфера научных интересов: медиареальность, техническое бессознательное, эпистемология медиа, технологические и идеологические интерфейсы, экранированная чувственность, медиальная конфигурация телесности, телесно-ориентированные эпистемологии, (ир)рациональные тактики коммуникации в медиа, осетвленное сознание, герменевтические функции компьютерных игр, цифровая культура. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0711-644X>. E-mail: kocheretyany@gmail.com

REFERENCES

1. Tulchinskii, G.L. (2018), "Digitized Humanism", *Russian Journal of Philosophy*, no. 11, pp. 28–43. DOI: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-11-28-43>.
2. Mazin, V. (2018), *Mashina vliyaniya* [Influence machine], Izdatel'stvo Instituta Gaidara, Moscow, RUS.
3. Oden, U.Kh. (2018), *Lektsii o Shekspire* [Lectures about Shakespear], Transl. by Dadyan, M., Izdatel'stvo Ol'gi Morozovoi, Moscow, RUS.
4. Kant, I. (1994), *Kritika sposobnosti suzhdeniya* [Critique of Judgement], Iskusstvo, Moscow, RUS.

5. Caillois, R. (2003), "Mantis", *Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe* [Myth and Man. Man and Sacral], OGI, Moscow, RUS, pp. 52–82.
6. Rampo, E. (2000), "Magic spell of the moon", *Demony luny* [Demons of the moon], Transl. by Dutkina, G., Kristal, SPb., RUS, pp. 53–84.
7. Scott, J.C. (1976), *The Moral Economy of the Peasant: Rebellion and subsistence in Southeast Asia*, Princeton University Press, Princeton, USA.
8. Greber, D. (2015), *Dolg: pervye 5000 let istorii* [Debt: The First 5000 Years of History], Ad Marginem Press, Moscow, RUS.
9. Stuart, K. (2021), "Amazon, Google and why you can't just invent a blockbusting games developer", *Guardian*, available at: <https://www.theguardian.com/games/2021/feb/03/amazon-google-and-why-you-cant-just-invent-a-blockbusting-games-developer> (accessed 19.02.2021).
10. Caillois, R. (2007), "Games and people, mask and dizziness", *Igry i lyudi. Stat'i i esse po sotsiologii kul'tury* [Les jeux et les hommes: Essais de sociologie de la culture], OGI, Moscow, RUS, pp. 48–71.
11. Pschera, A. (2017), *Internet zhivotnykh. Novyi dialog mezhdu chelovekom i prirodoi* [Das Internet der Tiere. Der neue Dialog zwischen Mensch und Natur], Transl. by Zorkaya, M., Ad Marginem Press, Moscow, RUS.
12. Fogg, B.J. (2002), *Persuasive Technology: Using Computers to Change What We Think and Do*, Morgan Kaufmann, Burlington, USA.
13. Turkle, Sh. (1995), *Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet*, Simon & Schuster, New York, USA.
14. Bowles, N. (2019), "Human Contact Is Now a Luxury Good", *The New-York Times*, available at: <https://www.nytimes.com/2019/03/23/sunday-review/human-contact-luxury-screens> (accessed 19.02.2021).

Information about the author.

Konstantin A. Ocheretyany – Can. Sci. (Philosophy) (2015), Senior Lecturer at the Department of Philosophy of Science and Technology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 54 scientific publications. Area of expertise: media reality, technical unconscious, epistemology of the media, technological and ideological interfaces, screened sensuality, medial configuration of corporeality, body-oriented epistemologies, (ir)rational tactics of communication in the media, ossified consciousness, hermeneutic functions of computer games, digital culture. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0711-644X>. E-mail: kocheretyany@gmail.com

Linguistic and Psycholinguistic Aspects of Silence: A Structural Model of Communication

Nina F. Shcherbak[✉], Valeriya I. Potienko

Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia

[✉]n.sherbak@spbu.ru

Introduction. This work examines the role of silence along the lines of the theoretical considerations suggested by L. Wittgenstein and M. Heidegger. It also focuses on the role of communicative silence in each of the six functions of language in the structural model of communication put forward by Roman Jakobson. Other important types of functions are considered.

Methodology and sources. Firstly, various philosophical and linguistic approaches towards the definition of silence are studied. Non-communicative silence, being outside the language domain, is differentiated from silence as part of communication, which is treated as a zero speech act in its own right. Finally, the paper analyzes the roles of communicative silence in the communicative model developed by Jakobson. Aesthetic function of silence is given special attention to. The poststructuralist view of silence is discussed.

Results and discussion. Silence, acting as a linguistic sign, could convey information in the referential function; it could express emotions and personal experiences while performing the emotive function. As far as the conative function is concerned, silence serves to exert direct pressure on the addressee. Regarding the phatic function, silence acts as a means of establishing or discontinuing communication. Poetic silence focuses on the message for its own sake and manifests itself in repeating elements, such as syntactic pauses of various lengths and in differing contexts. Aesthetic function of silence is studied in a broader sense and involves the implementation of the motif of silence or “quietness” in a work of art. Silence becomes an important tool to study the acoustic, rhythmical potential of prosaic and poetic texts. With regard to silence in the metalinguistic function, it focuses primarily on the code of communication, i. e. on the language and its structure. The view of silence in psychoanalytical practice is also taken into account.

Conclusion. The study of the phenomenon of silence allows to see a different number of functions it performs in situations when the speaker is either in a particular opposition to the speaker; or the situation is associated with a sense of respect, grief, humility. Silence could also accompany a number of emotive states, and perform a major role in prosaic and poetic texts when it stands out against the sounds that the main character hears around him allowing texts to bring out its acoustic properties. Psycho-analytical perspective allows to reveal more functions of silence.

Keywords: silence, pragma-linguistics, speech act, pragmatic functions of silence, communication studies, language and speech.

For citation: Shcherbak N. F., Potienko V. I. Linguistic and Psycholinguistic Aspects of Silence: a Structural Model of Communication. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 3, pp. 20–35. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-20-35.

© Shcherbak N. F., Potienko V. I., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 22.04.2021; adopted after review 12.05.2021; published online 24.06.2021

Лингвистические и психолингвистические аспекты молчания: коммуникативная модель

Н. Ф. Щербак[✉], В. И. Потуенко

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

[✉]n.sherbak@spbu.ru

Введение. В статье рассматривается роль молчания в соответствии с теоретическими воззрениями, предложенными Л. Витгенштейном и М. Хайдеггером. Изучается роль коммуникативного молчания в каждой из шести функций языка в структурной модели коммуникации, выдвинутой Романом Jakobsonом. Рассматриваются другие важные типы функций.

Методология и источники. Во-первых, изучаются различные философские и лингвистические подходы к определению молчания. Некоммуникативное молчание, находясь за пределами языковой области, отличается от молчания как части общения, которое само по себе рассматривается как нулевой речевой акт. Наконец, в статье анализируется роль коммуникативного молчания в коммуникативной модели, разработанной Jakobsonом. Эстетической функции молчания уделяется особое внимание. Обсуждается постструктуралистский взгляд на молчание.

Результаты и обсуждение. Молчание, функционируя как лингвистический знак, может иметь референциальную функцию; оно может выражать эмоции и личные переживания, выполняя эмотивную функцию. Что касается конативной функции молчания, то в этом случае оно служит для оказания прямого давления на адресата. При реализации фатической функции молчание действует как средство установления или прекращения общения. Поэтическое молчание проявляется в повторяющихся элементах, таких как синтаксические паузы различной длины, которые реализуются в разных контекстах. Эстетическая функция молчания изучается в более широком смысле и предполагает реализацию мотива тишины в произведении искусства. Молчание становится важным инструментом для изучения акустического, ритмического потенциала прозаических и поэтических текстов. Что касается молчания в металингвистической функции, то оно фокусируется в первую очередь на коде коммуникации, т. е. на языке и его структуре. Взгляд на молчание в психоаналитическом аспекте также принимается во внимание.

Заключение. Изучение феномена молчания позволяет определить различные функции, которые оно выполняет в ситуациях, когда либо один говорящий находится в определенной оппозиции к другому говорящему, либо изучаемая ситуация связана с проявлением чувства уважения, скорби, смирения. Молчание может сопровождать ряд эмоциональных состояний, которые представлены в тексте. Взгляд на текст с точки зрения постмодернистской парадигмы позволяет изучать текстуру прозаического или поэтического произведения, порождающего дополнительные смыслы. Психоаналитическое изучение текста дает возможность выделить дополнительные функции молчания.

Ключевые слова: молчание, прагмалингвистика, речевой акт, прагматические функции молчания, коммуникативные исследования, язык и речь.

Для цитирования: Щербак Н. Ф., Потиеенко В. И. Лингвистические и психолингвистические аспекты молчания: коммуникативная модель // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 3. С. 20–35. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-20-35.

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 22.04.2021; принята после рецензирования 12.05.2021; опубликована онлайн 24.06.2021

Introduction. In speech culture, silence is a universal, but very heterogeneous phenomenon, so its study requires an interdisciplinary approach and synthesis of various fields of knowledge. It has been referred to by M. Heidegger as well as L. Wittgenstein. Over the past fifty years, silence has been the subject of research in a number of scientific disciplines, such as philosophy, anthropology, ethnography and psychology. The anthropocentric paradigm in modern science activates the study of silence in linguistics and psycholinguistics as well: the description of human speech activity was incomplete without describing silence as one of the integral components of speech behavior.

Methodology and sources.

Silence in philosophy.

The scientific analysis of the phenomenon of silence finds its origins in philosophy, which developed the opposition of silence as a phenomenon in the sphere of language and natural silence as a physiological phenomenon: “in silence, nothing sounds – in silence, no one speaks. Silence is possible only in the human world (and only for a man)” [1, p. 337–338]. Silence was considered by philosophers both as a necessary background of speech, and as an independent figure, which allows us to conclude that the relationship between silence and speech is complementary, and their dialectical relationship. Thus, V. V. Bibikhin notes that language is the interaction of silence and words, and its beginnings lie in the choice to speak or not to speak. This initial choice between naming and omission runs through all levels of the language, giving each utterance a special significance. “The fact that the message appears here and now, when it might not have been, is a sign that has no synonyms for itself” [2, p. 160]. However, as Bibikhin notes, the sign of a special content can also be the silence itself, which in this case acquires the status of not just a background, but a figure: “...human silence sometimes speaks more powerfully than words. It better meets the world’s indeterminability” [Ibid., p. 161].

More specifically, silence in its relation to speech is interpreted by K. A. Bogdanov, who, while agreeing that silence has a background nature, nevertheless notes that the informational interaction between the sign and the background in the language is complementary. In other words, silence has exactly the same semantic potential as a word spoken against its background and entering into informational interaction with it [3, p. 7–8]. The basis of silence that precedes the word dominates speech because of its special status. It is present in all cultures and therefore requires reflection and analysis.

In the Western philosophical tradition, the problem of silence has received the most complete coverage in the works of Martin Heidegger. In *Being and Time*, silence is a measure of language: “Language is based within silence. Silence is the most hidden measurement of measure” [4, p. 233]. If language is the home of being, and silence is the measure that delineates its boundaries, then silence becomes the ontological object in which the limits of being are laid [4, 5]. In order for a person to properly respond to the “call of being” [5, p. 121], every word

must pass through the “purgatory” of silence, whose limiting power alone can turn language into the true home of being.

Ludwig Wittgenstein in the *Tractatus Logico-Philosophicus* starts from the idea that the main task of language is to affirm or deny the atomic facts that make up both reality and the purest form of language – the language of logic. The German philosopher’s treatise ends with the famous imperative: “Whereof one cannot speak, thereof one must be silent” [6, p. 218]. The philosopher believes that silence is the only possible way to express a content that is not accessible to the language of logic, the language of atomic statements. Wittgenstein places all the subjects of metaphysics, aesthetics, and ethics in the realm of the mystical, and therefore by means of a language essentially inexpressible. What can be said in principle can be said clearly, in the language of logic, but what is beyond atomic facts and verifiable judgments should be kept silent. Where speech ends, silence begins. According to Wittgenstein, silence sets a limit to what can be thought and expressed in language, and therefore a limit to thinking itself: “this limit can therefore only be drawn in language, and everything that lies on the other side of the border will be just nonsense” [Ibid., p. 34].

Mikhail Epstein points out the inaccuracy and internal contradictions of Wittgenstein’s famous aphorism, “recalling the need to distinguish between silence as *Stille* and silence as *Schweigen*” [7, p. 181]. You can only be silent about what you can talk about, because silence, in contrast to silence as a special state of being, belongs to the field of language. The validity of the distinction between two types of silence is confirmed by the data of linguistic analysis: “...the verb to be silent <...> assumes the possibility of performing a speech action” [8].

Silence in linguistics and psycholinguistics.

Interest in the study of silence in modern linguistics is directly related to the general development of scientific thought, namely, the tendency to anthropocentric research. The position on the orientation of modern science to man and his defining role for it “is not only not in doubt, but also is the basis on which the successful fusion of scientific disciplines developed by man about man and for man” [9, p. 208]. However, the study of the speaker, considered as a starting point for creating a unified methodological framework that would explain all the most important moments of the existence of the language, was impossible without taking into account the silent person. It is impossible to disagree with the statement of K. A. Bogdanov that there are non-speaking members of society, but there are no such who would never be silent [3, p. 4].

The study of silence in the context of communication, which in modern linguistics is understood as the exchange of information through the sign system of language [10, p. 210], has caused the distinction between communicative silence, or communicative-significant, and non-communicative, or communicative-insignificant. There are many studies devoted to identifying relevant signs of silence as an act of communication, but most scientists conclude that silence can function as an act of communication if it is purposeful, has an intention and transmits certain information that is successfully perceived and decoded by the addressee. “In order for silence to have a meaning in the linguistic sense of the word, the speaker must be silent with some communicative intent <...> If there is no intention behind the speaker’s behavior, we can treat such silence as non-purposeful, and therefore meaningless from a linguistic point of view” [11, p. 8–9].

A great contribution to the study of the problem of silence as a communicative act was made by M. Saville-Troike, who makes a clear distinction between pauses as elements of the nonverbal

code and the act of silence as part of the verbal code: “when silence has a deliberate communicative function, it can be considered as a form of speech act” [12]. Saville-Troike challenges the widely accepted notion of the background nature of silence in linguistics, noting that silence can be an independent object of research, the boundaries of which are determined by the speech material, which in this case acts as a background. In addition to recognizing silence as a significant element of communication, M. Saville-Troike points out that the act of silence, like a speech act, has a complex structure and many dimensions [13, p. 4]. In addition, the researcher considers silence as a “signifier” in the Saussure sense of the word, that is, as a significant element whose connection with the referent is due to the conventions adopted in a particular culture [14]. “Just as in speech, the relationship between silence and meaning can be symbolic, indexal, or iconic” [Ibid.].

The ideas of M. Saville-Truac were further developed in the works of M. Ephratt [15, 16], who, pointing to the complex nature of silence and the need for a convergent approach to the study of this phenomenon, considers it in the context of paralinguistics, linguistics and extralinguistics. This method of analysis allows the researcher to distinguish three types of silence: 1) index (paralinguistic dimension); 2) symbolic (linguistic dimension); 3) iconic (extralinguistic dimension) [16]. Based on the classification of signs proposed by Ch. Peirce, M. Ephratt considers symbols as signs that have an integral communicative function: their only purpose is to transmit information, and such signs are deciphered using a special code. Icons, on the contrary, can transmit information, but will be generated in any case and regardless of the reaction of the perceiver. Moreover, the meaning of iconic signs is extracted by inference, not decoding [15, p. 1561]. Indexes in this classification occupy an intermediate position – they are used by the speaker to convey some information and at the same time perform a certain practical function related to language behavior [16, p. 2288].

In our opinion, a well-known analogy can be drawn between the problem of distinguishing speech functions and the problem of classifying the functions of silence as a full-fledged component of communication. That is why, from our point of view, the most successful classification of the functions of silence, proposed by M. Ephratt and based on the model of communicative functions of language by R. Jakobson. Thus, as a starting point for further linguopragmatic analysis of silence, we will use the classification of communicative functions of language developed by Jakobson with extra functions added: 1) a referential function that is characterized by a context orientation and serves the purpose of transmitting information, making judgments about the world external to communicants; 2) an emotive (expressive) function that focuses on the addressee and has the goal of “directly expressing the speaker’s attitude to what he is talking about” [17, p. 198]; 3) a connotative function that is focused on the addressee and finds “its purely grammatical expression in the vocative form and imperative mood” [Ibid., p. 200]; 4) a static (contact-setting) function aimed at providing and maintaining communication; 5) a poetic function aimed at the message as such, focused on it for its own sake; 6) an aesthetic function, being a similar function to poetic yet more evident in prosaic texts and forming a tradition of a new type of narrative; 7) a metalanguage function, the central component of which is the language itself (code): “If the speaker or listener needs to check whether they are using the same code, then the code itself becomes the subject of speech” [Ibid., p. 202]; 8) silence and its function from psychoanalytic perspective.

Results and discussion.

Referential function of silence.

Communicative silence, as well as speech, is characterized by a referential function, that is, orientation to the context and transmission of information about the world in the past, present and future. Silence in the reference function is implemented as a language sign—a symbol that has a zero plan of expression and a special, non-zero plan of content. As such, the **act of silence functions as a** “zero language sign” that transmits certain information. The fact that silence as an element of communication can perform a referential function is confirmed by example (1), referring to the Catholic and Protestant wedding ceremony, during which the priest addresses the audience with the following words:

(1) If any person here can show cause why these two people should not be joined in holy matrimony, speak now or forever **hold your peace** [18].

In example (1), the marker for an act of silence is the stable combination of “hold your peace”, which is defined by the dictionary as remain silent about something (Oxford English Dictionary). Behind the words of the priest is the following presupposition: if there are any obstacles to the conclusion of a legal marriage, the wedding ceremony will be considered invalid in the eyes of the Church and God, and, therefore, these obstacles must be reported.

The silence of the participants in the ceremony, which in most cases follows the words of the priest given in example (1), can be considered both collective and individual, as if each of the participants simultaneously said: “No, I cannot give any good reason against the conclusion of this marriage”, which will be the proposition of this act of silence. The post-silential effect of silence in this context will be expressed in the continuation of the wedding ceremony, which from this moment can be considered legitimate.

As research has revealed silence often serves as a sign of opposition, which could be against somebody, or against a situation. In other words, a participant is silent when he or she doesn't agree with a situation itself, as if adapting to reality. Silence could well serve as a sign of a complex of different meanings. It could stand for a shock which later develops into something more positive. Often a participant can't express the feelings openly and it takes some time to come to senses:

(2) Here we unloaded the truck and, at long last, followed the guides to our quarters, under a starless sky, with a fine drizzle of rain beginning now to fall. I slept until my servant called me, rose wearily, dressed and **shaved in silence**. It was not till I reached the door that I asked the second-in-command, “What's this place called?” **He told me and, on the instant, it was as though someone had switched off the wireless**, and a voice that had been bawling in my ears, incessantly, fatuously, for days beyond number, had been suddenly cut short; **an immense silence followed**, empty at first, but gradually, as my outraged sense regained authority, full of a multitude of sweet and natural and long forgotten sounds: for he had spoken a name that was so familiar to me, a conjuror's name of such ancient power, that, at its mere sound, the phantoms of those haunted late years began to take flight [19, p. 1–17].

The example (2) describes a situation in which the main character comes back to the places of his younger years during Second World War. Silence is expressed here explicitly (shaved in silence, an immense silence followed), and could be coined the mediative type of silence. In this

example, though, the most vivid example of silence is revealed through the fact that the name of this place is not explicitly stated in the text. In other words, the most important information is revealed through silence and deduction. "What is this place called" asks the main character, and then he gets the answer, which is not explicitly stated in the text. The main character explains: "he told me and, on the instant, it was as though someone had switched off the wireless". Silence here stands for a shock and sadness that the main character is experiencing. However, the character continues to keep silent, and silence turns into a sign of something fruitful, its positive manifestation. While the character is silent, the world around him runs into sounds which refer to different notions and signify a multitude of referents and situations, including "sweetness", "authority", "power", thus compensating for the feeling of opposition that the character felt at first (in the text: "an immense silence followed, empty at first, but gradually, as my outraged sense regained authority, full of a multitude of sweet and natural and long forgotten sounds").

Emotive function of silence.

Silence, which serves as a means of transmitting the psychological state of the addressee, his feelings and emotions, should be considered as an emotive, that is, a special unit of speech that has the property of expressing emotional experiences [20, p. 5]. Silence can serve to convey both negative and positive emotions, while in most cases the way of expressing emotional states is determined by certain socio-cultural parameters. Thus, in English-language linguistic culture, silence is considered as the only possible means of transmitting certain emotions:

(3) Her father was dying there, Mrs. Ramsay knew. He was leaving them fatherless. Scolding and demonstrating (how to make a bed, how to open a window, with hands that shut and spread like a Frenchwoman's) all **had folded itself quietly** about her, when the girl spoke, as, after a flight through the sunshine the wings of a bird fold themselves quietly and the blue of its plumage changes from bright steel to soft purple. She had **stood there silent** for there was **nothing to be said**. He had cancer of the throat [21].

The participants in the silential act of example (3) are Mrs. Ramsay's landlady and one of her maids, whose father is dying of throat cancer in Switzerland. Silence, marked by the adjective silent, belongs to the individual addressee of Mrs. Ramsay, whose communicative intention is to express sympathy to the interlocutor about the illness and death of a loved one. Silence in this example is considered by the participants of the situation as the most appropriate way to express internal states, namely, empathy and empathy ("there was nothing to be said", implicitly in the words "had folded itself quietly about her").

Connotative function of silence.

The conative function of communicative silence is manifested in the desire of the addressee to exert a certain influence on the addressee:

(4) ...an American woman tried to sit here the other night with bare shoulders and they drove her away by coming **to stare at her, quite silently**; they were like circling gulls coming back and back to her until she left [19].

The addressees of the silential act in example (4) are the English aristocrats, the heroes of Evelyn Waugh's novel *Brideshead Revisited*, who, without uttering a word, by their eloquent silence and insistent glances, forced the American woman to leave the hall, because she allowed herself to appear in society with her shoulders uncovered. The considered silential act is

characterized by orientation to the addressee, an appeal to him in order to cause a certain action, namely, to leave the hall. This act of silence can potentially be verbalized as follows: “We demand that you leave immediately, as your appearance does not meet the requirements of the society in which you are located”. This type of silence strongly implies assessment and judgement being at the same time a tool of producing an impact and acting upon the interlocutor.

Phatic function of silence.

Based on the theory of interpersonal silence, proposed by S. Baker, we propose to distinguish the following types of silential act in the phatic function – negative silence and positive silence, or non-contact and contact silence. On the positive silence of Baker writes: “The underlying unconscious and unintentional goal of speech is not to ensure continuity of speech flow, but to achieve silence, since a state of psychological balance characterized by the removal of interpersonal psychological tension is possible only when the position S+ (positive silence) in the field of speech activity has been reached” [22, p. 161]. As for the speech itself, the author assigns it a place between S – and S+, that is, between negative silence, indicating the lack of contact and understanding between communicants, and positive silence as a symptom of relieving psychological tension and achieving complete mutual identification by the participants of communication [22]. Positive interpersonal silence can be illustrated by the following example:

(5) “I love love,” she said, closing her eyes. I promised her beautiful love. I gloated over her. Our stories were told; we **subsided into silence** and **sweet anticipatory thoughts**. It was as simple as that. You could have all your Peaches and Bettys and Marylous and Ritas and Camilles and Inezes in this world; this was my girl and my kind of girlsoul, and I told her that [23].

Example (5) reveals two stages of mutual understanding between communicants out of three (the first involves the silence of strangers when they meet), namely the exchange of informative speech messages (“our stories were told”) and, finally, the “immersion” into silence as a result of the removal of mutual tension (“we subsided into silence and sweet anticipatory thoughts”). The silential act presented in example (5) is of a mutual nature, that is, it comes from two participants in the communication act, each of whom are both the addressee and the addressee of the act of silence. The marker of the phatic function is an explicit indication of the complete mutual identification of participants in a communicative situation, the inclusion of a communication partner in the sphere of “your” world in contrast to the world of “the others” (“you could have all your Bettys, my girl, my kind of girlsoul”). According to linguistic research, the semiotic universal “friend-foe” is an integral part of both the collective and individual picture of the world, and is actualized in the language by means of different levels [24, p. 43]. The analysis of this example shows that achieving mutual authentication, that is, the inclusion of the communication partner in “your” world, non-violent, knowable, understandable and close on a psychological level, is a fundamental characteristic of positive silencelevel act, performing phatic function.

The poetic function of silence.

The poetic function is characterized by a focus on the message as such in order to provide it with a “better form” [17, p. 203], focusing on the message for its own sake. This function, says

R. Jakobson, is the Central and defining, though not the only, function of verbal art, acting in all other types of speech activity as a secondary, additional component [17, p. 202].

In order to consider the poetic function in the context of linguistics, the researcher needs to identify a clear linguistic criterion for its identification, that is, to answer the question of what characteristic makes a poetic text poetic: “The poetic function projects the principle of equivalence from the axis of selection to the axis of combination” [Ibid., p. 204], that is, the principle of equality (equivalence) is used to construct sequences. This definition assumes that every artistic text is a structural ordering of a special kind, and this ordering can be carried out in two directions. The first of them is paradigmatically ordered (the “axis of selection” according to p. The second is the order according to syntagmatics (the “axis of combination”, or the combination of selected elements in such a way that they form correct chains in terms of language). Lotman interprets these principles as two types of relations, on the basis of which the artistic text is built: a) relations of co-opposition of repeated equivalent (located on the axis of paradigmatics) elements and b) co-opposition of neighboring (not equivalent, located on the axis of syntagmatic) elements [25, p. 107]. The first principle equalizes what is not equalized in natural language, that is, it co-opposes one equivalent element to another: “in poetry, one syllable is equated with any syllable of the same sequence, verbal stress is equated with verbal stress, absence of stress is equated with absence of stress...” and, most importantly in the context of this work, “syntactic pause is equated with syntactic pause, and absence of pause is equated with absence of pause” [17, p. 204]. If the first principle that Lotman calls “the principle of repetition, rhythm” [25, p. 107], equates the equivalent elements of natural language, the second principle, “the principle of metaphor” [Ibid., p. 107–108], connects what cannot be connected within the framework of natural language. Lotman considers the tendency to repeatability, rhythmization as a constructive principle of poetic speech, in other words, as the basis of poetic function, and the tendency to connectability, metaphorization as the main feature of prose structure [Ibid., p. 107].

Thus, repetition appears in the poetic text as the realization of order on the principle of equivalence, order on the paradigmatic axis. From this we can conclude that silence as part of the artistic structure will be represented by repeated elements, such as syntactic pauses of different lengths and in different environments. As an example of this type of silence in this work, the work of American performance artist and composer Laurie Anderson:

(6) You're walking (..)
and you don't always realize it (...)
but you're always
falling. (...)
With each step, (.)
you fall
forward
slightly (...)
and then
catch yourself
from falling. (..)
Over
and

over, (.)
you're falling (..)
and then catching yourself (.) from
falling. (.....)
And this is how you can be walking (..)
and falling (..)
at the same (..) time [26].

A part of performance *United States* (1984), entitled *Walking and falling* and is presented in example (6), not only develops common performance motif of uncertainty, ambivalence, but also adds a new dimension via the mapping, or using the term Yu. M. Lotman, “co-opposition” [25], two seemingly opposite processes is indicated already in the title. Thus, at the level of content, example (6) is an apparently paradoxical discussion about the nature of movement, in which the contradiction between walking and falling is removed, which is maintained at the level of form – poetic silence, realized through syntactic pauses, plays the same role in creating an aesthetic sequence as speech. In other words, individual phenomena that seem to be opposite combine into a more complex unity, forming a continuous continuum, whether it is a process of movement, or the process of creating a poetic language.

The aesthetic function of silence.

The analysis of examples has shown that in addition to the above functions, one can also distinguish the evaluative and, above all, aesthetic function. The aesthetic function of silence (the implementation of the motif of silence or silence in a work of art) allows you to pay attention to the implementation of this concept in the aesthetic aspect. The motif or image of silence can be actualized in the text as a contrast between sound and silence, usually when describing the inner state of the hero. This often objectifies a metaphor that “describes the picture of the world as a way of existence of human subjectivity” [27].

The aesthetic function of silence, the implementation of the motif of silence or silence is associated with the process of “reviving the sound”, paying attention to its accentuation, which is realized due to the fact that modern authors often use musical notation, musical scores directly in their literary works. At the same time, unexpected provocative metaphors are played out, which, like a piece of music or any other work of art, are intended to excite, shock, and leave a trace. Known for her outrageous plot and penchant for radical feminism, the British writer Jennette Winterson in the novel *Art and lies: a piece for three voices and a pawd* adds a musical score at the end of the novel. The author uses a large number of sound repetitions, creating a prose work about three brilliant creators, its poetics in many ways is reminiscent of the poetic form.

The narrator talks about the state of the doctor and the patient during anesthesia: “the patient continues to hear the sounds of surgical instruments, crackling, dripping, sloshing” (in the text ripping, snipping, severing, squelching, dripping), while the surgeon, “at work!”, all the time hums famous arias, “especially from *Madame Butterfly* or *La Boheme*” (in the text: “our Surgeon liked to listen to opera while he worked but he insisted on *Madame Butterfly* or *La Boheme*”) [28, p. 11]. With the author’s characteristic poetry of prose (irony and deliberate cynicism!) this fragment implements a metaphorical transfer. A person is compared to a musical instrument (having a “membrane”), and a surgeon is compared to a musician who can listen to an opera and simultaneously clank instruments. The comic effect is created by combining medical discourse

and musical discourse in one paragraph that is, using lexical units that relate to different areas of professional activity. Here is one more example:

(7) ...The great paved jaws of the bridge had been opened to let through an invisible fog-bent boat. **I heard the clang of the bell and the slow clatter of the bridge on its huge chains.** I thought I **heard drumming, drumming, footsteps marching in dead motion to the Tower.** I could see the thin grills fixed in the thick stone. Did I see a face? [28, p. 16].

Metaphorical transfer is realized by comparing a musical instrument with a human body and contrasting music with silence. The narrator (surgeon) goes on to describe the landscape of London, talking about the sounds that are heard around: the “ringing of bells”, “creaking of chains”, “beating of drums”, which stand out in contrast to the “dead silence”. To more accurately convey the sound environment, the author uses echo-imitative elements, duplicating onomatopoeic words (in the text: drumming, drumming). The deliberate provocation of the opposition, “life-death” the author shows in his other works, which, in his favorite manner to change the register of the narrative (as well as the questioning of gender and age identity of the characters), comes to the grotesque describing every part of the body of a dying loved one, combining static discursive practices medical encyclopedia and the dynamics of lyric narrative.

Here is one more example:

(8) “When you grow up **Handel**, you must do some good in the world.” I held my mother’s soft hand and ran beside her cuban heels. I saw her only once a day for our walk at three o’clock. <...> I asked for hot water. None. I asked for clean cloths. None. **I wanted to scream at them** “What do you think this is? Dickens? They were both staring at my evening dress. What do I think this is? Dickens?” I took off my jacket and starched tie, my waistcoat and stiff shirt. I cut the shirt into six clean squares and gave the man money to buy hot water from a neighbour. He left, **the room was quiet, the woman looked at me.** “It’s stuck.” “Yes.” I knelt down and let my hands across her triumphant belly. Why doesn’t she split? I know why she doesn’t split, I’m a doctor, but why doesn’t she split? Her skin was stretched over her with upholstered zeal. She was **smooth, perfect, no frills, no tucks, only the supple leather vof her body, tobacco pouch round, tobacco pouch brown** [28, p. 2–10].

In this example you vividly see that silence is expressed as something that characterizes the situation itself and its tention. It also characterizes the place, the room in which the woman is giving a birth to a child and is suffering (the room was quite). As we could see silence is always used here against numerous sound effects, emotions, possible connotations, as if making them more evident. The paragraph starts with a reference to music and Handel, as it is his childhood that is described. Later, the author describes a woman who is naked and lying in bed. In spite of the situation, and suffering, her body is described in detail, with its touch, shape, colour (in the text “smooth, perfect, no frills, no tucks, only the supple leather of her body, tobacco pouch round, tobacco pouch brown”). On a number of occasions, the main character wants to say something, but being a child – doesn’t. Silence is expressed explicitly (“I wanted to scream at them”). Yet instead of speech, the author describes the internal speech of the character, full of emotions (in the text, “What do you think this is? Dickens? They were both staring at my evening dress. What do I think this is? Dickens?”). Silence here serves by the author as a means of contrasting itself to the sounds and hues of the world.

The process of life of sounds and words in literature is manifested by comparing the sound background and the color scheme of the surrounding world and the implementation of this phenomenon in the text. In relation to the actualization of the motive of silence, A. Veselovsky notes that in verse form, not only epithets-metaphors are usually used, such as “the dead man is silent”, “silence is a sign of death”, but also other epithets explained by physiological syncretism [29]. Syncretic epithets correspond to the unity of sensory perceptions, which primitive man often expressed with the same linguistic indicators. In the middle of the 20th century, auditory ecology becomes an absolute value of literary creativity on a par with music. The latter is characterized by a high threshold of sound sensitivity and an increased attention to microscopic sound elements, to the smallest nuances of changes in sonority. For musical creativity is characterized by the fact that silence becomes a full-fledged sound material, acquires aesthetic “legitimacy”. Such attention to the smallest sound elements in the analysis of a literary text is shown, for example, in the implementation of special cases of various sound transformations, such as sound reflection, i. e. “echo”, emphasis on traditionally insignificant punctuation marks (dash, dot, ellipsis), close attention to the interval between words, as a general trend, “emancipation” of poetry and artistic text from grammar.

Metalinguage function of silence.

A characteristic feature of the metalanguage function, or interpretation function, is the installation on the communication code, which in ideal communicative conditions is fully or partially shared by the addressee and the addressee. The selection of the metalanguage function is due to the need to distinguish between two levels of language: “target language”, which is spoken about the external world, and “metalanguage”, which is spoken about the language itself. At the same time, it should be noted that metalanguage is not only one of the most important tools of any linguistic research, but also has great significance in the context of everyday communication: “we use metalanguage without realizing the metalanguage nature of our operations” [17, p. 201–202]. An example is an exchange of language messages, the purpose of which is to check whether participants use the same code, or statements that contain information only about the lexical code of a particular language (for example, an explanation of the meaning of a word unknown to the recipient). The analysis showed that silence has a metalanguage function to the same extent as speech. Let’s imagine that a foreigner in an English-speaking country is addressed with a question that is exclusively metalanguage in nature: “Do you speak English?” the recipient can conclude from the intonation that the interlocutor is addressing him with a question, and not trying to talk about the weather. However, even if the addressee does not have sufficient language competence to distinguish a question from a statement, the experience of interacting with other people will tell them that the speaker wants to establish contact with them. In this case, the addressee who does not know English will answer the addressee’s question with silence, which performs a metalanguage function. The propositional content of such an act of silence can be formulated as follows: “I cannot communicate with you, because we use different codes.” Silence in this case has the character of a language sign-symbol, acts as a silential act and performs a metalanguage function, since its propositional content is primarily directed at the communication code itself.

Silence and its function from the psychoanalytical perspective.

An interesting dimension of silence is its function in psychoanalysis. The fact of the psychoanalyst being silent (not giving approval or any kind of assessment) allows the patient in

the situation of psychoanalysis to reveal (by means of language) not only the conscious but also the subconscious. Silence therefore in this situation means lack of judgement. There are many famous literary examples in which the situation of psychoanalysis is shown.

Renowned examples of analysis of Edgar Poe's detective story *The Purloined Letter* was given by psychoanalyst J. Lacan [30] and philosopher J. Derrida [31]. Their famous psychoanalytical perspective on E. Poe's detective story allows a) to work out that silence accompanies the Truth (which is always hidden, as the characters in the story can't find the letter which is in front of them and is very significant). Psychoanalytical perspective also allows to b) notice that silence bears symbolic meaning. In the story by E. Poe it is not explicitly silence that bears symbolic meaning, it is the letter. The letter (that is stolen) "goes" from one person to another almost unnoticed. According to Derrida it signifies sexuality [31], according to Lacan, it means "the unconscious" [30]. Silence in constant opposition and support to a word (oral or written) reveals fundamental desires of a human being. Silence therefore has most profound meaning, not directly stated, but identifiable:

(9) For one hour at least we had maintained **a profound silence** [32].

In the situation described above the detective (the only character in the story who could identify the Truth and therefore is similar to a psychoanalyst), maintains a profound silence for a long time. Silence therefore allows to activate cognitive processes and reveal the true motifs of characters. Its function is supporting communication, activating cognitive processes, and assisting to reveal hidden details in any conversation.

Conclusion. Thus, viewing silence as communicative silence based on the classification of the communicative functions of the language by Jakobson allowed us to prove that communicative silence has different functions. They could be coined as referential, emotive, connotative, emphatic, assessing, phatic, poetic, aesthetic and metalanguage functions similar to those of speech. Regarding the silence in the metalinguistic function it focuses primarily on the code of communication, i. e. on the language and its structure. Silence occurs when the stereotype of behavior is violated. It is a sign of control, deliberate participation of the speaker in a particular opposition; it could be associated with a sense of respect, grief, and humility. Silence and quietness are different concepts. Quietness allows to develop acute view of details (textual as well as emotional). Psychoanalytical view of silence is an interesting way of exploring its functions. Silence allows to activate cognitive processes. Its function is supporting communication, activating cognitive processes, and assisting to reveal hidden details in any conversation.

REFERENCES

1. Bakhtin, M.M. (1979), *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity], Iskustvo, Moscow, USSR.
2. Bibikhin, V.V. (2015), *Yazyk filosofii* [Language of philosophy], Azbuka, SPb., RUS.
3. Bogdanov, K.A. (1997), *Ocherki ob antropologii molchaniya. Homo Tacens* [Essays on the anthropology of silence. Homo Tacens], RKhGI, SPb., RUS.
4. Heidegger, M. (2006), *Bytie i vremya* [Sein und Zeit], Transl. by Bibikhin, V.V, Nauka, SPB., RUS.
5. Heidegger, M. (1993), "What is philosophy?", *Voprosy filosofii* [Question of philosophy], no. 8, pp. 113–123.
6. Wittgenstein, L. (2011), *Logico-philosophical treatise*, AST, Moscow, RUS.

7. Epstein, M.N. (2006), *Slovo i molchanie. Metafizika russkoi literatury* [Word and silence. Metaphysics of Russian Literature], Vysshaya shkola, Moscow, RUS.
8. Arutyunova, N.D. (1994), "Silence: Contexts of Use", *Logicheskii analiz yazyka. Yazyk rechevykh deistviy* [Logical Analysis of Language. Language of speech actions], Nauka, Moscow, RUS, pp. 106–117.
9. Khomyakova, E.G. (2012), "Man in language as an object of linguistic analysis", *Yazyk cheloveka. Chelovek v yazyke* [Human language. Man in language], in Zelenshchikov, A.V. and Khomyakova, E.G. (eds.), SPbSU, SPb., RUS, pp. 208–232.
10. Morozova, O.N. and Bazyleva, O.A. (2011), "Definition of the concept of communication in modern linguistics", *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina* [Bulletin of the Leningrad State University named after A.S. Pushkin], vol. 7, no. 1, pp. 204–211.
11. Kurzon, D. (1998), *Discourse of Silence*, John Benjamins, Amsterdam/Philadelphia. DOI: <https://doi.org/10.1075/pbns.49>.
12. Saville-Troike, M. (2006), "Silence: cultural aspects", *Encyclopedia of Language and Linguistics*, in Brown, K. (ed.), Elsevier, Boston, USA, pp. 379–381.
13. Saville-Troike, M. (1982), *The Ethnography of Communication: An Introduction*, 2nd ed., Basil Blackwell, Cambridge, MA.
14. Saville-Troike, M. (1985), "The place of silence in an integrated theory of communication", *Perspectives on Silence*, in Tannen, D. and Saville-Troike, M. (ed.), Ablex, Norwood, NJ, pp. 3–18.
15. Wilson, D. and Wharton, T. (2006), "Relevance and prosody", *Journal of Pragmatics*, vol. 38, pp. 1559–1579.
16. Ephratt, M. (2011), "Linguistic, paralinguistic and extralinguistic speech and silence", *Journal of Pragmatics*, vol. 43, pp. 2286–2307.
17. Jakobson, R. (1975), "Linguistics and poetics", *Strukturalizm: "za" i "protiv"* [Structuralism: pros and cons], in Basin, E.Ya. and Polyakov, M.Ya. (eds.), Progress, Moscow, USSR, pp. 193–230.
18. "Traditional wedding vows" (2012), *Dot Com Women*, available at: <http://www.dotcomwomen.com/weddings/traditional-wedding-vows-samples-for-your-ceremony/9078/> (accessed 02.05.2020).
19. Waugh, E. (2012), *Brideshead Revisited*, Back Bay books, Freehold, NJ.
20. Shakhovskii, V.I. (2008), *Lingvisticheskaya teoriya emotsii* [Linguistic theory of emotions], Gnozis, Moscow, RUS.
21. Woolf, V., *To the Lighthouse*, available at: <http://gutenberg.net.au/ebooks01/0100101.txt> (accessed 02.05.2020).
22. Baker, S.J. (1955), "The theory of silences", *The Journal of General Psychology*, vol. 53, pp. 145–167.
23. Kerouac, J. (1959), *On the Road*, Colonial Press, N.Y., USA.
24. Emel'yanova, O.V. (2012), "Semantic universal "friend or foe" in the linguistic picture of the world", *Yazyk cheloveka. Chelovek v yazyke* [Human language. Man in language], in Zelenshchikov, A.V. and Khomyakova, E.G. (eds.), SPbSU, SPb., RUS., pp. 43–69.
25. Lotman, Yu.M. (2016), "Structure of a literary text", *Structure of the artistic text. Analysis of the poetic text*, Azbuka, SPb., RUS, pp. 5–374.
26. Anderson, L., "Walking and falling", *YouTube*, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=GHFCdviF6zU> (accessed 02.03.2020).
27. Tolochin, I.V. (2014), "Value judgment as a semantic basis of a poetic text", *Yazyk kak kul'turnyi kod natsii* [Language as a cultural code of a nation], in Zelenshchikov, A.V. and Khomyakova, E.G. (eds.), SPbSU, SPb., RUS, pp. 195–206.
28. Winterson, J. (1996), *Art and lies*, Vintage Press, London, UK.
29. Veselovskii, A.N. (1989), "From introduction to historical poetics", *Istoricheskaya poetika* [Historical poetics], Vysshaya shkola, Moscow, USSR, pp. 42–58.
30. Lacan, J. (1999), *Seminary. Kniga 2. "Ya" v teorii Freida i v tekhnike psikhoanaliza* [Seminars. Book 2. "I" in the theory of Freud and in the technique of psychoanalysis], Transl. by Chernoglazov, A.K., Gnosis, Moscow, RUS.

31. Derrida, J. (1999), "Bearer of truth", *O pochtovoi otkrytke ot Sokrata do Freida i ne tol'ko* [About a postcard from Socrates to Freud and beyond], Transl. by Mikhalkovich, G.A., *Sovremennyyi literator*, Minsk, Belarus, pp. 645–678.

32. Poe, E.A., *The Purloined Letter*, available at: <http://xroads.virginia.edu/~Hyper/POE/purloine.html> (accessed 02.05.2020).

Information about the authors.

Nina F. Shcherbak – Can. Sci. (Linguistics) (2015), MA in English language teaching (Lancaster, UK), Associate Professor at the Department of English Philology and Cultural Studies, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg, 199034, Russia. The author of more than 150 scientific publications, monographs and books. Area of expertise: narratology, psycholinguistics, literary studies. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8725-9717>. E-mail: n.sherbak@spbu.ru

Valeriya I. Potienko – Postgraduate at the Department of English Philology and Cultural Studies, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg, 199034, Russia. The author of 5 scientific publications. Area of expertise: narratology, cognitive linguistics, contemporary literary studies. E-mail: leralazarus@rambler.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
2. Биbihин В. В. Язык философии. СПб.: Азбука, 2015.
3. Богданов К. А. Очерки по антропологии молчания. *Homo Tacens*. СПб.: РХГИ, 1997.
4. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Биbihина. СПб.: Наука, 2006.
5. Хайдеггер М. Что такое философия? // *Вопр. философии*. 1993. № 8. С. 113–123.
6. Виггенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: АСТ, 2011.
7. Эпштейн М. Н. Слово и молчание. Метафизика русской литературы. М.: Высш. шк., 2006.
8. Арутюнова Н. Д. Молчание: контексты употребления // *Логический анализ языка. Язык речевых действий*. М.: Наука, 1994. С. 106–117.
9. Хомякова Е. Г. Человек в языке как объект лингвистического анализа // *Язык человека. Человек в языке* / под ред. А. В. Зеленщикова, Е. Г. Хомяковой. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 208–232.
10. Морозова О. Н., Базылева О. А. Определение понятия коммуникации в современной лингвистике // *Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина*. 2011. Т. 7, № 1. С. 204–211.
11. Kurzon D. *Discourse of Silence*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1998. DOI: <https://doi.org/10.1075/pbns.49>.
12. Saville-Troike M. Silence: cultural aspects // *Encyclopedia of Language and Linguistics* / ed. by K. Brown. Boston: Elsevier, 2006. P. 379–381.
13. Saville-Troike M. *The Ethnography of Communication: An Introduction*. 2nd ed. Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1982.
14. Saville-Troike M. The place of silence in an integrated theory of communication // *Perspectives on Silence* / ed. by D. Tannen, M. Saville-Troike. Norwood, NJ: Ablex, 1985. P. 3–18.
15. Wilson D., Wharton T. Relevance and prosody // *J. of Pragmatics*. 2006. Vol. 38. P. 1559–1579.
16. Ephratt M. Linguistic, paralinguistic and extralinguistic speech and silence // *J. of Pragmatics*. 2011. Vol. 43. P. 2286–2307.
17. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // *Структурализм: «за» и «против»: сб. ст.* / под ред. Е. Я. Басина, М. Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
18. Traditional wedding vows // *Dot Com Women*. 2012. URL: <http://www.dotcomwomen.com/weddings/traditional-wedding-vows-samples-for-your-ceremony/9078/> (дата обращения: 02.05.2020).
19. Waugh E. *Brideshead Revisited*. Freehold, NJ: Back Bay books, 2012.

20. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008.
21. Woolf V. To the Lighthouse. URL: <http://gutenberg.net.au/ebooks01/0100101.txt> (дата обращения: 02.05.2020).
22. Baker S. J. The theory of silences // The J. of General Psychology. 1955. Vol. 53. P. 145–167.
23. Kerouac J. On the Road. N. Y.: Colonial Press, 1959.
24. Емельянова О. В. Семантическая универсалия «свой – чужой» в языковой картине мира // Язык человека. Человек в языке / под ред. А. В. Зеленщикова, Е. Г. Хомяковой. СПб.: СПбГУ, 2012. С. 43–69.
25. Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Структура художественного текста. Анализ поэтического текста. СПб.: Азбука, 2016. С. 5–374.
26. Anderson L. Walking and falling // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=GHFCdviF6zU> (дата обращения: 02.03.2020).
27. Толочин И. В. Ценностное суждение как семантическая база поэтического текста // Язык как культурный код нации / под ред. А. В. Зеленщикова, Е. Г. Хомяковой. СПб.: СПбГУ, 2014. С. 195–206.
28. Winterson J. Art and lies. London: Vintage Press, 1996.
29. Веселовский А. Н. Из введения в историческую поэтику // Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. С. 42–58.
30. Лакан Ж. Семинары. Кн. 2. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа / пер. с фр. А. К. Черноглазова. М.: Гнозис, 1999.
31. Деррида Ж. Носитель истины // О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только / пер. с фр. Г. А. Михалковича. Минск: Современный литератор, 1999. С. 645–678.
32. Poe E. A. The Purloined Letter. URL: <http://xroads.virginia.edu/~Hyper/POE/purloine.html> (дата обращения: 02.05.2020).

Информация об авторе.

Щербак Нина Феликсовна – кандидат филологических наук (2015), доцент кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор более 150 научных публикаций, монографий и научно-популярных книг. Сфера научных интересов: нарратология, психолингвистика, современная литературоведческая теория. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8725-9717>. E-mail: n.sherbak@spbu.ru

Потиенко Валерия Игоревна – аспирантка кафедры английской филологии и лингвокультурологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 5 научных публикаций. Сфера научных интересов: нарратология, когнитивная лингвистика, современная литературоведческая теория. E-mail: leralazarus@rambler.ru

Кинематограф Дзиги Вертова как язык темпоральной рефлексии

А. Е. Якимов✉

Уральский федеральный университет им. первого Президента России

Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

✉Yakimandrew765@gmail.com

Введение. Статья посвящена общему теоретическому анализу кинематографа Дзиги Вертова как языка темпоральной рефлексии. Фундамент исследования составляет гипотеза, согласно которой творчество Вертова выражает особенности темпорального режима культуры советского модерна.

Методология и источники. На основании работы А. Ассман приводится характеристика таких понятий как «темпоральная рефлексия» и «темпоральный режим культуры». Эти понятия переосмысляются и рассматриваются в качестве методологического основания для анализа неигрового кинематографа.

Результаты и обсуждение. В результате анализа как фильмов и текстов самого Вертова, так и теоретических работ, посвященных исследованию его творчества, доказывается, что неигровые фильмы Вертова можно рассматривать в качестве символического языка темпоральной рефлексии. Особое внимание в статье уделено на теоретическом уровне многочисленным сочинениям и манифестам Вертова, а на техническом уровне – изобретенным и используемым им кинематографическим приемам и средствам выражения опыта времени. На примере фильма «Человек с киноаппаратом» (1929 г.) показано, что творчество Вертова выражает особенности темпорального режима культуры модерна, среди признаков которой исследователи выделяют перелом времени, фикцию нового начала, творческое разрушение, возникновение понятия «историческое» и ускорение времени. Этот вывод подтверждается также рядом теоретических положений в работах Вертова, часть которых использована в статье.

Заключение. На основании проведенного анализа делается вывод о том, что кинематографические эксперименты Вертова вырабатывают новый язык описания времени, который функционирует посредством механического редуцирования реальности и синтеза полученных образов-перцепций на основании принципа идеологической и поэтической целесообразности.

Ключевые слова: кинематограф, Дзига Вертов, время, темпоральность, темпоральная рефлексия, темпоральный режим, теория кино, документальное кино, хронотоп.

Для цитирования: Якимов А. Е. Кинематограф Дзиги Вертова как язык темпоральной рефлексии // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 3. С. 36–51. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-36-51

Финансирование: работа выполнена при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00342 «Человек в своем времени: проблематизация темпоральности в европейском интеллектуальном пространстве первой трети XX века»).

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 16.03.2021; принята после рецензирования 23.04.2021; опубликована онлайн 24.06.2021

© Якимов А. Е., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Dziga Vertov's Cinema as a Language of Temporal Reflection

Andrey E. Yakimov✉

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

✉Yakimandrew765@gmail.com

Introduction. The article is devoted to the general theoretical analysis of Dziga Vertov's cinema as a language of temporal reflection. According to essential hypothesis of this research Vertov's work expresses the feature of the temporal regime of the culture of Soviet modernity.

Methodology and sources. The author uses the terms "temporal reflection" and "time regime of culture" guided by the A. Assmann's work "Is Time Out of Joint? On the Rise and Fall of the Modern Time Regime". The article is rethinking these concepts and point out as a methodological ground for the analysis of non-fiction cinematography.

Results and discussion. As a result of the analysis of both Vertov's films and texts and theoretical works devoted to the study of his work, it is argued that Vertov's non-fiction films could be considered as a symbolic language of temporal reflection. Particular attention is paid to Vertov's both theoretical works and manifestos, and at the technical level – to the cinematographic techniques and means of expression of time. The temporal regime of modernity according to the Assmann includes features such as the turning point of time, the fiction of a new beginning, creative destruction, the emergence of the concept of "historical" and the acceleration of time. The analysis of the film "Man with a Movie Camera" (1929) given in the article demonstrates that Vertov's work expresses these features. This conclusion is also confirmed by a number of theoretical positions in Vertov's works, some of which are presented in the article.

Conclusion. Based on the analysis, it is concluded that Vertov's cinematic experiments are inventing a new language for comprehending time of history and culture. This language functions on account of the mechanical reduction of reality and the synthesis of the resulting images-perceptions based on the principle of ideological and poetic advisability.

Key words: cinema, Dziga Vertov, time, temporality, temporal reflection, film theory, documentary, chronotope.

For citation: Yakimov A. E. Dziga Vertov's Cinema as a Language of Temporal Reflection. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 3, pp. 36–51. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-36-51 (Russia).

Source of financing: The work was supported by a grant of Russian Science Foundation (project No. 19-18-00342 "A Man in His Time: Problematization of Temporality in the European Intellectual Space of the First Third of the 20th Century").

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 16.03.2021; adopted after review 23.04.2021; published online 24.06.2021

Введение. Проблема времени является важной темой как для философии, так и для искусства. Исследования, посвященные тематизации времени в кино в первой трети XX в., позволяют реконструировать и обнаружить своеобразную философию времени в кинематографе. Время также является сущностным элементом кино как технического изобретения и как особого средства выражения культурных смыслов. В связи с этим рассмотрение кинематографа как средства темпоральной рефлексии является актуальным в рамках философии культуры и, в частности, философии кино.

В данной статье мы проведем общий теоретический анализ особенностей киноэкспериментов Вертова и представим трактовку его кинематографа в качестве языка темпоральной рефлексии. Манифесты, статьи, фильмы и даже стихи Дзиги Вертова не утрачивают своей актуальности, поскольку, как и другие киноавангардисты, Вертов привнес в кинематограф элементы, часть которых со временем стала общими местами и клише для языка неигрового кино, а другие, наоборот, даже в современном кино сохраняют свой экспериментальный и инновативный статус. Нашей задачей здесь является обоснование гипотезы, согласно которой фильмы Вертова и его теоретические работы выражают темпоральный режим культуры модерна раннего советского периода. Для этого мы будем прежде всего опираться на некоторые репрезентативные в контексте нашего исследования примеры из фильма «Человек с киноаппаратом» 1929 г.

Методология и источники. В исследованиях, посвященных биографии и кинематографу Вертова, часто подчеркивается особая роль времени в его творчестве. М. Ямпольский, Л. М. Рошаль, А. А. Пронин, Ж. Делез, Е. Я. Марголит и О. Булгакова обращают внимание на то, что в своем теоретическом, поэтическом и кинематографическом творчестве Вертов акцентирует внимание на движении, темпе, ритме, интервалах и повторениях, создающих эффект движения времени. Кроме отечественных текстов, посвященных исследованию фигуры Вертова, важно упомянуть и некоторые англоязычные исследования, в которых также акцентируется внимание на особой роли ритмической и временной структуры в его творчестве. Среди них: «Vertov, Snow, Farocki: Machine Vision and the Posthuman» Д. Томаса [1], «Visualizing Vertov» Л. Мановича [2], «Dziga Vertov» Д. Бордуэлла [3], «Dziga Vertov: Life and Work» Дж. Маккея [4], совместное исследование О. Булгаковой и Д. Бордуэлла «The Ear against the Eye: Vertov's "Symphony"» [5].

Тема времени актуальна не только в контексте семантики фильмов Вертова, но и в связи с их культурно-историческим контекстом, поскольку Вертов относился к той группе авангардистов, которые наиболее радикально отрицали «прошлое» культуры с целью конструирования «будущего». Одной из основных интенций игрового и неигрового советского кинематографа первой трети XX в. было намерение не просто переосмыслить и отобразить новый складывающийся быт, но сконструировать революционное повседневное сознание. Выступая 15 июля 1924 г. на диспуте «Искусство и быт», Вертов говорил, что его интересует тема «быт и организация быта», и ближайшую задачу он видит в том, чтобы «с одной стороны, улавливать хруст старых костей быта под прессом Революции, с другой – следить за ростом молодого советского организма, сводя отдельные характерные жизненные явления в целое, в экстракт, в вывод» [6, с. 51].

Вертов входил в творческое объединение советских документалистов 1920-х гг. – «Киноки» (также в нем участвовали брат Вертова Михаил Кауфман, монтажер Елизавета Свилова, режиссер Илья Копалин и др.). Это объединение было названо по аналогии с одним из основных терминов Вертова – «Киноглаз», описывающим кино как особое технически опосредованное видение. В ряде манифестов «киноков» сформулированы основные теоретические положения Вертова, касающиеся кино. Одним из важнейших можно считать положение о том, что реальность, доступная техническому взору кинокамеры, способной на скрытую съемку, нетипичный ракурс и схватывание «жизни врасплох», неидентична человеческому взгляду. В кино она оказывается не просто запечатлена, но сконстру-

ирована, смонтирована таким образом, чтобы вычленишь и подчеркнуть значимый смысл происходящего. Приемы, разрабатываемые Вертовым, должны выявлять «киноправду», обращая внимание зрителя на то, что обычно многими не замечается, и обнажая «подлинные переживания, чувства» [7, с. 138] человека в запечатленный момент, воздействуя на зрителя в определенном ключе.

Попытки запечатлеть, задокументировать и сконструировать «киноправду» на экране и тем самым передать и осмыслить «дух времени» делают фигуру Вертова репрезентативной в контексте исследования «темпорального поворота», который можно наблюдать в культуре первой трети XX в. Этот поворот представляет собой изменение в трактовке времени и в отношении к нему, что прослеживается в различных культурных практиках. Фильмы и сочинения Вертова регистрируют переломный момент в культуре не только послереволюционной России, но и в европейской культуре в целом. Сам Вертов, описывая прагматику своего киноязыка, пишет, что в «киноглазовском» пространстве он может «монтировать себя сидящим здесь не только рядом с вами, но и с различными точками земного шара» [там же]. Своеобразие его подхода состоит в том, что кино освобождает индивидуальную точку зрения как оператора, так и зрителя, придавая конструктивистский, поэтический характер перспективе переживания времени и пространства. Это соответствует мысли А. Тарковского, определяющего главную идею кино как способность «запечатлеть время» и возможность «сколько угодно раз воспроизвести протекание этого времени на экране» [8, с. 80].

Вся работа Вертова так или иначе направлена на то, чтобы представить на экране и осмыслить время на разных его уровнях: время как физическое явление; время как социальную структуру; историческое время; и, наконец, время как субъективное переживание человека. Далее мы более подробно рассмотрим кинематограф Вертова как средство и символический язык темпоральной рефлексии.

Понятие «темпоральная рефлексия» имеет несколько значений. Самое буквальное, феноменологическое, подразумевает временность сознания, а процесс анализа здесь нацелен на осмысление структуры темпоральных переживаний. Нас же интересует другая трактовка. Под темпоральностью мы будем понимать «временность» как культурный и одновременно как экзистенциальный, личностный феномен. В данном случае темпоральная рефлексия обозначает осмысление времени на этих двух уровнях с опорой на практики производства образов.

В отличие от феноменологической трактовки времени, традиционное представление о нем базировалось на концепте физического, «гомогенного» времени, не являющегося носителем индивидуальных смыслов, характерных для актуальной длительности человеческих переживаний. Лишь в начале XX в. в философии распространяется понимание времени как феномена, принадлежащего многомерной области смысла (например, в работах Э. Гуссерля, М. Хайдеггера, К. Ясперса, В. Бенямина и др.). В этом отношении согласимся с Аллейдой Ассман, которая утверждает, что «адаптация такого времени к человеку предполагает, в частности, конструирование хронотопов с различной продолжительностью настоящего; в этих хронотопах становятся возможными чувства и сознание, восприятия и поступки, мысль и коммуникация, память и ожидание. В противоположность этому физическое время абстрактно и совершенно пусто» [9, с. 36].

В советском кинематографе первой трети XX в. можно наблюдать своего рода «темпоральный поворот», специфику которого можно описать следующим образом: развитие понимания времени как многомерной области смысла в результате реабилитации повседневного, индивидуального, ситуативного времени, обладающего характером «экзистенциальной фактуальности». Когда Ассман рассуждает о литературе первой половины XX в., она утверждает, что писатели-новаторы «отказались от повествовательных конвенций XIX в., поскольку новое восприятие времени не вмещалось в тесный корсет традиционных нарративов. Время казалось им гораздо более сложным и универсальным феноменом по сравнению с тем, как оно предстает в нарративном напряжении сюжета, завершающегося значимым и окончательным финалом» [Там же, с. 37]. Данное утверждение можно распространить и на кинематографические практики Вертова.

В его случае поиск средств выражения является поиском способа организации кинематографического движения таким образом, чтобы преодолеть нарративную, повествовательную составляющую произведения. В своих манифестах Вертов провозглашает радикальное отрицание или преодоление повествовательности, литературности, театральности и драматизма. Одновременно с этим он постулирует близость кинематографического движения к музыкальному и поэтическому. Как отмечает Оксана Булгакова, «вертовские монтажные фразы с ритмическими повторами отсылали к музыке и поэзии, но одновременно поддерживали мифологические представления о циклическом времени» [10, с. 166]. Близость кинематографа, музыки и поэзии является следствием сходных формальных временных символических структур. Циклическая организация времени в фильмах Вертова подчеркивает значимость повторяющихся, рутинных элементов настоящего времени в проекте революционного движения к будущему.

Результаты и обсуждение.

Неигровое, документальное кино как средство темпоральной рефлексии.

Ранняя кинодокументалистика Вертова, которая конструируется из хроникальных планов, – это попытка преодолеть ограниченность человеческого восприятия. Так, в манифесте «киноков» «Мы» читаем: «Психологическое мешает человеку быть точным как секундомер и препятствует его стремлению породниться с машиной» [7, с. 47].

Прежде чем обратиться к содержательному описанию особенностей темпорального режима кинематографа Вертова, следует отметить тот факт, что сущностная черта неигрового, или «документального», кино как документа – это всегда регистрация некоего факта и определенного пространственно-временного контекста. В статье «Инфляция реальности» Дмитрий Мамулия справедливо утверждает: «Прежде чем приступить к документированию, нужно найти реальность, которая заключает в себе знаки времени» [11, с. 5]. Документальное кино, согласно Мамулии, осуществляет легитимацию культурных, социальных и материальных явлений, ранее незамеченных или находящихся на периферии: «Наделяя нечто статусом документа, мы узакониваем это явление. Делаем его легитимным, существующим» [Там же, с. 7].

Следующая особенность заключается в том, что неигровое кино стремится сделать видимым и осмысленным и явление, и его контекст. Для этого помимо самого явления документальное кино формирует определенный способ и контекст репрезентации: метод взгляда (перспектива) и реакции, интенсивность протекания эпизода и скорость переключе-

чения между разными эпизодами (интервалами). Вышеописанные приемы – это в то же время инструменты анализа, которые представляется целесообразным применять к фильмам Вертова.

Взгляд документалиста может быть распределен от человеческого (эмпатического) до отстраненного (технического) «киноглаза». Способы конструирования взгляда на реальность различаются по степени вовлеченности автора-документалиста и варьируются от позиции стороннего наблюдателя через позицию комментатора до позиции вовлеченного участника. Таким образом, документальное кино – это своеобразный способ осмысления реальности посредством конструирования киноопыта, который настраивает взгляд зрителя и влияет на переживание им времени. Неигровое кино, и это касается также открытий Вертова, проблематизирует опыт времени вообще, демонстрируя многомерность и неограниченность индивидуального опыта времени. Здесь темпоральная рефлексия предполагает способность видеть историческое время в контексте настоящего, а время повседневное, индивидуальное – в общем социокультурном контексте.

Как издаваемый Вертовым еженедельный киножурнал «Кино-Правда» (1922–1923 гг.), так и наиболее известные его фильмы («Человек с киноаппаратом» (1929 г.), «Шестая часть мира» (1926 г.), «Киноглаз» (1924 г.) и др.), формируют новый способ смотрения на мир механическим взглядом. Такой способ взгляда отражает запрос на осмысление временной перспективы, не ограниченной личной, биографической точкой зрения документалиста.

Работа с хроникой является следствием стремления осмыслить «дух времени» и вписать отдельные ситуации в общие идеологические рамки. Так, историк кино Л. М. Рошаль в работе «Дзига Вертов» утверждает, что практика журнала «Кино-Правда», состоящего по большей части из хроники, – это не что иное, как попытка создания первой в истории «синтетической картины времени» [6, с. 85], поскольку каждый выпуск непосредственно связан с другим общей смысловой рамкой. Событие на экране, напротив, утрачивало четкую привязку к определенному времени и месту, вследствие чего оно «переставало быть единичным случаем, приобретало черты всеобщности» [6, с. 86]. Эта всеобщность, о которой пишет Рошаль, касалась «нарастающего движения массового сознания к новым формам бытия» [там же].

Время в таком синтетическом виде становится временем смысла и идеологическим временем, а работы Вертова можно отчасти рассматривать как пропаганду, задачей которой является не просто транслирование определенных идей, но легитимация общего пространственно-временного смыслового контекста. Выработка новых способов видения и мышления, как пишет Оксана Булгакова, «была поставлена в контекст глобального преобразования реальности» [10, с. 18]. Также согласно Рошально фильмы Вертова были сосредоточены на воспроизведении «подлинной революционной действительности в обилии ее проявлений» [6, с. 20] и на «разнообразной смыслово-ритмической организации этих проявлений в единое целое» [там же].

Время в семантике фильмов Дзиги Вертова.

Для упорядочивания спонтанных, неорганизованных проявлений жизни и элементов реальности Вертов использовал нетипичные ракурсы и поэтический монтаж. М. Ямпольский, рассуждая о семантике фильмов Вертова, утверждает, что они выполняют функцию «упорядочивания хаоса, организации бесформенного материала жизни в смысловые по-

рядки» [12, с. 54], а кинематограф в целом понимается им «как революционная машина производства смысла в самой реальности» [Там же, с. 55].

Действительно, с точки зрения Вертова, одно из ключевых различий между «кинематографом жизни», «киноправдой» и игровым кинематографом состоит в том, что в первом случае «некоторые кадры или монтажные фразы, доведенные до совершенства, вырастают до значения символов» [7, с. 104], во втором же случае символы оказываются «навязанными извне», «выдуманными». «Киноглаз», трактуемый как кинематографическая программа или совокупность приемов, это взаимодействие способностей человеческого мышления, которые применяются при монтаже, и способности киноаппарата возвращать это мышление к переживанию непосредственной реальности в ее ситуативности, фактуальности и свободе от психологического и антропоцентрического взглядов. Документальное кино, таким образом, исходит из реальной жизни, генерируя идеальное.

Главный принцип построения фильмов у Вертова – это принцип целесообразности: «Целесообразно построенные тематические ряды ведут в конце концов к возникновению символа» [12, с. 61]. Соответственно «киночество» как таковое «есть искусство организации необходимых движений вещей в пространстве <...> согласное со свойством материала и внутренним ритмом каждой вещи» [7, с. 47].

Анализируя смыслообразующие механизмы в кино, Ямпольский утверждает, что «остановка времени дается как важнейшая фаза обнаружения смысла прежде всего потому, что именно в остановленном времени проявляет себя повторение, из которого строится смысл» [12, с. 61]. В ранних фильмах Вертова этими остановками – контрапунктами – служат титры, стилистически оформленные в конструктивистской эстетике и по содержанию являющиеся лозунгами, идеологемами. В работах конца 1920-х гг. такими паузами становятся динамические замедления, проявляющиеся в интенсивности движений и монтажа, а также в циклическом повторении одних и тех же планов, снятых в разные моменты времени. В фильме «Симфония Донбасса» (1930 г.) остановки подчеркиваются ритмическим выстраиванием звуков, в которых перекликаются голоса, гудки и другие звуковые артефакты.

Среди особенностей киноязыка Вертова следует выделить отказ от драматической повествовательности; акцент на повторах; интервальный, ритмически выверенный монтаж; нетипичные ракурсы (антиантропоцентризм взгляда кинокамеры); монтаж по принципу идеологической и поэтической «целесообразности»; антисхематизм; усиленное движение для «наращивания динамизма с целью преодоления инерции и схематизма повторения» [Там же, с. 62].

Согласно Ямпольскому, задача Вертова – выход за пределы «изобретающего произвола» в «область производства, труда, то есть самой жизненной активности, ассоциируемой с рукой. Абстрагируя реальность, преодолевая “неопределенность ощущения”, то есть хаос, киноглаз постепенно формирует зрителя как часть этой хаотической реальности» [Там же, с. 63]. В терминах темпоральности можно сказать, что благодаря посредничеству технического медиума и общему смысловому контексту (идеологии) складывается особый опыт времени, цель которого состоит в унификации переживания реальности.

О. Булгакова в работе «Советский слухоглаз» следующим образом определяет специфику кинематографического языка Вертова: «Предметом отображения его фильма стали

новые качества восприятия, симультанность, сдвиг, “распыление” пространства, с которым столкнулись органы чувств человека модерна» [10, с. 175]. О том, что это не было случайной находкой, свидетельствуют манифесты Вертова, где он утверждает, что его кинематографический метод заключается в поиске особого ритма, лежащего в основании «движения вещей» [7, с. 45]. Различные движения, вещи, люди и пространства представляются хаотическим, неструктурированным атрибутом действительности; при помощи монтажных приемов их можно преобразовать в осмысленную структуру. Отметим, что данная структура предполагает наличие содержательной темпоральности, которая отражает отношение ко времени как к истории, а также выявляет темпоральный режим данной культуры. На это указывает также Ямпольский, согласно которому «зрительно-смысловые формулы, которые с помощью фильма ищет революционная действительность, опираются на тематические блоки» [12, с. 59]. Он считает, что «организация работы у киноков строилась вокруг набора заранее планируемых тем. Выявление темы – это первый этап организации бытового хаоса» [там же]. В итоге фильмы Вертова являются способом совмещения «повседневности и смысла» [12, с. 55]. В фильме «Человек с киноаппаратом» повседневность, состоящая из удаленных друг от друга ситуаций, происходящих не только в разное время, но и в совершенно разном пространстве, организуется в упорядоченное множество, которое представляет собой цельное киновысказывание на тему темпоральности городской повседневности.

Антинарративность фильмов Вертова и монтаж «непривилегированных» элементов.

В статье Ж.-Ф. Лиотара «L'acinéma» [13] кинематограф рассматривается с точки зрения стоимостей каждой составляющей фильма. Здесь ставится вопрос о малозначимых движениях, которые на этапе производства фильма были исключены. Например, исключение неподвижных элементов, равно как и исключение чрезмерно динамических, – подход, позволяющий создать уравновешенное произведение, конечная стоимость которого является эквивалентом потребительского удовлетворения среднестатистического зрителя. Занятие одной из указанных крайностей – это привилегия экспериментального кинематографа, который является продуктом, не поддающимся критерию эквивалентности при оценке стоимости каждого из элементов. Скорее всего, такой фильм не будет соответствовать среднестатистическим зрительским ожиданиям, поскольку не ставит перед собой задачи уравновесить свои составляющие в угоду прибыли.

Статья Лиотара в некоторых пунктах перекликается с суждениями Вертова, который в заметке «О значении неигровой кинематографии» выступает против коммерческого кинематографа, имеющего нарративный и литературоцентричный характер. Вертов утверждает, что среди драматического, повествовательного, театрального кинематографа нет кино вещей, а «есть только сожителство киноиллюстраций с театром, с литературой, с музыкой, с кем и с чем угодно, за сколько и когда угодно» [7, с. 70]. Кинематограф же, по его мнению, должен быть производством кино вещей. Под кино вещью понимается «монтажное “вижу”», т. е. «законченный этюд совершенного зрения, утонченного и углубленного... оптическими приборами и главным образом – экспериментирующим в пространстве и времени съемочным киноаппаратом» [Там же, с. 71].

Рассмотрение фильмов Вертова с опорой на методологию Лиотара открывает еще один значимый факт: Вертов создает свои фильмы при помощи монтажа непривилегированных

элементов, не имеющих очевидного эквивалента в рамках нарративной структуры фильма. Тем самым он подрывает один из законов коммерческого кинопроизводства, согласно которому у каждого отдельного движения (кадра, эпизода, ракурса и т. п.) должно быть собственное, подчиненное целостности нарратива обоснование. Отказ от «стоимостной» эквивалентности элементов фильма приводит к тому, что зритель «...видит, что объекты, знакомые ему в жизни, лишены в изображении своего привычного облика» [14, с. 42].

Делёз утверждает, что оригинальность Вертова, в отличие от Эйзенштейна, состоит «в радикальном утверждении диалектики самой материи» [15, с. 56]. М. А. Степанов обозначает вышеописанные кинематографические процессы «нечеловеческой перекодировкой» [16, с. 22], которая формирует воображаемый мир, надстроенный над понятийным мышлением. Помимо этого, важно отметить, что киноаппарат позволяет осуществить своеобразную *феноменологическую редукцию*. Используя рассуждения В. Флюссера о фотографии, можно объяснить, как эта редукция работает в случае кинематографа Вертова: «Аппарат меняет свою точку зрения: он окружает что-то шарообразным полем точек зрения. Тем самым фотографирование покидает нововременную привилегированную точку зрения “объективного взгляда”» [17, с. 72]. Получается, что и фотография, и кино предстают как инструменты для создания образа, которые способствуют «растворению объектов и субъектов в полях взаимосвязи, и взаимосвязь “субъект-объект” сама становится отношением, которое ничего не связывает, а представляет себя как “чистое отношение” (чистая интенциональность)» [там же].

«Киноки» стремятся исключить автора из создания фильма в привычном смысле: отсутствие сценария, декораций, студии, актеров, освещения и т. п. – распространенные для этого приемы. В связи с этим А. А. Пронин отмечает, что «творческая эволюция Дзиги Вертова являет собой пример своего рода “персональной” трансмедиальности, присущей революционной эпохе первой четверти XX в.» [18, с. 284]. Однако заметим, что несмотря на это автор сохраняется в фильме в качестве наблюдающего субъекта, который посредством механического посредника, камеры, совершает редукцию, очищая киноопыт от психологизма и возвращая его «к самим вещам», т. е. к «киновещи».

Через отождествление с камерой создается новый субъект, «киноглаз», который должен видеть то, чего не видит человеческий глаз, который иначе воспринимает время и является освобожденным от естественной установки сознания субъектом «чистого» опыта. Неограниченность перспективы, свойственная «киноглазу», позволяет вынести мышление человека (с присущим ему воображением как способностью преодолевать рамки физического, материального времени и пространства) за пределы самого мышления, на экран. Вертов сформулировал это следующим образом: «Мысль о том, что правдой является лишь то, что видит человеческий глаз, опровергается <...> всеми теми данными, которые дает глаз, технически вооруженный. Опровергается это и самим характером мышления человека» [7, с. 47].

Степанов интерпретирует это в том смысле, что «вертовские “киноглаз” и “радиоухо” воплощают одержимость всевозможными машинами, сакрализацию и поклонение технике, свойственные авангарду первой половины двадцатого века» [16, с. 21]. Это подтверждает текст манифеста «Киноки. Переворот», где отождествление с камерой формулируется прямо: «Я – киноглаз. Я глаз механический. Я, машина, показываю вам мир таким,

каким только я его смогу увидеть. Я освобождаю себя с сегодня навсегда от неподвижности человеческой» [7, с. 55].

Булгакова предлагает еще одну интерпретацию этого факта, отмечая, что для кино характерно «положение субъекта, смотрящего на себя как на объект» [10, с. 169]. Эту формулировку можно подтвердить примерами киноэкспериментов Вертова. Объективация происходит, во-первых, в силу автореферентности его фильмов, которые осмысляют сущность самого кинематографа, а во-вторых, в силу того, что камера становится основным адресатом и персонажем киновысказывания. В какой-то мере можно согласиться с Флюссером [17], что новые способы репрезентации реальности при помощи аппаратов представляют собой возвращение к изначальному способу восприятия мира как непосредственно представленному; как возвращение от абстракции к новой фактуальности, опосредованной техникой.

Наряду с *феноменологической редукцией* для понимания особенностей монтажа и создания кинореальности в фильмах Вертова является ключевым понятие «интервал». Степанов пишет: «Оригинальность теории интервала, разработанной Вертовым, состоит в том, что этот термин обозначает уже не пустой промежуток и не дистанцирование двух последовательных образов, а, наоборот, соотнесение двух отдаленных образов (несоизмеримых с точки зрения нашей человеческой перцепции)» [16, с. 21]. Делёз выделяет несколько общих видов монтажа: монтаж действий, изобретенный Гриффитом, монтаж эмоций, который изобрел Дрейер, и перцептивный монтаж, который является изобретением Вертова. Он отмечает, что фильмы Вертова строятся из множественных планов, которые соотносятся с образами-перцепциями. В теории Делёза средний план – это образ-действие, а крупный план – это образ-эмоция.

Монтаж создает ритмически организованные интервалы, которые организуют кинестезически переживаемые схемы движения, создавая контекст для документируемых явлений. Причем «эти схемы движения – не просто линии абстрагирования, но линии выявления принципиальных жизненных связей, это линии смысла» [12, с. 57]. Это подтверждает цитата из манифеста «Мы»: «Развинченным нервам кинематографии нужна суровая система точных движений. Метр, темп, род движения, его точное расположение по отношению к осям координат кадра, а может, и к мировым осям координат должны быть учтены и изучены каждым творящим в области кино» [7, с. 47].

Заметим, что созданное Вертовым направление неигрового кино и концепция киноглаза – во многом продукты революции. Это следует понимать в том смысле, что стремление погрузить взгляд внутрь самой материи есть радикальным образом понятие и принятое к реализации фундаментальное положение диалектического материализма о первичности материи. Например, Рошаль пишет о том, что революция создала предпосылки для радикального и революционного стремления реабилитировать непривилегированные движения и срезы времени. Приемы, обеспечивающие данную реабилитацию, станут в итоге основными для «документальной кинематографии» [6, с. 54].

Кинематограф Вертова как выражение «темпорального режима» модерна на материале фильма «Человек с киноаппаратом» 1929 г.

Понятие «темпоральный режим культуры» характеризует особые способы репрезентации и конструирования измерений времени (его обращенность в будущее или прошлое).

Как утверждает Ассман, «это понятие подразумевает комплекс культурных постулатов, ценностей и установок, которые, даже не осознаваясь самим индивидуумом, управляют его желаниями, поступками, чувствами и представлениями» [9, с. 50]. Ассман выделяет несколько специфических особенностей темпорального режима модерна. Среди них позиция настоящего по отношению к прошлому; характеристика вещей и явлений как «нового», противопоставленного «старому»; ощущение эфемерного и преходящего по сравнению с устойчивым и длительным. Суммируя эти особенности, Ассман утверждает, что темпоральный режим модерна предполагает «интенсификацию восприятия времени, темпоральную рефлексивность и темпоральную рациональность в условиях форсированных перемен» [Там же, с. 16].

В работе Ассман приводятся пять аспектов темпорального режима модерна: 1) перелом времени; 2) фикция нового начала; 3) творческое разрушение; 4) возникновение понятия «историческое»; 5) ускорение. Эти критерии можно использовать для анализа творчества Вертова. Они представлены в виде следующих особенностей: радикальное отрицание дореволюционного, художественного языка кино; попытка создания ранее не существовавшего, революционного кинематографического метода; практика разрушения привычных законов киноповествования и структур длительности; сочленение удаленных друг от друга пространств и событий в единый хронотоп. Важной особенностью темпорального режима модерна, по мнению Ассман, является также противопоставление между пустым и содержательным временем, когда «повседневной рутине противостоит восприятие настоящего как ценного, содержательного времени» [9, с. 24]. Это означает в применении к анализу структуры темпоральности, что повседневные события и знания (как нечто само собой разумеющееся, как фоновая составляющая жизненного мира) не замечаются и не являются, если рассуждать в терминах А. Шюца, «тематически релевантными» [19, с. 80].

На примере фильма «Человек с киноаппаратом» можно показать, как эти аспекты темпорального режима модерна проявляются в авангардистском проекте Вертова. Данный фильм в наиболее концентрированном виде выражает особенности кинематографической программы Вертова, поскольку является экспериментом по бессюжетной монтажной организации случайных элементов действительности. Несмотря на это, другие фильмы Вертова 1920-х гг., такие как «Шестая часть мира» (1926 г.), «Киноглаз» (1924 г.), «Одиннадцатый» (1928 г.), также выражают особенности темпорального режима модерна и могут рассматриваться в контексте понятия темпоральной рефлексии. В фильмах 1930-х гг., таких как «Три песни о Ленине» (1934 г.), «Энтузиазм (Симфония Донбасса)» (1930 г.), тема времени не теряет своей актуальности, но в них становится более выраженным выстраивание фильма вокруг конкретной идеи, замысла. Каждый из фильмов Вертова может быть рассмотрен в русле предложенного в данной статье методологического контекста. Однако пока целесообразно ограничиться кратким анализом фильма «Человек с киноаппаратом» как наиболее иллюстративного примера.

Во вступительных титрах Вертов обозначает задачи фильма: «Вниманию зрителей: настоящий фильм представляет собой опыт кинопередачи видимых явлений»; «Эта экспериментальная работа направлена к созданию подлинно международного абсолютного языка кино на основе его подлинного отделения от языка театра и литературы».

Именно в этом фильме наиболее ясно прослеживается идея кино как языка темпоральной рефлексии. В нем выражен «перелом времени», который происходит благодаря тому, что элементы пустого, бессодержательного времени трансформируются, помещаясь в общий смысловой контекст. Вследствие этого ситуации повседневности перестают восприниматься как привычные, пустые, не имеющие значения. В фильме они приобретают «проблемный» характер (стимулируя тематическую и интерпретативную системы релевантности). Это достигается, во-первых, монтажными приемами, благодаря которым теряется «очевидная» пространственно-временная связь между отдельными событиями; во-вторых, стимулированием интерпретативной активности у зрителя, который восстанавливает связь целого в процессе просмотра. О. Булгакова следующим образом описывает особенности хронотопа данного фильма: «Вертов создал универсальный город из документальных сегментов Москвы, Киева, Одессы. Ему не нужны были субъекты, как тела, соединяющие пространственные фрагменты. Режиссер-монтажер объединял их в некую целостность, терявшую связь с местом и временем (что критики Вертова считали разрушением “аутентичности”, уничтожением подлинности документа). При этом не только само тело составлялось как монтажная величина, но и его движение воссоздавалось как величина кинематографическая, состоящая из несвязанных фаз движения одного или многих тел» [10, с. 169].

Одновременно закадровый и в то же время диегетический (включенный в кинореальность) персонаж Вертова, человек с киноаппаратом, до некоторой степени является фланером. Фланер – это символ человека модерна. Вот как этот тип охарактеризован Ассман: «Безоговорочно отдаваясь настоящему, фланер является последовательным воплощением современного человека без памяти, без прошлого, без ожидания будущего... Фланирующий художник отказывается от таких качеств, экзистенциально необходимых человеку, как когерентность восприятия, его непрерывность и собственная идентичность» [9, с. 21]. Особенность человека с киноаппаратом Вертова в том, что он является революционным фланером, стремящимся преодолеть сопротивление реальности обыденному восприятию.

В фильме конструируется одновременность неодновременного. За счет сочленения при помощи монтажа не связанных между собой, а зачастую значительно удаленных друг от друга вещей и сцен обыденной жизни Вертов формирует кинематографическую реальность, которая оставляет впечатление цельного и органично сплетенного высказывания. В нем содержится размышление о времени, поскольку в сопоставлении застигнутых врасплох длительностей выявляется содержательная темпоральность случайных моментов. Происходят творческая перестройка и переосмысление отдельных элементов.

В своих ранних фильмах Вертов активно использует титры, задача которых – объяснить, что происходит на экране, помещая хроникальные кадры в языковой контекст. В фильме «Человек с киноаппаратом» титры исключаются совсем, а контрапунктами служат определенные символы, присутствующие в самих кадрах. Они же подчеркивают временные срезы и выражают характер темпоральности городской повседневности. Этими символами становятся элементы, которые выражают ритм городской жизни. Например, раннее утро подчеркивается за счет рифмованного сопоставления в монтаже фонарей, окон, закрытого автобусного парка, пустых городских улиц, людей, спящих в своих комнатах, пустых общественных пространств и прочих подобных означающих. При этом городская

жизнь в монтаже рифмуется с крупными планами разных механизмов и деталей технических приспособлений, станков и автомобилей. Все ракурсы, которые представлены в фильме, обладают чертами подчеркнуто конструктивистского стиля. Наклонные и пересекающиеся линии присутствуют почти в каждом кадре, напоминая фотографии Родченко. Такая геометрическая выверенность стилистически подчеркивает связь между событиями фильма.

Постепенно на протяжении фильма время ускоряется, запускаются станки и каждый план наполняется различными по интенсивности, разнообразными движениями: людей, станков, автомобилей, механизмов, лифтов. Работа разных механизмов выступает связующим элементом фильма, подчеркивая обусловленность социального и исторического времени техническими инновациями, ускоряющими движение времени.

Время в хронотопе фильма всегда движется вперед. Причем если пространство оказывается расплывчатым и неуточненным, поскольку конструируется «универсальный» город, то время имеет довольно четкую направленность. Движение вперед подчеркивается репрезентациями железной дороги; автомобилей; трамваев; линий проводов, железных конструкций, рельсов и т. п. Камера усиливает движение посредством съемки с крыши поезда, с автомобиля или экипажа. Эту специфику движения Булгакова, например, описывает следующим образом: «Движение растягивалось, ускорялось, останавливалось, поворачивалось вспять, дробилось, множилось в многократных экспозициях, и сам распадающийся кинокадр приводил предметы в иной вид движения, чем в природе» [10, с. 69]. Данные элементы киноязыка символизируют особенности темпорального режима модерна, демонстрируя перелом времени, историческое движение от прошлого к будущему и ускорение этого движения. Множественность и разнообразие этих движений в фильме подчеркивается мультиэкспозиционными кадрами и ускоряющимся, динамичным монтажом.

«Киноглаз» в фильме представлен как вездесущий субъект, который появляется в кадре в виде снятого крупным планом объектива. Оператор то оказывается погруженным в пивную кружку, то обретает размеры великана, возвышаясь с киноаппаратом над целым городом. Эти эпизоды следует интерпретировать как автореферентные (т. е. отсылающие к самому процессу изготовления фильма). Помимо них, лейтмотивом фильма являются эпизоды с работой монтажницы, которая с помощью ножниц конструирует образ города и определяет степень целесообразности отдельных элементов, оживляет, придает движение перцептивным элементам неструктурированного множества. Она организует, упорядочивает запечатленную реальность на монтажном столе. Здесь процессу монтажа придается характер символического начала.

Несколько раз в фильме снижается общий темп при помощи остановок, пауз, замедлений движения (спортсмены, снятые в рапиде) или вмонтированных в фильм фотографий с общими планами города, наполненного людьми, и фотографий с людьми, представленными крупным планом. Данные кадры оказываются фотограммами, снятыми с киноплёнки. Они символизируют включенность микроскопических отдельных элементов действительности в общее, сложное и целостное множество. Эту включенность обеспечивает кинестетическая и динамическая специфика кинообраза.

Язык темпоральной рефлексии в фильмах Вертова предполагает аналитическое исследование реальности посредством создания отдельных образов-перцепций, представляющих собой случайные моменты и хроникально запечатленные события, которые затем по

принципу целесообразности соединяются в цельную кинематографическую реальность. Темпоральная рефлексия при помощи кинематографического языка оказывается, таким образом, техническим средством постижения мира и средством легитимации определенного способа переживания мира и опыта времени. Вертов и в своем манифесте постоянно возвращается к одной и той же ситуации, в которой «кинок» с его киноглазом погружается в хаос жизни и подвергает этот хаос упорядочивающей трансформации.

В «Человеке с киноаппаратом» Вертов исследует повседневную жизнь не только при помощи хроникальных планов и базовых приемов кинокамеры. Он экспериментирует как с монтажными возможностями кино (повторение, разный темп и интенсивность отрезков, поэтическое сопоставление различных планов), так и с экспозиционными (нетипичные ракурсы, ускоренная съемка, мультиэкспозиция, подвижный план и т. п.), конструируя перцептивную реальность в изобразительной, длящейся и состоящей из интервалов кинематографической структуре, выражающей темпоральный режим культуры модерна и культуры советской России.

Заключение. Приведенный в статье анализ кинематографических экспериментов Вертова показывает, что его фильмы можно рассматривать в качестве языка темпоральной рефлексии. Среди используемых им стилистических приемов, позволяющих схватить время эпохи, следует выделить внимание к непривилегированным элементам, их ритмические повторения, выстраивание образа на основании теории интервалов, монтаж по принципу идеологической и поэтической целесообразности, применение нетипичных ракурсов и множественной экспозиции. На содержательном уровне темпоральная рефлексия выражается в определении общей темы, которой руководствуется Вертов при монтаже конкретного фильма, комбинируя случайные и несвязанные между собой моменты повседневной жизни в единое смысловое целое.

Неигровое кино Вертова рефлектирует о времени, изобретая и легитимируя особый способ взгляда на мир, предлагая тем самым новый способ осмысления опыта времени. В нем индивидуальное, частное время связывается с социальным временем, «универсальный» город оказывается городом, в котором осуществляется историческое движение в утопическое «будущее». Кинематографический метод, который лежит в основании такой рефлексии, заключается в механическом редуцировании реальности к множеству случайных элементов и последующем синтезе полученных образов-перцепций на основании принципа идеологической и поэтической целесообразности.

На примере фильма «Человек с киноаппаратом» мы продемонстрировали, что работа Вертова выражает особенности темпорального режима культуры модерна, пользуясь главным образом критериями Модерна, предложенными Ассман в работе «Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна». При этом было продемонстрировано, что фильм осмысляет темпоральность культуры на языке монтажных фраз, движений, повторов, замедлений и ускорений, воссоздавая присущее модерну восприятие времени. Актуализация «нераскрепощенных возможностей» киноаппарата, которую осуществляет Вертов, с одной стороны, реализует актуальную потребность в выработке нового языка выражения и описания времени в молодом историческом обществе, стремящемся к социализму. С другой, появление в культуре данной потребности можно рассматривать как следствие «темпорального поворота», присущего европейской культуре в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Tomas D. Vertov, Snow, Farocki: Machine Vision and the Posthuman. N. Y.: Bloomsbury, 2013.
2. Manovich L. Visualizing Vertov // Russian Journal of Communication. 2013. Vol. 5, no. 1. P. 44–55. DOI: <https://doi.org/10.1080/19409419.2013.775546>.
3. Bordwell D. Dziga Vertov: An Introduction // Film Comment. 1972. Vol. 8, no. 1. P. 38–42.
4. MacKay J. Dziga Vertov: Life and Work. Academic Studies Press, 2018. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781618117359>.
5. Bulgakowa O., Bordwell D. The Ear against the Eye: Vertov's "Symphony" // Monatshefte. 2006. Vol. 98, no. 2. P. 219–243.
6. Рошаль Л. М. Дзига Вертов. М.: Искусство, 1982.
7. Вертов Д. Статьи. Дневники. Замыслы. М.: Искусство, 1966.
8. Тарковский А. Запечатленное время // Вопросы киноискусства. 1967. № 10. С. 79–102.
9. Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна / пер. с нем. Б. Хлебникова, Д. Тимофеева. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
10. Булгакова О. Советский слухоглаз. Кино и его органы чувств. М.: Новое литературное обозрение, 2010.
11. Мамулия Д. Инфляция реальности // Сеанс. 2007. № 31. С. 3–13. URL: https://web.archive.org/web/20080610002833/http://www.seance.ru/blog/new_issues/ (дата обращения: 15.10.2020).
12. Ямпольский М. Б. Смысл приходит в мир. Заметки о семантике Дзиги Вертова // Киноведческие записки. 2008. № 87. С. 54–65.
13. Лиотар Ж.-Ф. L'acinéma / пер. с фр. Т. Осиповой // Cineticle. 2020. № 26. URL: <https://cineticle.com/magazine/issue-26/lacinema-jean-francois-lyotard> (дата обращения: 15.02.2021).
14. Мыльников Д. Ю. «Киноглаз»: концепция условности в документалистике Дзиги Вертова // Вестн. ВГИК. 2017. № 2 (32). С. 34–44.
15. Делёз Ж. Кино. Кино 1: Образ-движение. Кино 2: Образ-время / пер. с фр. Б. Скуратова. М.: Ад Маргинем, 2004.
16. Степанов М. А. След машины: генеалогия «комплекса аппарат-оператор» Вилема Флюссера // Расщепления визуального: значение новых медиа / под ред. О. Шишко, А. Щербенюк. М.: Манеж, 2015. С. 20–28.
17. Флюссер В. О проецировании / пер. с нем. М. А. Степанова // Хора. Журнал современной зарубежной философии и философской компаративистики. 2009. № 3/4 (9/10). С. 65–76.
18. Пронин А. А. Дзига Вертов: от «слышу» к «вижу» // Вестн. Томского гос. ун-та. Филология. 2020. № 63. С. 282–291. DOI: <https://doi.org/10.17223/19986645/63/16>.
19. Шюц А. Некоторые структуры жизненного мира // Вопр. социальной теории. 2008. Т. 2, № 2. С. 72–87.

Информация об авторе.

Якимов Андрей Евгеньевич – аспирант департамента философии, инженер-исследователь Лаборатории сравнительных исследований толерантности и признания Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, ул. Мира, д. 19, Екатеринбург, 620002, Россия. Автор 13 научных публикаций. Сфера научных интересов: эстетика, философия культуры, теория кино. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8357-9043>. E-mail: Yakimandrew765@gmail.com

REFERENCES

1. Tomas, D. (2013), *Vertov, Snow, Farocki: machine vision and the posthuman*, Bloomsbury, N.Y., USA.
2. Manovich, L. (2013), "Visualizing Vertov", *Russian Journal of Communication*, vol. 5, no. 1, pp. 44–55. DOI: <https://doi.org/10.1080/19409419.2013.775546>.

3. Bordwell, D. (1972), "Dziga Vertov: An Introduction", *Film Comment*, vol. 8, no. 1, pp. 38–42.
4. MacKay, J. (2018), *Dziga Vertov: Life and Work*, Academic Studies Press. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781618117359>.
5. Bulgakova, O. and Bordwell, D. (2006), "The Ear against the Eye: Vertov's "Symphony"", *Monatshefte*, vol. 98, no. 2, pp. 219–243.
6. Roshal', L.M. (1982), *Dziga Vertov*. Iskusstvo, Moscow, RUS.
7. Vertov, D. (1966), *Stat'i. Dnevnik. Zamysly* [Articles. Diaries. Intentions], Iskusstvo, Moscow, RUS.
8. Tarkovskii, A. (1967), "Captured Time", *Voprosy kinoiskusstva* [Questions of Cinematography], no. 10, pp. 79–102.
9. Assman, A. (2017), *Raspalas' svyaz' vremen? Vzlet i padenie temporal'nogo rezhima Moderna* [Has the link of times broken up? The rise and fall of the temporal mode of Modern], Transl. by Khlebnikov, B. and Timofeev, D., Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS.
10. Bulgakova, O. (2010), *Sovetskii slukhoglaz. Kino i ego organy chuvstv* [Soviet ear-eye. Cinema and its senses], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, RUS.
11. Mamuliya, D. (2007), "Inflation of Reality", *Seans* [Séance], no. 31, pp. 3–13, available at: https://web.archive.org/web/20080610002833/http://www.seance.ru/blog/new_issues/ (accessed 15.10.2020).
12. Yampol'skii, M.B. (2008), "The meaning comes into the world. Notes on the semantics of Dziga Vertov", *Kinovedcheskie zapiski* [Film studies notes], no. 87, pp. 54–65.
13. Liotar, Zh.-F. (2020), "L'acinéma", *Cineticle*, Transl. by Osipova, T., no. 26, available at: <https://cineticle.com/magazine/issue-26/lacinema-jean-francois-lyotard> (accessed 15.02.2021).
14. Myl'nikov, D.Yu. (2017), "'Cinema-eye': the concept of convention in Dziga Vertov's documentary", *Vestnik VGIK* [VGIK Bulletin], no. 2 (32), pp. 34–44.
15. Deleuze, G. (2004), *Kino. Kino 1: Obraz-dvizhenie. Kino 2: Obraz-vremya* [Cinema. Cinema 1: The Movement Image. Cinema 2: The Time Image], Transl. by Skuratov, B., Ad Marginem, Moscow, RUS.
16. Stepanov, M.A. (2015), "Machine track: Genealogy of the "machine-operator complex" by Vilém Flusser", *Rasshchepleniya vizual'nogo: znachenie novykh media* [Splitting the Visual: The Importance of New Media], in Shishko, O. and Shcherbenyuk, A. (eds.), Manzh, Moscow, RUS, pp. 20–28.
17. Flyusser, V. (2009), "About projection", *Khora. Zhurnal sovremennoi zarubezhnoi filosofii i filosofskoi komparativistiki* [Chora. Journal of Contemporary Foreign Philosophy and Philosophical Comparative Studies], Transl. by Stepanov, M.A., no. 3/4 (9/10), pp. 65–76.
18. Pronin, A.A. (2020), "Dziga Vertov: from "I hear" to "I see"", *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, no. 63, pp. 282–291. DOI: <https://doi.org/10.17223/19986645/63/16>.
19. Shyuts, A. (2008), "Some structures of the life world", *Voprosy sotsial'noi teorii* [Social theory issues], vol. 2, no. 2, pp. 72–87.

Information about the author.

Andrey E. Yakimov – Postgraduate at the Department of Philosophy, Research Engineer at the Laboratory of comparative studies of tolerance and recognition if Ural Institute for Humanities, Ural Federal University, 19 Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia. The author of 13 scientific publications. Area of expertise: aesthetics, philosophy of culture, film theory. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8357-9043>. E-mail: Yakimandrew765@gmail.com

Социокультурная динамика восприятия итальянских брендов в России

Р. Д. Акинина^{1✉}, А. С. Гонашвили^{1, 2}, Н. П. Кирсанова²

¹Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

²Университет при МПА ЕвразЭС, Санкт-Петербург, Россия

✉tkhyvdfvr@mail.ru

Введение. Статья посвящена анализу специфики восприятия итальянских брендов в России. Исходным положением в работе выступает понимание того, что эволюция итальянской культуры и самого имиджа Италии привели к восприятию этого феномена через призму многочисленных атрибутов, и итальянских брендов в частности. Сегодня Италия ассоциируется с национальной кухней, культурой и историческим наследием. В социологическом ракурсе бренды являются важным ресурсом для репрезентации национальной культуры, особенно для иностранных потребителей. Однако к настоящему моменту недостаточно исследовано, как эта культура транслируется через бренды в общество. В частности, до сих пор мало внимания обращается на изучение восприятия брендов и их связи с национальной культурой страны, которую они представляют.

Социокультурный ракурс исследования предполагает изучение динамики отношения к итальянским брендам, отражающей изменчивость самого общества.

Методология и источники. В качестве методологической базы используется междисциплинарный подход к проблеме изучения и анализа брендов. Основным исследовательским методом в работе является интернет-опрос. Так, опираясь на теоретические концепции по изучению брендов в социологии, в апреле 2020 г. на платформе «Google-форма» авторы провели эмпирическое исследование – интернет-опрос – с целью выявления отношения российских респондентов к итальянским брендам. В статье представлены результаты данного социологического исследования. Тип выборки – случайный, количество респондентов 150.

Результаты и обсуждение. Согласно результатам опроса основными ассоциациями с образом Италии являются следующие: итальянская кухня, отдых, мода и историческое наследие. Вместе с тем около одной пятой респондентов незнакомы ни с одним из итальянских брендов или не могут их назвать. Среди тех, кто знаком с итальянскими брендами, 80 % ответили, что знают Gucci, Fendi, Valentino, Versace, Moschino, Giorgio Armani, Prada, Roberto Cavalli, Dolce & Gabbana, Lamborghini, Maserati, Ferrari. Одним из ключевых результатов исследования стал вывод о том, что сегодня восприятие бренда не связано напрямую со страной его происхождения. Бренд не всегда репрезентирует страну, становясь мультикультурным. Изменяется социокультурная модель потребления и образуется оторванность понимания итальянского бренда от культурного фундамента, из которого он произошел.

© Акинина Р. Д., Гонашвили А. С., Кирсанова Н. П., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. В целом, авторы статьи приходят к выводу, что восприятие итальянских брендов в России обусловлено спецификой социокультурного развития. В начале 90-х гг., когда Россия только открылась для западных брендов, для потребителя было жизненно важно приобретать товары известных брендов, в частности категории «Made in Italy», стойко ассоциируемые со страной происхождения. Сегодня, в условиях глобализации и мультикультурности, многие бренды утратили свою национальную идентичность, а для потребителя на первое место выходят потребительские свойства товара, а не сам бренд.

Ключевые слова: бренды, социологическое исследование, итальянские бренды, опрос, восприятие бренда, социокультурный продукт.

Для цитирования: Акинина Р. Д., Гонашвили А. С., Кирсанова Н. П. Социокультурная динамика восприятия итальянских брендов в России // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 3. С. 52–64. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-52-64

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 01.03.2021; принята после рецензирования 06.04.2021; опубликована онлайн 24.06.2021

Sociocultural Dynamics of Perception of Italian Brands in Russia

Raisa D. Akinina^{1✉}, Alexander S. Gonashvili^{1, 2}, Natalia P. Kirsanova²

¹*Saint Petersburg State University, St Petersburg, Russia*

²*University associated with IA EAEC, St Petersburg, Russia*

✉tkhyvdrfv@mail.ru

Introduction. This article analyzes the specifics of the perception of Italian brands in Russia. The starting point in the paper is the understanding that the evolution of Italian culture and the image of Italy itself has led to the perception of this phenomenon through the prism of both its numerous attributes and Italian brands in particular. Today Italy is associated with national cuisine, culture and historical heritage.

From a sociological perspective, brands are an important resource for the representation of national culture, especially for foreign consumers. To date, however, there has been little research into how this culture is transmitted through brands to society. In particular, little attention has so far been paid to studying the perception of brands and their relationship to the national culture of the country they represent.

The socio-cultural perspective of the study implies an examination of the dynamics of attitudes towards Italian brands, reflecting the variability of society itself.

Methodology and sources. The methodological basis is an interdisciplinary approach to the problem of studying and analyzing brands. The main research method in the work is the Internet survey. Thus, based on the theoretical concepts on the study of brands in sociology, in April 2020 on the platform "Google Form" the authors conducted an empirical study. The purpose of this research was to conduct an online survey to identify the attitudes of Russian respondents towards Italian brands. The results of the sociological research conducted in the form of a questionnaire survey are presented. The sample type was random with the number of 150 respondents.

Results and discussion. According to the survey results, the main associations associated with the image of Italy are: Italian food, holidays, fashion and historical heritage. At the same time, about one fifth of respondents are not familiar with any of the Italian brands or cannot name them. Among those familiar with Italian brands, 80 % responded that they know Gucci, Fendi, Valentino, Versace, Moschino, Giorgio Armani, Prada, Roberto Cavalli, Dolce & Gabbana, Lamborghini, Maserati and Ferrari.

One of the key findings of the study was the conclusion that brand perception today is not directly related to its country of origin. The brand does not always represent the country, becoming multicultural. The socio-cultural model of consumption is changing, and the understanding of the Italian brand is divorced from the cultural foundation from which it originated.

Conclusion. In general, the authors of the article come to the conclusion that the perception of Italian brands in Russia is conditioned by the specifics of sociocultural development. In the early nineties, when the country had just opened up to Western brands, it was vital for the consumer to purchase products from well-known brands, in particular the «Made in Italy» category, firmly associated with the country of origin. Today, in the context of globalization and multiculturalism, many brands have lost their national identity, and for the consumer the consumer properties of the product come first, and not the brand itself.

Key words: brands, case study, Italian brands, survey, brand perception, sociocultural product.

For citation: Akinina R. D., Gonashvili A. S., Kirsanova N. P. Sociocultural Dynamics of Perception of Italian Brands in Russia. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 3, pp. 52–64. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-52-64 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 01.03.2021; adopted after review 06.04.2021; published online 24.06.2021

Введение. Современное общество – это общество потребления. Сегодня оно уже стало определенным типом культуры, в которой индивид подвергается воздействию огромного количества рекламных объявлений с призывами к покупке [1].

Культура представляет собой сущность и основной смысл деятельности людей в разных странах: политической, экономической, социальной и т. д. Это одно измерение, которое длится во времени и несет в себе ценности, образы и историю страны на протяжении всего времени. Это измерение представляет собой одновременно изменение и увековечивание. Индивиды, принадлежащие к той или иной стране, должны чувствовать себя связанными с ее идентичностью, и лучше всего, когда она также создается из индивидов внутри страны. Они будут лучше понимать, какой образ они хотят показать внешнему миру, его наиболее репрезентативные черты, поведение людей, культуру и все другие аспекты, которые имеют значение.

На фоне этого одним из ключевых элементов социокультурных коммуникаций, способных обеспечить не только дифференциацию и позиционирование тех или иных элементов культуры, но также развитие и укрепление как общественных, так экономических, политических и международных отношений, выступают бренд-коммуникации. В то же время «бренды становятся важным фактором экономической жизни, обуславливая восприятие товара потребителем и регулируя его поведение на рынке товаров и услуг» [2, с. 7].

Сам бренд сегодня стал своеобразным символом, который идентифицирует свойства товара или компании, являясь отличительным признаком всей продукции. По сути, это идея, которую производитель вкладывает в свой товар.

У каждой страны есть свой бренд. Этот бренд не является однородным или статичным. Он воспринимается индивидами по-разному в зависимости от культуры, религии и т. д. [3, с. 16]. Имидж страны создается годами и веками. Это относится не только к изображению или логотипу, но и к набору ценностей, которые отстаивают многие люди

[4, с. 87]. Имидж страны является мощным и сильным, и многие компании в различных секторах научились использовать его в качестве добавленной стоимости для своих продуктов и услуг [4, с. 100].

Продвижение бренда и использование «мягкой силы» реализуется усилиями итальянского правительства и итальянских предпринимателей, сделавших «Made in Italy» хорошо продаваемым в мире брендом. Основные приоритеты итальянской политики «мягкой силы»: наращивание торгового и экономического сотрудничества с развивающимися странами, интернационализация итальянских предприятий, распространение итальянской культуры и итальянского языка за рубежом.

Однако стоит отметить, что основой международных отношений являются торговля и взаимообмен брендами государств. Не каждая страна может на высоком уровне продемонстрировать особенности тех брендов, которыми она обладает. Распространение торговли брендами в дискурсе международных отношений символизирует не только экономический, но и социокультурный обмен. Реципрокный обмен брендами и создание международного бренда того или иного государства тесно связаны с построением и налаживанием положительного политического климата между странами [5]. Именно бренд выступает элементом, объединяющим различные формы сотрудничества, в том числе в дискурсе политических отношений между государствами [6, с. 4]. Он аккумулирует в себе различные формы отношений и выступает фундаментом для взаимодействия государств [7, с. 5].

Италия – страна, владеющая большим количеством известных брендов, распространенных по всему миру. Есть определенные стереотипы, которые передаются повсеместно [8, с. 6]. Такие отрасли, как дизайн, гастрономия и туризм, наглядным образом воспроизводят ценностные шаблоны, связанные с культурой и традициями, тем самым используя имя Италии в качестве бренда [9, с. 185]. Итальянские бренды, несмотря на различия между странами, имеют определенный спрос на различных рынках [10, 11].

Следует сказать, что появились транснациональные компании, которые быстро определили ликвидность всего, что связано с Италией, тем самым создав образ итальянских брендов. Италия напоминает людям о приятных вещах: искусстве, музыке, хорошей еде, отличном вине, шикарном дизайне и завидном образе жизни. С другой стороны, в мировом сообществе большое внимание уделяется образу и восприятию страны на соответствующем уровне. С этой позиции можно рассматривать эволюцию итальянской культуры и развитие итальянского бренда в мировом сообществе [4, с. 101]. От восприятия итальянской культуры и сохранения исторической памяти произошел переход к пониманию данного феномена как производства культурных событий, связанных с развитием восприятия итальянской культуры через призму многофакторности ее атрибутов.

Согласно позиции известного итальянского профессора С. Фарсальи, образ Италии складывается из таких элементов: культурные ценности, гастрономия и туризм [12]. На современном этапе распространения брендов образ Италии воспроизводится через рекламу, кино, продукцию бренда «Made in Italy», сайты, литературу и путешествия [13, с. 107]. Формирование положительного образа страны на международной арене подчеркивает и бывший президент Италии Дж. Наполитано: «Мы все должны сохранить национальный интерес и положительный имидж страны» [14].

Формирование итальянского образа как субъекта внутренней и внешней политики – собирательный конструкт, в котором процесс происходит одновременно в нескольких дискурсах [15]. Во-первых, внутригосударственный уровень – политическая имиджология, теории связи с общественностью, политическая психология – все то, что изучает образ политического деятеля, политической партии, региона, институтов власти. Во-вторых, внешнеполитический уровень – геополитика (построение политико-географических образов), международные отношения, дипломатия, этнопсихология (гетеростереотипы, мифы).

Бренд «Made in Italy» стал синонимом вневременной элегантности, безупречного стиля и гламура, которые характеризуют итальянскую моду, обещания высокого качества продукции и традиционного мастерства.

Согласно годовому отчету Brand Finance, бренд «Made in Italy» в 2019 г. стоил 2110 млрд дол., что сделало Италию десятой в мире по стоимости самых успешных и прибыльных национальных брендов [16].

Однако Италии не так просто сохранять свою актуальность на международном рынке.

Согласно годовому отчету Area Studi of Mediobanca [16] до 40 % основных итальянских модных брендов находятся в руках иностранцев. Из 163 компаний, годовой доход которых превышает 100 млн дол., 66 принадлежат иностранным компаниям: 26 из них принадлежат французским инвесторам, 6 – британским, 6 – американским и 6 – швейцарским компаниям.

Многие культовые итальянские бренды были поглощены международными инвесторами. Versace был продан Майклу Корсу; Gucci, Bottega Veneta и Pomellato теперь принадлежат французской группе Kering, а Pucci, Fendi и Bvlgari находятся под эгидой другой французской гигантской группы LVMH.

Giorgio Armani, Dolce & Gabbana, OVS, Benetton, Max Mara, Salvatore Ferragamo и Prada по-прежнему являются самыми прибыльными компаниями, которые остаются в собственности Италии.

«Приобретение итальянских брендов крупными иностранными группами приводит к глобализации и массовости продукта, это выбор, который должен сделать бренд», – говорит Марко Кальцинаро [16], генеральный директор Cesare Paciotti, итальянского бренда, производящего роскошную обувь.

Итальянские бренды теперь должны конкурировать с более дешевой рабочей силой за границей и экономией на масштабе, которой пользуются крупные международные конгломераты моды. Это вынудило некоторые итальянские компании диверсифицировать свои цепочки поставок, иногда теряя контроль над ними. Эти методы угрожают подлинности самого бренда «Made in Italy».

Методология и источники. В качестве методологической базы используется междисциплинарный подход к проблеме изучения и анализа брендов в социологии.

Так, опираясь на теоретические концепции по изучению брендов в социологии, в апреле 2020 г. на платформе «Google-форма» авторами было проведено эмпирическое исследование, интернет-опрос с целью выявления отношения российских респондентов к итальянским брендам.

Гипотеза опроса заключалась в том, что хотя принято считать итальянские бренды одними из самых известных, качественных и популярных в мире, однако в российской дей-

ствительности отношение к ним является двойственным. В результате мы видим, что итальянские бренды в ответах респондентов вызывают различные ассоциации, связанные с многообразием их представлений об Италии и ее культурном наследии.

Цель данного исследования ввиду своей зависимости от определенных экономических, политических и прочих составляющих может вступать в противоречие с основными представлениями об итальянских брендах, которые существуют в мире. Исходя из авторского исследования, в работе была протестирована гипотеза, а также были разработаны основные аналитические заключения, связанные с представлением и развитием итальянских брендов в России.

Опрос был построен на принципах социологического исследования [17], результаты опроса не претендуют на отражение мнения генеральной совокупности, а являются пилотажным отражающим исследованием, которое направлено на выявление ключевых исследовательских проблем в представлении итальянских брендов в России.

В интернет-опросе, который провели авторы, выборка была случайной и составила 150 респондентов, из которых 90 – женщины, 60 – мужчины. В возрастном соотношении были представлены 45 % опрошенных в возрасте от 20 до 35 лет, 25 % опрошенных в возрасте от 36 до 40 лет, и оставшиеся 30 % составили группу респондентов в возрасте от 41 года. Средний возраст респондентов равен 26 годам. В таблице представлено распределение респондентов по половозрастному показателю.

Распределение респондентов по половозрастному показателю
Distribution of respondents by age and sex indicator

Показатели	20–35 лет	36–40 лет	41 и старше
Женщины	47	27	28
Мужчины	20	11	17
Итого	67	38	45

Если говорить о роде занятий респондентов, в опросе были представлены такие группы, как студенты – 27 %, работающие по найму – 60 %, а также школьники – 5 % и пенсионеры – 8 %. Большая часть респондентов занята в сфере образования, рекламы, в научно-исследовательской сфере, медицине, а также энергетике.

На основании данного исследования в дальнейшем планируется провести полноценное исследование изучения влияния итальянских брендов в России, опираясь на репрезентативную выборку.

Отметим, что в рамках исследования понимание итальянских брендов рассматривалось через такие переменные: ассоциация, количественное знание респондентом итальянских брендов, отношение к итальянским брендам, согласие или несогласие с представленными утверждениями относительно итальянских брендов, влияние восприятия бренда на желание респондента посетить Италию, а также роль итальянского бренда в формировании этого желания.

Авторами была создана анкета, первая часть которой включала вопросы по заявленной теме исследования, а вторая относилась к так называемой паспортной (данные о поле, возрасте, образовании и т. п.).

Результаты и обсуждение. В результате интернет-опроса, проведенного авторами, было выявлено, насколько хорошо люди осведомлены об итальянских брендах. Содержа-

ние ответов показало большое количество интересных фактов, которые являются ключевыми для понимания сущности итальянских брендов в российской действительности.

Респондентам был задан вопрос: «Какие ассоциации у Вас вызывает Италия?». Согласно ответам респондентов, можно сказать, что в большинстве случаев у российских людей Италия ассоциируется в первую очередь с вкусной итальянской кухней, куда респонденты относят пиццу, спагетти, пасту, а также итальянское вино. Следующей по приоритетности идет ассоциация с морем, летом и теплом. Особенно интересным фактом является то, что в ряду с летними ассоциациями также находится ассоциация с визуальным образом страны: многие респонденты представляют страну в виде сапога. На третьей позиции оказалась ассоциация с модой и городом Римом, с его историческим наследием в виде Колизея. Последняя группа ассоциаций включает мафию, Ватикан и папу Римского. Таким образом, Италия вызывает большой спектр ассоциаций у российских респондентов. Согласно иерархии ответов следует, что выделяется два вида брендов Италии, а именно итальянская кухня и туризм. В свою очередь последний можно подразделить еще на две группы: летний туризм у моря и культурный туризм с целью знакомства с итальянской историей.

Далее у респондентов спрашивали, осведомлены ли они об итальянских брендах (рис. 1).

Рис. 1. Знание итальянских брендов
Fig. 1. Knowledge of Italian brands

Таким образом, мы видим, что большинство респондентов имеет представление об итальянских брендах и в среднем знает порядка 2-3 итальянских брендов.

Следующий вопрос дополнял и уточнял предыдущий: «Какие итальянские бренды Вы знаете?». Опрошенные респонденты больше всего осведомлены об итальянских брендах одежды и марках автомобилей. Так, 80 % опрошенных ответили, что знают такие итальянские бренды, как Gucci, Fendi, Valentino, Versace, Moschino, Giorgio Armani, Prada, Lamborghini, Maserati, Roberto Cavalli, Dolce & Gabbana, Ferrari: данная последовательность перечисления брендов соответствует количественному распределению в ответах респондентов. Остальные 20 % респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

Четвертый вопрос, который был задан респондентам: «Как Вы относитесь к итальянским брендам?». Были представлены следующие варианты ответов на выбор: «Скорее положительно», «Нейтрально», «Скорее отрицательно» (рис. 2).

Рис. 2. Отношение к итальянским брендам
Fig. 2. Attitude towards Italian brands

Как мы видим на представленной диаграмме, большинство респондентов (64,5 %) относится «скорее положительно» к итальянским брендам, 34,2 % – «нейтрально». Стоит обратить внимание на то, что всего 1,3 % респондентов выбрали вариант ответа «Скорее отрицательно», и это говорит о том, что у респондентов есть определенная позиция по отношению к итальянским брендам, и она либо положительная, либо нейтральная. Следовательно, исходя из приведенных данных, можно сказать, что респонденты положительно воспринимают бренды Италии.

В следующем вопросе респондентам был представлен ряд утверждений: «Итальянские бренды производят качественные товары», «Итальянские бренды проверены временем, им можно доверять», «Итальянские бренды реализуют дорогие товары», «Итальянские бренды известны по всему миру», «Мне абсолютно неважно, какой страны бренд, я не слежу за этим», «Я скорее выберу итальянский бренд, нежели бренд другой страны». Так, 65,4 % респондентов выбрали вариант «Итальянские бренды известны по всему миру», 60,3 % – «Итальянские бренды производят качественные товары», 42,3 % – «Итальянские бренды реализуют дорогие товары», 39,7 % – «Итальянские бренды проверены временем, им можно доверять», 35,9 % – «Мне абсолютно неважно, какой страны бренд, я не слежу за этим» и, наконец, 5,1 % выбрали вариант «Я скорее выберу итальянский бренд, нежели бренд другой страны». Из этого следует, что респонденты относятся с доверием к брендам Италии и считают, что товары данных брендов являются качественными.

Также одним из вопросов, предложенных респондентам, был «Влияет ли Ваше мнение об итальянских брендах на Ваше представление о стране?» с вариантами ответов: «Да», «Скорее да», «Затрудняюсь ответить», «Скорее нет», «Нет». Распределение ответов на этот вопрос представлено на рис. 3.

Рис. 3. Взаимосвязь мнений об итальянских брендах и стране
Fig. 3. The relationship of opinions about Italian brands and the country

Как мы видим на представленной диаграмме, 34,2 % респондентов ответили, что «скорее не влияет», 27,8 % – «скорее влияет», 19 % – «влияет», 11,4 % затруднились с ответом, и 7,6 % ответили, что их мнение об итальянских брендах не влияет на представление о стране. Таким образом, исходя из представленных ответов, с уверенностью можно сказать, что мнения респондентов относительно итальянских брендов и Италии различаются и могут как совпадать, так и противоречить друг другу.

Следующий вопрос, заданный респондентам, был связан с корреляцией их желаний, а именно хотели ли бы они посетить Италию после приобретения товаров итальянских брендов? Распределение ответов приведено на рис. 4.

Как видно из ответов респондентов, большинство, а именно 44,3 %, не связывают приобретение итальянских брендов со своим желанием побывать в Италии. Второй значительной группой опрошенных выступают 39,2 % респондентов, которые считают, что итальянские бренды являются фактором, побуждающим посетить страну, выпускающую такие бренды. Всего 16,5 % респондентов затрудняются ответить, влияют ли итальянские

Рис. 4. Взаимосвязь между мнением об итальянских брендах и желанием посетить Италию
Fig. 4. The relationship between the opinion of Italian brands and the desire to visit Italy

бренды на их желание посетить Италию. Таким образом, можно сказать, что, с одной стороны, группа респондентов отождествляет итальянские бренды со страной их производства, т. е., приобретая товары итальянских брендов, эти респонденты хотят посетить Италию с той или иной целью. Другая группа респондентов отрицает желание посетить Италию после приобретения товаров итальянских брендов, и это демонстрирует тот факт, что они в той или иной мере не олицетворяют итальянские бренды с производством в стране Италия, а приобретение итальянских брендов для них – средство удовлетворения своих потребностей, не связанных с туристической или какой-либо иной целью посещения Италии.

Последний вопрос, заданный респондентам, был такой: «Какие итальянские бренды Вы знаете?». Также респондентам был предоставлен список наиболее известных итальянских брендов в такой последовательности: Lamborghini, Giorgio Armani, Martini, Bvlgari, Lavazza, Baldinini, Dolce & Gabbana, Ferrari, Cinzano, Prada, Ducati, Gavello, Maserati. Так, 92,4 % респондентов ответили, что хорошо осведомлены об одной из известных итальянских марок машин – Ferrari; 91,1 % респондентов отметили модный бренд Prada; 88,6 % знакомы с не менее известным брендом автопрома Lamborghini; 87,3 % – с Dolce & Gabbana; 81 % – с Giorgio Armani; 68,4 % выбрали популярный спорткар Maserati; 60,8 % выбрали Martini; 46,8 % – Bvlgari; 39,2 % – Ducati; 34,2 % выбрали Baldinini и Cinzano; 31,6 % – Lavazza и, наконец, 10,1 % выбрали Gavello. Из приведенных данных следует, что респонденты лучше осведомлены об итальянских марках машин, а также о брендах итальянской моды, нежели об итальянской обуви и напитках.

Заключение. Исходя из всего сказанного, можно сделать следующий вывод: Италия успешно продолжает наращивать свою «мягкую силу» и активно осуществляет культурную дипломатию, которая является эффективным механизмом развития сотрудничества с разными странами в области культуры, повышения влияния государства, продвижения его внешних позиций на международной арене. Помимо этого, к главным целям культурной дипломатии Италии также относятся распространение культуры страны, популяризация итальянского языка, образа и стиля жизни итальянцев, укрепление позитивного восприятия государства другими акторами международных отношений. Одним из основных инструментов «мягкой силы» и международного сотрудничества Италии является продвижение итальянских брендов в мире. Исходя из ответов респондентов, восприятие итальянской культуры посредством потребления итальянской продукции складывается по-разному. Для одних оно тесно связано со страной, которая производит данные бренды, а для других само понимание бренда обособлено от восприятия Италии. Ключевым фактором сходств и различий российских респондентов является расхождение во мнении о том, что итальянский бренд должен быть связан с соответствующим качеством. Не все респонденты разделяют это мнение, вследствие чего происходит образование оторванности понимания итальянского бренда от культурного фундамента, из которого он произошел.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления / пер. с фр. Е. А. Самарской. М.: АСТ, 2020.
2. Антонова Н. В., Патоша О. И. Восприятие брендов и стратегии потребительского поведения. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. DOI: 10.17323/978-5-7598-1588-4.
3. Важенина И. С., Важенин С. Г. Имидж, репутация и бренд территории // ЭКО. 2008. № 8 (410). С. 3–16.

4. Шульц Д., Барнс Б. Стратегические бренд-коммуникационные кампании. М.: Гребенников, 2003.
5. Табаринцева-Романова К. М. Итальянская Республика: преемственность или разрыв в формировании политического образа страны // Италия: от Второй Республики к Третьей?: сб. ст. / под ред. Е. А. Масловой. М.: Институт Европы РАН, 2015.
6. Гонашвили А. С. Предисловие // Продвижение итальянских брендов в мире: инновационные приемы / под ред. Р. Д. Акининой, А. С. Гонашвили. Бо-Бассен – Роз-Хилл: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2020. С. 4.
7. Продвижение итальянских брендов в мире: инновационные примеры / под ред. Р. Д. Акининой, А. С. Гонашвили. Бо-Бассен – Роз-Хилл: LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, 2020.
8. Seringhaus F. H. R. Comparison of website eu sage of French and Italian luxury brands // Journal of Euromarketing. 2005. Vol. 14, no 4. P. 5–34. DOI: https://doi.org/10.1300/J037v14n04_02.
9. Ambler T., Barrow S. The employer brand // Journal of brand management. 1996. Vol. 4, no 3. P. 185–206. DOI: 10.1057/bm.1996.42.
10. Скотт М., Данн М. Бренд-билдинг. Создание бизнеса, раскрывающего бренд. СПб.: Питер, 2005.
11. Зотов В. В. Ценности бренда. М.: Маркет ДС, 2005.
12. Gli Istituti Italiani di Cultura per la promozione del Brand Italia. URL: <https://docplayer.it/16501228-Gli-istituti-italiani-di-cultura-per-la-promozione-del-brand-italia-un-nuovo-modello-di-relazioni-per-promuovere-il-sistema-paese.html> (дата обращения: 21.07.2020).
13. Fournier S. Consumers and their brands: Developing relationship theory in consumer research // Journal of consumer research. 1998. Vol. 24, no 4. P. 343–373. DOI: <https://doi.org/10.1086/209515>.
14. Difendere Interesse Generale e immagine del Paese: Napolitano predica calma e prende tempo // Squer.it. URL: <http://www.squer.it/of/difendere-interesse-generale-e-immagine-del-paese-napolitano-predica-calma-e-prende-tempo> (дата обращения: 21.07.2020).
15. Anholt S. Branding Places and Nations // Brands and Branding / ed. by R. Clifton, J. Simons, S. Ahmad. Princeton, NJ: Bloomberg Press, 2003. P. 213–226.
16. Carbonaro G. “Made in Italy”: What does the label mean for Italian fashion? // CGTN. 2020. URL: <https://newseu.cgtn.com/news/2020-02-28/-Made-in-Italy-What-does-the-label-mean-for-Italian-fashion--Opс9giYEla/index.html> (дата обращения: 02.03.2021).
17. Ядов В. А., Иванов В. Н. Социологическое исследование: методология, программа, методы. М.: Наука, 1972.

Информация об авторах.

Акинина Раиса Дмитриевна – магистр международных отношений (2020), Санкт-Петербургский государственный университет, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия. Автор 6 научных публикаций и 1 монографии. Сфера научных интересов: международные отношения, межкультурная коммуникация, экономическая социология. E-mail: tkhyvdfrv@mail.ru

Гонашвили Александр Сергеевич – магистр социологии (2019), аспирант, стажер-исследователь факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., д. 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия; помощник проректора по научной работе Университета при МПА ЕврАзЭС, ул. Смольякова, д. 14/1, Санкт-Петербург, 194044, Россия. Автор более 90 научных публикаций, в том числе 2 монографий. Сфера научных интересов: социология спорта, экономическая социология, социология неравенства, межкультурные коммуникации. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4205-7035>. E-mail: gon.01.07.94@yandex.ru

Кирсанова Наталия Павловна – кандидат социологических наук (2006), декан факультета бизнес-коммуникаций Университета при МПА ЕврАзЭС, ул. Смолячкова, д. 14/1, Санкт-Петербург, 194044, Россия. Автор более 20 научных публикаций, в том числе 2 монографий. Сфера научных интересов: межкультурная коммуникация, социология образования, цифровизация образования. E-mail: kirsanovan@mail.ru

REFERENCES

1. Baudrillard, J. (2020), *Obshchestvo potrebleniya* [Consumer Society], Transl. by Samarskaya, E.A., AST, Moscow, RUS.
2. Antonova, N.V. and Patosha, O.I. (2017), *Vospriyatie brendov i strategii potrebitel'skogo povedeniya* [Brand perception and consumer behavior strategies], Ed. House of the Higher School of Economics, Moscow, RUS. DOI: 10.17323/978-5-7598-1588-4.
3. Vazhenina, I.S. and Vazhenin, S.G. (2008), "Image, reputation and brand of the territory", *ECO*, no. 8 (410), pp. 3–16.
4. Schultz, D. and Barnes, B. (2003), *Strategicheskie brend-kommunikatsionnye kampanii* [Strategic brand communication campaigns], Grebennikov, Moscow, RUS.
5. Tabarintseva-Romanova, K.M. (2015), "The Italian Republic: continuity or gap in the formation of the country's political image", *Italiya: ot Vtoroi Respubliki k Tre'tei?* [Italy: from the Second Republic to the Third], in Maslova, E.A. (ed.), Institut Evropy RAN, Moscow, RUS.
6. Gonashvili, A.S. (2020), "Foreword", *Prodvizhenie ital'yanskikh brendov v mire: innovatsionnye priemy* [Promotion of Italian brands in the world: innovative techniques], in Akinina, R.D. and Gonashvili, A.S. (eds.), LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, Bo-Bassen – Rose Hill, Mauritius, p. 4.
7. *Promotion of Italian brands in the world: innovative Examples* (2020), in Akinina, R.D. and Gonashvili, A.S. (eds.), LAP Lambert Academic Publishing GmbH & Co. KG, Bo-Bassen – Rose Hill, Mauritius.
8. Seringhaus, F.H.R. (2005), "Comparison of website eu sage of French and Italian luxury brands", *Journal of Euromarketing*, vol. 14, no. 4, pp. 5–34. DOI: https://doi.org/10.1300/J037v14n04_02.
9. Ambler, T. and Barrow, S. (1996), "The employer brand", *Journal of brand management*, vol. 4, no. 3, pp. 185–206. DOI: 10.1057/bm.1996.42.
10. Scott, M. and Dann, M. (2005), *Building the Brand Driven Business: Operationalize Your Brand to Drive Profitable Growth*, Piter, SPb., RUS.
11. Zotov, V.V. (2005), *Tsennosti brenda* [Brand values], Market DS, Moscow, RUS.
12. *Gli Istituti Italiani di Cultura per la promozione del Brand Italia*, available at: <https://docplayer.it/16501228-Gli-istituti-italiani-di-cultura-per-la-promozione-del-brand-italia-un-nuovo-modello-di-relazioni-per-promuovere-il-sistema-paese.html> (accessed 21.07.2020).
13. Fournier, S. (1998), "Consumers and their brands: Developing relationship theory in consumer research", *Journal of consumer research*, vol. 24, no. 4, pp. 343–373. DOI: <https://doi.org/10.1086/209515>.
14. "Difendere Interesse Generale e immagine del Paese": Napolitano predica calma e prende tempo", *Squer.it*, available at: <http://www.squer.it/of/difendere-interesse-generale-e-immagine-del-paese-napolitano-predica-calma-e-prende-tempo> (accessed 21.07.2020).
15. Anholt, S. (2003), "Branding Places and Nations", *Brands and Branding*, in Clifton, R., Simmons, J. and Ahmad, S. (eds.), Bloomberg Press, Princeton, NJ, USA, pp. 213–226.
16. Carbonaro, G. (2020), "Made in Italy": What does the label mean for Italian fashion?", *CGTN*, available at: <https://newseu.cgtn.com/news/2020-02-28/-Made-in-Italy-What-does-the-label-mean-for-Italian-fashion--Opc9giYEla/index.html> (accessed 02.03.2021).
17. Yadov, V.A. and Ivanov, V.N. (1972), *Sotsiologicheskoe issledovanie: metodologiya, programma, metody* [Sociological research: methodology, program, methods], Nauka, Moscow, USSR.

Information about the authors.

Raisa D. Akinina – Master of International Relations (2020), Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia. The author of 6 scientific publications, including 1 monograph. Area of expertise: international relations, intercultural communication, economic sociology. E-mail: tkhyvdfv@mail.ru

Alexander S. Gonashvili – Master of Sociology (2019), Postgraduate, Intern Researcher at the Faculty of Sociology, Saint Petersburg State University, 7/9 University emb., St Petersburg 199034, Russia; Assistant to the Vice-rector for scientific work, University associated with IA EAEC, 14/1 Smolyachkova str., St Petersburg 194044, Russia. The author of more than 90 scientific publications, including 2 monographs. Area of expertise: sociology of sports, economic sociology, sociology of inequality, intercultural communication. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4205-7035>. E-mail: gon.01.07.94@yandex.ru

Natalia P. Kirsanova – Can. Sci. (Sociology) (2006), Dean of the Faculty of Business Communication, University associated with IA EAEC, 14/1 Smolyachkova str., St Petersburg 194044, Russia. The author of more than 20 scientific publications, including 2 monographs. Area of expertise: intercultural communication, sociology of education, digitalization of education. E-mail: kirsanovan@mail.ru

Традиционный человек в «цифровой клетке». Идейные истоки альтернативных сценариев (20–30-е гг. XX в.)

А. В. Щербина✉

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

✉ ashcherbina@list.ru

Введение. Обсуждается идеология и методология решения задачи, практически поставленной в современной России: сохранить традиционные ценности в высокотехнологичном современном обществе. Обосновывается правомерность сравнения текущей глобальной ситуации с ситуацией между двумя мировыми войнами в XX в. и обращения к эвристическому потенциалу высказанных в то время идей о сущности техники.

Методология и источники. Предпринята попытка перейти от категориального к понятийному анализу сопряжения традиционного человека и императива технологического развития. Традиционный человек описывается в постмодернистской парадигме, конфигурирующей несколько аналитических перспектив: схему интерпретации «традиция и современность», индивидуализирующий метод, цивилизационный подход, постисторическую перспективу, православную антропологию, концепцию органопроекции, трансгуманизм и постгуманизм. В качестве источников для анализа привлекаются работы 20-х – начала 30-х гг. XX в. «Человек и техника» О. Шпенглера, «Человек и машина» Н. Бердяева, «Органопроекция» П. Флоренского.

Результаты и обсуждение. Рассматриваются образцы интерпретации традиционного человека, которые позволяют переосмыслить линейную схему «от традиции к современности». 1. Традиционный человек принадлежит самобытной культуре. Научно-технический прогресс – порождение западноевропейского культурного типа. Порабощенность техникой – не причина, а симптом его разложения из-за отсутствия перспективы и цели. 2. Традиционный человек – это человек изменяющийся, продолжающий миротворение и сохраняющий связь с вечностью. Из размышлений Бердяева вытекает методологическая установка: относиться к человеку одновременно как к Богу и как к природе. Она имеет эвристическое значение для анализа современных технологий. 3. Традиционный человек – это античный, классический человек, который еще только должен быть восстановлен в своей целостности в синергии с техникой не в штучных или элитарных, а в массовых воплощениях. Идеи сопряжения традиционного человека и технологического роста – культурная самобытность, связь с вечностью, синергия человека и техники в органопроекции – рассматриваются в качестве ориентиров для возможных сценариев развития современных технологий в интересах человека, альтернативных как по отношению к притязаниям современных ТНК, замыкающих человека в «цифровую клетку», так и по отношению к транс- и постгуманистическим проектам усовершенствования или преодоления человека, основанным на светской эсхатологии. Дан критический анализ проактивного экспериментального и биоконсервативного подходов к развитию новых технологий.

© Щербина А. В., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Заключение. Фиксируется смещение внимания исследователей и практиков – в образовании, воспитании, управлении – от традиционных методов социального воспроизводства и личностного развития к техническим усовершенствованиям человека. Что вновь делает актуальным вопрос о нормативности человеческой природы.

Ключевые слова: традиционный человек, техника, человеческая природа, культурный тип, органопроекция, трансгуманизм, постгуманизм, идеология, автономия личности, искусственный интеллект.

Для цитирования: Щербина А. В. Традиционный человек в «цифровой клетке». Идеиные истоки альтернативных сценариев (20–30-е гг. XX в.) // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 3. С. 65–79. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-65-79

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 02.04.2021; принята после рецензирования 22.04.2021; опубликована онлайн 24.06.2021

Traditional Man in the “Digital Cell”. Ideal Sources of Alternative Scenarios (20–30s of the XXth century)

Alexandra V. Shcherbina✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉ashcherbina@list.ru

Introduction. The ideology and methodology of solving the problem practically posed in modern Russia is discussed: to preserve traditional values in a high-tech modern society. The author substantiates the legitimacy of comparing the current global situation with the situation between the two world wars in the twentieth century and referring to the heuristic potential of the ideas about the essence of technology expressed at that time.

Methodology and sources. An attempt has been made to move from a categorical to a conceptual analysis of the interface between the traditional person and the imperative of technological development. A traditional person is described in a postmodern paradigm that configures several analytical perspectives: the “tradition and modernity” interpretation scheme, an individualizing method, a civilizational approach, a historical perspective, Orthodox anthropology, the concept of organ projection, transhumanism and posthumanism. The works of the 20s – early 30s of the XX century are used as sources for the analysis. “Man and Technology” by O. Spengler, “Man and Machine” by N. Berdyaev, “Organoprojection” by P. Florensky.

Results and discussion. Examples of interpretation of a traditional person are considered, which allow rethinking the linear scheme “from tradition to modernity”. 1. A traditional person belongs to a distinctive culture. Scientific and technological progress is a product of the Western European cultural type. The enslavement to technology is not a cause, but a symptom of its decay due to a lack of perspective and purpose. 2. A traditional person is a person who is changing, continuing the creation of the world and maintaining a connection with eternity. From the reflections of Berdyaev follows the methodological setting: to treat man at the same time as God and as nature. It has a heuristic significance for the analysis of modern technologies. 3. A traditional person is an ancient, classical person who has yet to be restored in its integrity in synergy with technology, not in piece or elite, but in mass incarnations. The ideas of pairing traditional man and technological growth – cultural identity, connection with eternity, synergy of man and technology in organ projection are considered as guidelines for possible scenarios for the development of modern technologies in the interests of man, alternative to trans- and

posthuman projects of improvement or pre- overpowering man based on secular eschatology. A critical analysis of proactive experimental and bioconservative approaches to the development of new technologies is given.

Conclusion. A shift in the attention of researchers and practitioners – in education, upbringing, management from traditional methods of social reproduction and personal development to technical improvements of a person – is fixed. Which again makes the question of the normativity of human nature urgent.

Key words: traditional man, technology, human nature, cultural type, organ projection, transhumanism, posthumanism, ideology, personality autonomy, artificial intelligence.

For citation: Shcherbina A. V. Traditional Man in the "Digital Cell". Ideal Sources of Alternative Scenarios (20–30s of the XXth century). DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 3, pp. 65–79. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-65-79 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 02.04.2021; adopted after review 22.04.2021; published online 24.06.2021

Введение. Примерно сто лет назад Россия опередила все человечество, поставив задачу создать нового человека, новую нравственность, новые ценности и нормы для планетарного устремленного в космос человечества. Тогда революционный пафос сливался с технооптимизмом. Русский марксизм имел явно выраженный научно-технический характер. На службу «ассоциации трудящихся» должны быть поставлены сокровища науки и возможности новых технологий (сто лет назад это была электротехника). И вместе с тем только советская власть как субъект революционных преобразований, вооруженный передовой теорией, могла обеспечить технологическое обновление народного хозяйства в масштабе всей страны (ГОЭЛРО). В Советской России технике придавался идеологический и нравственный смысл. Модель, гипотеза, эксперимент, масштабирование – по такой методологии планировались изменения и в инструментальном, и в социальном теле человека. Техника концентрированно выражала идеологию марксизма: создание нового человека и нового общества, символом которого стали машина и научная организация труда.

Современная Россия выступает на международной арене защитницей традиционных ценностей: национально-государственного суверенитета, культурного многообразия, вообще – традиционного человека с полом, семьей, этничностью... Образовательный и научно-технический потенциал, накопленный в советскую эпоху и еще не реализованный в современной России в полной мере, позволяет нам сегодня ставить и решать задачи технологического обновления в приоритетных для национального суверенитета сферах: обороны, инфраструктуры, развития собственных НИОКР, и в перспективе – стать высокотехнологичной державой. Отметим, что судьба традиционного человека в таком обществе нуждается в прояснении. Здесь и далее под «традиционным человеком» понимается и личность, и сообщество, разделяющие традиционные ценности. Заострим вопрос: какая идеология и методология может обеспечить решение задачи, практически поставленной в современной России: сохранить для будущих поколений традиционного человека, создавая и используя для этого новые производственные и управленческие информационно-коммуникативные технологии, технологии искусственного интеллекта, биотехнологии?

Процессы цифровизации отсылают к индустриализации столетней давности. Нарастающие противоречия в международных отношениях, ослабление международных право-

вых институтов, возрастание угрозы одностороннего применения силы, усиление конкуренции за ресурсы и сферы влияния – все эти тревожные для глобального сообщества явления заставляют прибегать к аналогиям, возвращаться к постановке проблем, анализу принятых исторических решений, их результатов и последствий. Президент РФ В. В. Путин в своем выступлении на Давосском форуме (2021 г.) отметил, что есть серьезные основания сравнивать текущую глобальную ситуацию с той, что сложилась в мире между двумя мировыми войнами в XX в. Стремительный рост социального неравенства, стагнация в экономике углубляют глобальный кризис. «Есть вероятность столкнуться с настоящим срывом в мировом развитии, чреватой борьбой всех против всех, с попытками решить назревшие противоречия через поиск “внутренних” и “внешних” врагов, с разрушением не только таких традиционных ценностей (мы в России дорожим этим), как семья, но и базовых свобод, включая право выбора и неприкосновенность частной жизни» [1]. Президент также отметил, что определенные надежды на то, что удастся преодолеть кризисные явления, связываются с бурным технологическим развитием, прежде всего – с технологиями так называемой четвертой промышленной революции.

Примерно сто лет назад вопрос о судьбе традиционного человека в век научно-технического прогресса (НТП) был поставлен во всей остроте. Н. Бердяев, размышляющий о социологической и метафизической сущности техники, пишет: «Два отношения существуют у христиан к технике, и оба недостаточны. Большинство считает технику религиозно нейтральной и безразличной. Техника есть дело инженеров. Она дает усовершенствования жизни, которыми пользуются и христиане. Техника умножает блага жизни. Но эта специальная область, не затрагивающая никак сознания и совести христианина, не ставит никакой духовной проблемы. Христианское же меньшинство переживает технику апокалиптически, испытывает ужас перед ее возрастающей мощью над человеческой жизнью, готово видеть в ней торжество духа антихриста, зверя, выходящего из бездны. Злоупотребление апокалипсисом особенно свойственно русским православным. Все, что не нравится, все, что разрушает привычное, легко объявляется торжеством антихриста и приближением конца мира. Это есть ленивое решение вопроса. В основании его лежит аффект страха. Впрочем, первое решение в смысле нейтральности тоже ленивое, оно просто не видит проблемы» [2]. Сегодня, как и сто лет назад, мы ждем от техники чудес. Существенное различие состоит в том, что теперь, кажется, только от нее и ждем. Большие идеологии утратили свой мобилизационный потенциал, социальный инжиниринг подчеркнуто деидеологизирован, а революционный дух «дышит» только в сфере технологий.

Методология и источники. Как же сопрягаются традиционные ценности с императивами технологического развития, как сохранить традиционного человека в режиме беспрецедентного сжатия пространства и времени, когда скорость изменений, помноженная на концентрацию ресурсов, такова, что все традиционные жизненные уклады, связанные с естественными, эволюционными процессами, испытывают давление? Рассуждения в ставшей хрестоматийной для социогуманитарных наук схеме интерпретации «традиция и современность» в ее эволюционно-историческом измерении с момента возникновения классической социологии рассматривали развитие технологий («производительных сил человека», «современного промышленного производства») в качестве значимого фактора социальных изменений. Но ни О. Конт, ни К. Маркс, не говоря об Э. Дюркгейме и М. Ве-

бере, не были носителями технократической веры. Согласно Веберу, развитие технологий – часть всемирно-исторического процесса рационализации, в котором возникновение экспериментального естествознания и современной промышленности – симптом наступившего господства формальной рациональности. То, что осталось в современном человеке от традиции (этика братской любви), противится этому господству и порождает «борьбу богов» в душе современного человека, который не может окончательно отказаться от наследства.

Радикальный разрыв с традицией – семьей, частной собственностью и государством, – провозглашенный марксистами (сегодня это требование вновь озвучивается в проекте так называемого «инклюзивного капитализма»), был непременным условием появления нового коммунистического человека. А традиционный человек (местноограниченный, «сращенный с условиями воспроизводства своей жизни», вспомним в этом контексте характерное выражение Ф. Энгельса: «идиотизм деревенской жизни») – отброшенная историческая форма. Решающую роль в этом историческом процессе играет научно-технический прогресс. Маркс, действительно, одним из первых разглядел «превращение науки в непосредственную производительную силу». Отметим, что при определенной смене аспекта этот тезис звучит весьма угрожающе. Впрочем, по мере движения к коммунизму и преодоления отчуждения ассоциация трудящихся, присваивающая производительные силы предысторического человечества и сознательно развивающая их, создает решающее условие свободного труда – «игры сущностных сил» человека, который в некотором смысле восстанавливает в себе «родовую сущность», «возвращается к себе как к человеку» и подозрительно начинает напоминать нормативные образцы традиционного человека.

В вышеприведенной схеме традиционный человек – тот, что преодолевается новым человеком, современным. Тот, что модернизируется, причем неравномерно. Традиционные общества в разное время подходили к исходу в современность и с разной степенью решимости рвали с традицией. Опыт России в этом отношении уникален! Традиционный человек многообразен не только в смысле культурного плюрализма, но и по типу разрыва современности с традицией (эволюционного, реформистского, революционного). Любой разрыв формирует «негативную традицию» и в той или иной форме приводит к необходимости реставрации, возвращения и, соответственно, определения того, к чему возвращаться. Традиционный человек в этом смысле – своего рода конструкт, всякий раз переопределяемый современностью. Наша современность, «современная мир-система» в терминологии И. Уоллерстайна, уникальна тем, что в ней утвердилась следующая идея: «Социальное изменение, а не статистическое равновесие является нормальным как в нормативном, так и в статистическом смысле слова» [3]. Соответственно и традиция как способ сохранения себя в истории переосмыслена и переоценена [4]. Традиционный человек заново переосмыслен как исторический человек в точке исхода в постисторию [5]. Поэтому современный традиционный человек может быть описан только в постмодернистской парадигме, конфигурирующей несколько аналитических перспектив.

Обратимся к постановке вопроса о технике и человеке, ясно обозначившейся как минимум сто лет назад, в эпоху индустриальной революции, когда социальные науки были на подъеме, а социальные мыслители (уже не философы в классическом смысле, еще не социологи – в узкопрофессиональном) обращались к широкой публике и были интересны

последней. Тогда еще не оформился столь популярный ныне дискурс «социальных последствий» новых технологий, и социальная мысль скорее была направлена на анализ источников их создания, на процессы, в которых и благодаря которым они возникают и развиваются, и на альтернативные для человека и для техники возможности, которые в них имплицитно присутствуют.

Сто лет назад размышления о природе человека и технике уверенно сопрягались. Причем техно- и социо- оптимизм и пессимизм конфигурировались по-разному. Обратимся к характерным для той эпохи образцам – размышлениям О. Шпенглера в работе «Человек и техника» и Н. Бердяева в работе «Человек и машина», опубликованным почти одновременно в начале 30-х гг. XX в.

Результаты и обсуждение. В своей знаменитой работе «Человек и техника» Шпенглер обсуждает метафизический и моральный статус техники, универсальность ее воздействия на природу и общество. Впрочем, как увлекающийся автор, он подчас прибегает к откровенной риторике. Отдельные высказывания звучат очень современно и устаревшей в них выглядит разве что их неполиткорректность. Шпенглер предостерегает западноевропейского человека: передача технологий «цветным» (а в их число входят и русские) несет угрозу западному культурному миру, лишает его преимуществ. «Сама работа белых становится избыточной <...> Центр производства неуклонно смещается, а после мировой войны цветные утратили и всякое почтение к белым» [6, с. 491]. Для них техника – «лишь оружие борьбы с фаустовской цивилизацией» [Там же, с. 492], а не внутренняя потребность автономной личности.

Автономная личность – одушевляющий принцип западной культуры – являет себя в индивидуальном деянии, которое выходит за пределы принуждения вида. Для автономной личности «техника» – не столько инструмент, сколько «тактика жизни». Допрашивая и пытая природу, устанавливая причину и следствие, производя и используя, т. е. изобретая метод, человек вырывает привилегию у природы, включая ее как фон, объект и средство в свою деятельность. Что им движет? «Все великие открытия и изобретения исходят из радости победы сильного человека. Они – выражение личности, а не думающей о пользе массы, которая только наблюдает, но которая должна принимать последствия, какими бы они не были» [Там же, с. 485]. «Самому построить мир, самому быть Богом – вот фаустовская мечта, из которой проистекли все проекты машин» [Там же, с. 484], которая вдохновляет на поиск и приспособливание сил природы к работе вместо животных и людей. Не менее значимый мотив развития техники – усложнение задачи управления людьми. Прирожденных руководителей всегда мало. Подчеркнем, это не критически разделяемое убеждение Шпенглера не имело ничего общего с расово-этническим или расово-антропологическим подходами к человеческой истории. В творчестве О. Шпенглера, а затем – А. Тойнби в определенном смысле и осуществлен концептуальный разрыв с этническим редукционизмом – поиском природных качеств отдельных этнических групп, которым придается нормативное значение, и переход к анализу культурных характеристик исторически-индивидуальных общностей – к цивилизационному подходу, сохраняющему актуальность и в настоящее время. По мере облегчения жизни посредством технологий (удобства и праздность) «народы и племена приумножаются вниз, растет число не “голов”, но рук» [Там же, с. 479]. Задачи управления усложняются, управляемых много, их количество

растет, а выбор стратегий управления у западного человека по-прежнему невелик: взаимное уничтожение, иерархическое разделение с закреплением ресурсов, наконец, переход от органического к организованному существованию. В тотальной организации всё – управляемые и управление – осуществляется формально рационально. Машинная техника одна и в производстве, и в войне, и в управлении (она имеет, как бы мы сегодня сказали, «тройное назначение»). Готовый образ роя, управляемого алгоритмами искусственного интеллекта. Неумолимая логика машинной техники ведет человека к духовной деградации. Почему? Такова сила возможного: технический мир желает осуществления, роскошь, избыточность машины – следствие принудительности мышления. Искусственный мир пронизывает и отравляет мир естественный. Сама цивилизация стала машиной. Машина – символ вечного двигателя. Это душевная, духовная, а не жизненная необходимость. А стала – жизненной. Человек врос в природу техникой и техника так вросла в человека, что не вырваться: человек оказался в клетке, а сегодня он обнаружил себя еще и в цифровой клетке.

Шпенглер подчеркивает, что широко распространяющаяся вера в технику – технократическая вера – сама есть симптом упадка «фаустовского духа», утраты им цели и перспективы, одушевляющего его принципа, согласно которому «малый мир» творит себя сам и движим своей собственной, только ему послушной силой. Признание зависимости человека от техники означает, что «творение восстает против своего творца, более не повинуется ему». Шпенглер отмечает и другие важные проявления завершения машинной цивилизации. С одной стороны, машина входит в противоречие со сложившейся хозяйственной практикой. Исчезает цель машин (эффективность, удобство, управляемость, возможность эксплуатации) за их числом и утонченностью. С другой стороны, истощается деятельная мысль, о чем свидетельствует пресыщение техникой, бегство «прирожденных вождей» от машины. Прогноз Шпенглера: машинная техника кончится вместе с фаустовским человеком. Однажды она будет разрушена и позабыта.

Что могло бы отсрочить гибель европейского человека, одержимого автономией личности («сознательным индивидуальным деянием»)? Может он вырваться из созданной им клетки – дома, а теперь – земного шара? Своеобразный ответ на этот вопрос дает Н. Бердяев, русский философ, чуждый провинциальных западных предрассудков. Он начинает с того, на чем закончил Шпенглер: созданная человеком машинная техника порабощает его. Господство техники и машины, ее повсеместность и принудительность заставляют человека буквально ощущать себя в новой действительности, в новой метафизической позиции. Бердяев обнаруживает смысл наступившей технической эпохи прежде всего в том, что в ней завершается «теллурический период в истории человечества, когда человек определялся землей не в физическом только, но и в метафизическом смысле слова» [2]. Овладевая огромными пространствами и огромными массами, делая все мировым, распространяясь на все человечество, техника дает человеку чувство планетарности Земли. В техническую эпоху все становится коллективным. Социологический смысл техники – в демократизации и социализации. В метафизическом смысле техника – не нейтральна, но она не является и абсолютным злом. Она в некотором смысле «зло», как всё, что создается человеком, обремененным первородным грехом, или, в другой парадигме, – существом несовершенным и иррациональным, но она – не «манихейское», не субстанциальное зло. Таковы отправные точки анализа мучительной, как ее называет Бердяев, для современного человека проблемы сопряжения техники и жизни.

Шпенглер со страстью говорит о закате Европы, Бердяева тревожит судьба человечества. Он, в отличие от Шпенглера, вовлеченного в трагические переживания фаустовского человека, мыслит масштабнее. Выход в космос – дело всего человечества. И вместе с тем – приземленнее. «Человек не может остаться прикованным к земле и во всем от нее зависящим, но он не может и окончательно от нее оторваться и уйти в пространства» [2]. Какая-то связь с землей останется, останется и сельское хозяйство, без которого человек не может существовать. «Прорваться в рай, в райский сад не дано человеку до конца и преобразования мира, всего космоса, но всегда останется воспоминание о рае и тоска по раю, всегда останется намек на рай в жизни природной, в садах и цветах, в искусстве» [Там же]. Отношение человека к природе включает и внутреннюю связь с ней. Скорость изменений, «технический актуализм» уродует не только природу, но и человека. Изменение отношения к времени разрушает вечность и делает для человека все более и более трудным отношение к вечности. У человека для вечности не остается времени. Полное изгнание вечности возможно и в карикатурном виде рукотворного «неограниченного продления жизни». Тем самым Бердяев обозначает главные проблемы, которые предстоит решать человеку в наступающей новой действительности: справиться с все возрастающей скоростью изменений и с только начинающейся, но уже неизбежной экспансией в органический мир, а значит, – в его собственную природу.

Н. Бердяев оказался прозорливее О. Шпенглера, отметив, что современная техника «порабощает по-новому». Она разлагает органическую форму самого человека, подвергая его процессу расчленения, разделения, в силу которого он уже перестает ощущать себя тем природным существом, каким он был ранее. В человеке теперь все должно быть измерено и взвешено заново. Все прежние естественные членения (пол, раса, этничность, возраст жизни) человека как органического существа должны исчезнуть в качестве значимых. Организм человека оказывается беззащитным перед собственными изобретениями человека. Открытия, связанные с органической жизнью, гораздо более трудны, чем открытия, связанные с миром неорганическим. Здесь мы вступаем в «мир чудес». И последствия пыток человеческой природы непредсказуемы. Машина и техника угрожают душевной, эмоциональной жизни человека, человеческим чувствам. Скорее не дух, как указывает Бердяев, а душевно-эмоциональная стихия угасает в современной цивилизации. Все разлагается на интеллектуальные элементы и чувственные ощущения. Религиозный смысл современной техники Бердяев усматривает в том, что она все ставит под знак духовного вопроса и требует от человека напряжения духовности. Как человек отреагирует на это требование? Вопрос открытый: быть или не быть человеку, не старому человеку, который должен преодолеваться, а просто человеку. Бердяев рисует «кошмар» – постчеловеческое будущее, в котором совершенные машины будут достигать максимальных результатов. Все будет совершенным, возможно, появится поистине новое существо, но уже не человеческое. Человека в традиционном смысле больше не будет.

Единственная спасительная альтернатива постчеловеческому будущему согласно Бердяеву – богочеловеческая перспектива. В ее свете Бердяев положительно оценивает и смену типа религиозности, произошедшую в современном, постсекулярном мире. Религия теперь – частное дело в том смысле, что она становится более индивидуальной и духовной, менее зависимой от внешних социальных условий, ее главный индикатор – напряженность

духовной жизни. Н. Бердяев подчеркивает, что ни патриотическая, ни гуманистическая («человекобожеская») антропологии неудовлетворительны. Человек и машина, человек и организм, человек и космос – это проблемы христианской антропологии. Только она дает надежду: в преображающей богочеловеческой перспективе возможно мыслить еще большее овладение человеком силами природы, реальное освобождение труда и трудящегося, подчинение техники духу. Но это предполагает духовное движение в мире, которое есть «дело свободы» [2].

О. Шпенглер высказывает предположение, что западноевропейская культура – не последняя. «Возможно, в следующем тысячелетии, где-нибудь между Вислой и Амуром, запоздало явится ее бледный наследник, но здесь борьба между природой и человеком, составившим против нее своим историческим существованием, будет вестись практически до самого конца» [6, с. 481]. У обоих авторов речь идет только об отодвигании конца. Согласно Бердяеву, то, как долго это продлится, зависит от духовного напряжения, от успеха в «деле свободы». Согласно Шпенглеру – от наличия перспективы, цели для борьбы. Шпенглер фиксирует надлом и закат западноевропейской культуры, Бердяев ведет речь о судьбе исторического человека. Он звучит острее, современнее, когда обрисовывает перспективу постчеловеческого существования, т. е. такой радикальной трансформации человеческой природы, которая грозит не только утратой подобия, но и образа, окончательной объективацией духа. Появление нового существа, уже не человеческого – вот что видится эсхатологично мыслящему Бердяеву. Сегодня эти «кошмарные» образы обрели черты теоретических концептов. С. Хокинг, И. Маск, Р. Курцвейл обсуждают «сингулярность» – момент, когда автономная техника достигнет такой степени интегрированности и сложности, что она не просто выйдет из-под контроля человека, но поставит его под контроль и, возможно, уничтожит его. Авторитетный представитель трансгуманизма Н. Бостром приводит аргументы в защиту достоинства постчеловеческих существ [7], а Л. Флориди, один из создателей информационной этики, обсуждает права «инфоргов» – как людей, так и иных «информационных агентов» [8].

Подведем итог нашему анализу. Оба автора рассматривают технику в качестве «дела свободы», совершаемого человеком в его истории. Акцентируем эту мысль: исторический, традиционный человек создал технику, которая ему теперь угрожает, – в этом авторы сходятся. Образцы традиционного человека, которые мы обнаружили у Шпенглера и Бердяева, существенно отличаются от того, который предписан линейной схемой интерпретации «от традиции к современности».

1. Традиционный человек – творец самобытной оригинальной культуры, ее хранитель и пленник. В одном исторически индивидуальном случае западноевропейский человек вызывает к жизни невиданный ранее технический прогресс. Все более дифференцированная, утонченная, избыточная машинная культура, вросшая в природу, – результат тактики жизни западного человека и его клетка, к которой сегодня добавилась еще и «цифровая клетка». Выстраивается смысловая связь: традиционный человек возможен только как самобытный культурный тип. Западноевропейский культурный тип обеспечил НТП. Развитие технологий – самоосуществление этого культурного типа. А его поработченность техникой – не причина, а симптом его разложения из-за отсутствия перспективы и цели. Возможно, обнаружение такой перспективы в космосе вызовет к жизни новый культурный тип и новые формы культурного творчества?

2. Традиционный человек – это непрерывно меняющийся человек, продолжающий миротворение и сохраняющий связь с вечностью. «Человек прошлого принимал себя за вечного человека. В нем было вечное, но он не был вечным человеком. Прошлое не есть вечное. Новый человек должен появиться в мире. И трудным является не вопрос о том, в каком отношении он стоит к старому человеку, а о том, в каком отношении он стоит к вечному человеку, к вечному в человеке. Вечным является образ и подобие Божие в человеке, что и делает его личностью. Это нельзя понимать статически. Образ и подобие Божие в человеке, как в природном существе, раскрывается и утверждается в динамике» [2]. Из размышлений Бердяева вытекает принципиальная *методологическая установка: относиться к человеку одновременно как к Богу и как к природе*. Она имеет эвристическое значение для анализа современных технологий. В современных трансгуманистически и постгуманистически окрашенных дискуссиях о человеческой природе обсуждаются как необходимость ее сохранения (биологическая природа ассоциируется со слабостью и уязвимостью (например, в космосе), требует внимания и сбережения), так и возможности и пределы ее испытания с целью выявления накопленного в ней в смене поколений потенциала. Человеческая природа в таком случае – еще только открываемый ресурс.

Хочется отметить, что другой русский философ, П. Флоренский, задолго до возникновения дискурса трансгуманизма, в рамках развиваемой им концепции органопроекции размышляет о значении биотехнологий для самопознания и изменения человека. «Если изучение организмов есть ключ к техническому изобретению, то и обратно, технические изобретения можно рассматривать как реактив к нашему самопознанию... Техника может и должна провоцировать биологию, как биология – технику. В себе и вообще в жизни открываем мы еще неосуществленную технику; в технике – еще не исследованные стороны жизни. Линия техники и линия жизни идут параллельно друг другу...» [9]. Наследие П. Флоренского, православного философа, одного из создателей плана ГОЭЛРО, сотрудничавшего с советской властью – предмет отдельного анализа [10]. В данном случае мы обращаемся к идее органопроекции и ее объясняющему потенциалу, чтобы выделить еще один образец сопряжения традиционного человека и технического прогресса.

3. Традиционный человек – это античный, классический человек, который еще только должен быть восстановлен в своей целостности в синергии с техникой, причем не в штучном, элитарном, а в массовом воплощении. Техника – «это особый путь обнаружения бытия, осуществляемый человеком». Человек открывает в себе все новые органы, «стилизуя» свое «жизненное начало», или «жизненную субстанцию» («стилизация» при этом есть функциональная дифференциация субстанции, т. е. выработка органов), мир же обогащается новой техникой за счет роста техносферы – органопроекции. Причем иногда техника опережает развитие новых органов и тем самым помогает их выявить [11]. Интересно в указанном контексте взглянуть на искусственный интеллект (ИИ). Проекцией какого органа он является? Какая внутренняя техника человека и жизни осуществлена в нем? Вероятно, это та часть рассудка, которая занята конечным и выделена из него, дабы человек мог вернуться к своему творческому разумному началу?

Рассмотренные идеи сопряжения традиционного человека и технологического роста – культурная самобытность, связь с вечностью, синергия человека и техники в органопроекции, – как мы полагаем, являются ориентирами для сценариев развития современных тех-

нологий в интересах человека, альтернативных как по отношению к притязаниям современных транснациональных корпораций, замыкающих человека в «цифровую клетку», так и по отношению к транс- и постгуманистическим проектам усовершенствования или преодоления человека, основанным на светской эсхатологии.

Какие горизонты для создания и применения новых технологий открываются постановкой задачи сохранения традиционных ценностей в логике защиты и развития культурной или цивилизационной самобытности! А с учетом жизненной необходимости для современной России удерживать пространство и время (демография) всемерное развитие производственных, энергосберегающих, информационно-коммуникативных технологий, искусственного интеллекта, биотехнологий и т. п. становится главным условием решения этой задачи. Логика «связи с вечностью» по определению апофатическая. В ней постчеловеческое будущее неприемлемо. При этом она очень требовательна в вопросе о сохранении духовных перспектив жизни людей (образа) и пластична во всем том, что касается органического тела человека – подобию, которое изменяется и творится самим человеком. Человек продолжит испытывать свою природу. Неизбежны и вторжение в органическую жизнь, и выход в космос. Неизбежны новые формы организации как человеческих масс, так и душевной жизни. Главное – избежать искушения светской эсхатологии, пытающейся в современном транс- и постгуманизме подменить собой богочеловеческую перспективу. Эта логика предполагает развитие и использование технологий по их прямому назначению – высвободить время для вечности.

А теперь обратимся к тем, кто спустя сто лет хочет окончательно порвать с традиционным человеком. В дискурсе трансгуманизма и постгуманизма традиционный человек – это наличный человек, сохранивший себя в истории. Он изменялся, изменяя мир. Теперь нужно изменить себя непосредственно. «Начать с себя» – стать новым субъектом... Ключевая роль принадлежит новым технологиям. Открываются новые возможности человеческого совершенствования за счет использования искусственного интеллекта, генной инженерии и нанотехнологий.

Успехи в разработке ИИ (создание новой высокопроизводительной элементной базы, новых программных решений, базирующихся на сложной комбинаторике и машинном обучении, периферийных устройств) дали толчок междисциплинарным исследованиям ИИ и NBIC – нано-био-инфо-когнитивных технологий [12]. Социальные представления об этих технологиях (окрашенные как технофобиями, так и технофилией) демонстрируют, как тесны и динамичны связи науки, технологий, религии, политики, медиа в современном сознании, насколько распространены технократические предрассудки, как декларируемое освобождение человека от трансцендентного соседствует с псевдорелигиями человекобожества, питает светскую сотериологию и эсхатологию [13].

Использование технологий ИИ (в комплексе с облачными технологиями, биотехнологиями, социальным инжинирингом) на двух уровнях имеет общечеловеческие последствия. 1. *Глобальный уровень.* Возможности ИИ для прогнозирования и предупреждения глобальных общечеловеческих рисков (климатических, экологических, биологических, техногенных) впечатляют. Вместе с тем в условиях усиливающейся экономической конкуренции и политического соперничества, ослабления и размывания норм международного права, возрастания угрозы одностороннего применения силы ИИ сам становится источни-

ком рисков. Он может диктовать управленческие решения, содержащие «скрытую оптимизацию». Решения нормативно правильные, но ценностно неприемлемые. Нормы не дедуцируются из ценностей. Из того, что нечто должно быть сделано, непосредственно не следует, что оно должно быть сделано каким-либо специфическим образом. Отвечая требованию целесообразности, нормы не являются самолегитимирующимися. Нормы задают правила, диктуют процедуры. Но, как отметил Кант, не существует правила, регулирующего применение правила. Легитимация норм всегда зависит от «отношения к высшей реальности» (Т. Парсонс), которое невозможно операционализировать и алгоритмизировать. Норм придерживаются, ими руководствуются, ценности разделяют и воплощают. К счастью, человечеству известен универсальный механизм, позволяющий сопрягать нормы и ценности, воспроизводить ценностно-нормативный порядок. Это традиция.

2. *Уровень автономной личности.* ИИ, встроенный в механизмы социального управления, обеспечивает воздействие на эмоционально-волевые и когнитивные стороны личности, что вызывает как поведенческие, так и нейрофизиологические последствия. Н. Бердяев предвидел расщепление традиционного человека на интеллектуальный элемент и чувственные ощущения, тревожился об обеднении чувственно-эмоциональной сферы в организации душевной жизни современного человека. Сегодня этот дефицит восполняется с помощью цифровых технологий: исследователи отмечают постоянное возрастание объема образной информации, получаемой «в цифре» [14]. Слияние ИИ и Интернета позволяет широко применять аддитивные технологии (преодолевать барьер «спонтанности» в терминологии Ю. Хабермаса), осуществлять «взлом» человека (барьер «недоступности»). Какими должны быть границы вторжения в человеческую природу (и сущность)? Кем они должны устанавливаться? Каков статус «биологической природы» человека в способах его самоопределения? От ответов на эти вопросы зависит осмысление перспектив терапии, восстановления, компенсации, ультрабилизации (киборгизации, гибридизации), наконец, улучшения и выхода за ограничения, налагаемые нашим биологическим наследием.

Каковы же перспективы обеспечения автономии личности перед вызовами, которые несут ИИ и связанные с ним технологии? Мы наблюдаем здесь две широко обсуждаемые стратегии:

- Проактивное овладение новыми технологиями идеологически обосновывается принятием ценностей «исследовательской культуры», требует отношения к риску как возможности, а не угрозе и оправдывает эксперименты и инновации на индивидуальном и групповом уровнях «нормативным императивом возможного». Человек должен принять ответственность за сознательную эволюцию, превзойти переданные традицией узкие образцы человечности. Человек должен творить себя (и свое тело, а в случае надобности и отбросить его как нечто устаревшее) своими собственными силами! Эта ценностная ориентация выражается в следующих практиках: апгрейд тела, биопанк, киборгизация, «загрузка сознания», радикальное улучшение качества жизни и ее существенное продление.

- Биоконсерваторы предостерегают от повреждения человеческой природы, требуют сохранения биологического организма в неприкосновенности, последовательно выступают против генетического редактирования и дизайна, против гибридизации человека и ИИ, которая ведет к привитой неспособности, против любых экспериментов с телом, полом, возрастами жизни, связывая автономию личности с ее оригинальностью, спонтанностью и

недоступностью. Знакомство с дискурсом биоэтики показывает несостоятельность ее притязаний: этика не может иметь прочного основания, если рассматривает человека только как биологическое (даже биосоциальное) существо. Тогда неизбежно возникает путаница в понятиях индивидуальной, социальной и профессиональной ответственности, а в отсылке к человеческой природе – к «естественному человеку» – обнаруживается эссенциализм. Но, как чутко заметил Н. Бердяев, вторжение в природу человека уже происходит, оно неизбежно будет нарастать.

Заключение. Как и сто лет назад, мы озабочены порабощением человека техникой и одновременно очень на нее рассчитываем. В исследованиях механизмов социального воспроизводства и личностного развития, в программах и планах – в образовании, воспитании, управлении – внимание все больше смещается от традиционных методов и практик к техническим усовершенствованиям. Действительные и только прогнозируемые результаты «суммы технологий» порождают социальные ожидания. Чего мы ждем от будущего, решительно отрывающего человека от его истории? В постчеловеческом будущем усовершенствованные люди будут взаимодействовать с существами, в некотором роде обладающими субъектностью: они ставят задачи, принимают и исполняют управленческие решения. Метафоры «машина-человек», «сильный ИИ» (как в свое время предложенная Р. Декартом метафора «человек-машина», масштабированная Т. Гоббсом в «левиафане») оказались плодотворными. Обсуждение барьеров для признания не биологических, но когнитивных существ личностями – нормативный барьер, эмоциональный, «проблема Qualia» – вновь требует возврата к основаниям, к осмыслению человеческой природы (и сущности?). Имеет ли человеческая природа нормативное значение? Как взаимосвязаны в человеческой деятельности способность устанавливать причинно-следственные связи и действовать сообразно целям с морально-нравственными ориентирами побуждений, запретов и поклонения? Похоже, на эти вопросы придется отвечать снова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сессия онлайн-форума «Давосская повестка дня 2021» // Президент России. 2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/64938> (дата обращения: 31.03.2021).
2. Бердяев Н. А. Человек и машина (Проблема социологии и метафизики техники) // Путь. 1933. № 38. С. 3–38. URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Berd/_ChelMash.php (дата обращения: 31.03.2021).
3. Wallerstein I. World-Systems Analysis // Social Theory Today / ed. by A. Giddens, J. H. Turner. Cambridge: Polity Press, 1987. P. 315.
4. Шацкий Е. Утопия и традиция / пер. с польск., под ред. В. А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1990.
5. Хантингтон С. П. Третья волна. Демократизация в конце XX века / пер. с англ. Л. Ю. Пантшой. М.: РОССПЭН, 2003.
6. Шпенглер О. Человек и техника / пер. с нем. А. М. Руткевича // Культурология. XX век: Антология / под ред. С. Я. Левит. М.: Юрист, 1995. С. 454–496.
7. Bostrom N. In Defense of Posthuman Dignity // Bioethics. 2005. Vol. 19 (3). P. 202–214. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8519.2005.00437.x>.
8. Floridi L. The Philosophy of Information. Oxford: Oxford University Press, 2001.
9. Флоренский П. А. Органопроекция // Русский космизм: Антология философской мысли / под ред. С. Г. Семеновой, А. Г. Гачевой. М.: Педагогика-Пресс, 1993. С. 161–162.

10. Седых О. М., Хаменков М. А. Органопроекция: русский контекст // *Философия науки и техники*. 2016. Т. 21, № 1. С. 132–151.
11. Павленко А. Н. Возможность техники: взгляд из Лавры и голос из Марбурга // *Историко-философский ежегодник*. 2002. М.: ИФ РАН. С. 386–408. URL: <https://iphras.ru/page49403450.htm> (дата обращения: 31.03.2021).
12. Wolbring G. Why NBIC? Why human performance enhancement? // *Innovation: The European Journal of Social Science Research*. 2008. Vol. 21 (1). P. 25–40. DOI: <https://doi.org/10.1080/13511610802002189>.
13. Tirosh-Samuelson H. Transhumanism as a Secularist Faith // *Zygon*. 2012. Vol. 47 (4). P. 710–734. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9744.2012.01288.x>.
14. Aguiluz-Ibarguen M., Beriain J. Struggles on the futures of human nature. *Sociological perspectives* // *EMPIRIA. Revista de Metodología de Ciencias Sociales*. 2020. Vol. 47. P. 105–127. DOI: <https://doi.org/10.5944/empiria.47.2020.27426>.

Информация об авторе.

Щербина Александра Вениаминовна – кандидат философских наук (1989), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: методология социального познания, социальное воспроизводство, социализация, социальный конфликт. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>. E-mail: ashcherbina@list.ru

REFERENCES

1. "Session of the online forum "Davos Agenda 2021"" (2021), *Prezident Rossii* [President of Russia], available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/64938> (accessed 31.03.2021).
2. Berdyaev, N.A. (1933), "Man and machine. (The problem of sociology and metaphysics of technology)", *Put'* [Path], no. 38, pp. 3–38, available at: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/bogoslov/Berd/_ChelMash.php (accessed 31.03.2021).
3. Wallerstein, I. (1987), "World-Systems Analysis", *Social Theory Today*, in Giddens, A. and Turner, J.H. (eds.), Polity Press, Cambridge, UK, p. 315.
4. Shatskii, E. (1990), *Utopiya i traditsiya* [Utopia and Tradition], Transl. by Chalikova, V.A., in Chalikova, V.A. (ed.), Progress, Moscow, USSR.
5. Huntington, S.P. (2003), *Tret'ya volna. Demokratizatsiya v kontse XX veka* [The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century], Transl. by Pantshoi, L.Yu., ROSSPEN, Moscow, RUS.
6. Spengler, O. (1995), "Chelovek i tekhnika", Transl. by Rutkevich, A.M., *Kul'turologiya. XX vek: Antologiya* [Culturology. XX century: Anthology], in Levit, S.Ya. (ed.), Yurist, Moscow, RUS, pp. 454–496.
7. Bostrom, N. (2005), "In Defense of Posthuman Dignity", *Bioethics*, vol. 19 (3), pp. 202–214. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-8519.2005.00437.x>.
8. Floridi, L. (2001), *The Philosophy of Information*, Oxford University Press, Oxford, UK.
9. Florenskii, P.A. (1993), "Organ projection", *Russkii kosmizm: Antologiya filosofskoi mysli* [Russian cosmism: Anthology of philosophical thought], in Semenova, S.G. and Gacheva, A.G. (eds.), Pedagogika-Press, Moscow, RUS, pp. 161–162.
10. Sedykh, O.M. and Khamenkov, M.A. (2016), "Organ projection: Russian context", *Philosophy of Science and Technology*, vol. 21, no. 1, pp. 132–151.
11. Pavlenko, A.N. (2002), "Possibility of technology: a view from the Lavra and a voice from Marburg", *Istoriko-filosofskii ezhegodnik* [Historical and Philosophical Yearbook], IF RAN, Moscow, RUS, pp. 386–408. URL: <https://iphras.ru/page49403450> (accessed 31.03.2021).
12. Wolbring, G. (2008), "Why NBIC? Why human performance enhancement?", *Innovation: The European Journal of Social Science Research*, vol. 21 (1), pp. 25–40. DOI: <https://doi.org/10.1080/13511610802002189>.

13. Tirosh-Samuelson, H. (2012), "Transhumanism as a Secularist Faith", *Zygon*, vol. 47 (4), pp. 710–734. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1467-9744.2012.01288.x>.

14. Aguiluz-Ibarguen, M. and Beriain, J. (2020), "Struggles on the futures of human nature. Sociological perspectives", *EMPIRIA. Revista de Metodología de Ciencias Sociales*, vol. 47, pp. 105–127. DOI: <https://doi.org/10.5944/empiria.47.2020.27426>.

Information about the author.

Alexandra V. Shcherbina – Can. Sci. (Philosophy) (1989), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 30 scientific publications. Area of expertise: methodology of social cognition, social reproduction, socialization, social conflict. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0699-1410>. E-mail: ashcherbina@list.ru

Установки современной молодежи на инновационную деятельность: по материалам социологических исследований

Е. Е. Ушенков✉

Ивановский государственный университет, Иваново, Россия

✉ ushenkov.evgenijj@gmail.com

Введение. Ориентация России на инновационный путь развития требует обеспечения государства человеческими ресурсами – высококвалифицированными специалистами, обладающими определенным набором качеств, навыков и компетенций. Исследователи, изучая данный вопрос, пришли к выводу, что таким ресурсом является молодежь как наиболее активная и креативная социально-демографическая группа населения. Значимыми компонентами инновационного потенциала молодых людей выступают открытость всему новому, личная заинтересованность и вовлеченность в инновационные процессы.

Автор работы проводит социологическое исследование, целью которого является изучение установок и вовлеченности молодых людей Ивановской области в инновационную деятельность.

Методология и источники. Методологическую основу данной работы составляют проведенные автором социологические исследования. Объектом данных исследований выступали представители молодежи Ивановской области в возрасте от 14 до 30 лет. В процессе исследования молодежная группа была разделена на несколько подгрупп: старшеклассники, студенты и представители работающей молодежи. Ошибка выборки не превысила 5 % при заданном уровне значимости в 95 %.

Результаты и обсуждение. Проведенное исследование показало, что лишь половина молодежи региона хотела бы принять участие в инновационной деятельности. При этом за последние три года в той или иной форме инновационной деятельности принимали участие около 44 % молодых людей. Было установлено, что инновационные практики в наибольшей степени характерны для старшеклассников и студенческой молодежи. Молодые люди, занятые профессиональной деятельностью, более чем в половине случаев не имели опыта участия в инновационной деятельности.

Заключение. Результаты проведенного автором социологического исследования свидетельствуют о разной степени готовности молодежи к инновационной деятельности. Учащаяся молодежь в большей степени, чем молодые люди старшего возраста, заинтересована в инновационных практиках, что обусловлено ее вовлеченностью в данные процессы посредством применения новых образовательных технологий. Интерес работающей молодежи в основном детерминирован содержанием профессии.

Ключевые слова: молодежь, инновационное развитие, инновационный потенциал, молодежная политика, инновационная активность, инновационная деятельность.

Для цитирования: Ушенков Е. Е. Установки современной молодежи на инновационную деятельность: по материалам социологических исследований // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 3. С. 80–88. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-80-88

© Ушенков Е. Е., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 05.04.2021; принята после рецензирования 23.04.2021; опубликована онлайн 24.06.2021

Attitudes of Modern Youth to the Innovative Activities: Based on the Materials of Sociological Research

Evgeny E. Ushenkov✉

Ivanovo State University, Ivanovo, Russia

✉ushenkov.evgenij@gmail.com

Introduction. Orientation of the Russian to innovative way of development requires the provision of the state of human resources – qualified specialists with a certain set of qualities, skills and competencies. Researchers studying the matter, concluded that such a resource is the youth as the most active and creative social and demographic groups. Important components of the innovative potential of young people are the open mindedness, self-interest and involvement in innovative processes.

The author carries out a case study, the aim of which is to study the attitudes and engagement of young people of the Ivanovo region in innovation activities.

Methodology and sources. The methodological basis of this work is the sociological researches conducted by the author. The subject of these studies were representatives of youth of the Ivanovo region in age from 14 to 30 years. During the research, several sub-groups divided the youth group: senior pupils, students and representatives of working youth. Sampling error does not exceed 5 %, for a given level of significance of 95 %.

Results and discussion. The study showed that only half of the youth in the region would like to take part in innovative activities. At the same time over the past 3 years, about 44 % of young people have taken part in some form of innovation activity. Revealed that innovative practices are most common for pupils and students. Young people engaged in professional activities in more than half of the cases had no experience of participation in innovative activities.

Conclusion. The results of the author of sociological studies show varying degrees of readiness of youth to innovative activities. Pupils and students largely than older youth, interested in innovative practices, due to its involvement in these processes through the use of new educational technologies. The interest of working youth is determined by the content of the profession.

Key words: youth, innovative development, innovation potential, youth policy, innovative activity.

For citation: Ushenkov E. E. Attitudes of Modern Youth to the Innovative Activities: Based on the Materials of Sociological Research. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 3, pp. 80–88. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-80-88 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 05.04.2021; adopted after review 23.04.2021; published online 24.06.2021

Введение. С усилением инновационной направленности социально-экономического развития Российской Федерации все большую актуальность приобретает проблема обеспечения устойчивой динамики технологического роста экономики, развития социальной сферы на уровне отдельного региона. В этих условиях ключевым фактором инновационного развития становится способность к управлению инновациями, которая не только обеспечивает устойчивое социально-экономическое развитие при сохранении конкуренто-

способности, но и обеспечивает возможность повышения качества человеческого потенциала [1, с. 67].

Осуществление задач инновационного развития общества предполагает обеспечение развития материальных и нематериальных ресурсов. Среди нематериальных наиболее важными являются человеческие ресурсы. В условиях инновационного развития обеспеченность человеческими ресурсами предполагает наличие системы подготовки кадров, обладающих знаниями, навыками и компетенциями, которые необходимы для осуществления деятельности в условиях динамично развивающегося социума.

В работах отечественных и западных ученых таким человеческим ресурсом является инновационная личность. Впервые данное понятие употребил Эверет Хаген в 1962 г. По мнению ученого, инновационная личность является предпосылкой усиления экономического роста, распространения предпринимательства, а также накопления капитала. Хаген полагал, что такая личность стремится к управлению действительностью, находится в поиске наилучших решений, стремится к инновациям и оригинальности [2]. Другой западный социолог А. Инкельс, рассматривая инновационную личность, выделял в ней следующие черты: открытость экспериментам, инновациям и изменениям, готовность к плюрализму мнений, ориентация на настоящее и будущее, готовность преодолевать препятствия, планирование будущих действий [3]. Отечественные социологи Г. И. Герасимов и Л. В. Илюхина выделили следующие черты инновационной личности: это потребность в переменах, креативность, способность находить новые идеи и способы их реализации, способность к ориентации в ситуации неопределенности, способность к саморефлексии [4, с. 94].

Необходимость подготовки высококвалифицированных кадров, соответствующих запросам современного российского общества, является приоритетом государственного управления. С целью подготовки высококвалифицированных специалистов Правительством РФ реализуются национальные проекты «Цифровая экономика», «Наука», «Современная школа», «Цифровая образовательная среда». Среди проектов, способствующих развитию инновационного потенциала молодежи, следует отметить создание федеральной сети технопарков «Кванториум», сети центров цифрового образования детей «IT-клуб», модернизацию системы профессионального образования молодежи, организацию молодежного образовательного форума «Территория смыслов», проведение конкурсов «Лидеры России» и др.

Анализ направленности обозначенных мероприятий показывает, что Правительство страны рассматривает молодежь в качестве ресурса, необходимого для развития общества. По свидетельству канала «РБК», освещавшего Российский инвестиционный форум в феврале 2018 г. в Сочи, с трибуны наиболее часто звучали слова: «цифровизация», «регионы», «нехватка кадров» и «молодежь» [5].

Отечественные исследователи также отмечают актуальность формирования инновационного потенциала молодежи. В работах ученых инновационный потенциал трактуется как определенная способность молодых людей проявлять инициативу, искать необходимые источники информации, а также способность к поиску средств и способов преобразования окружающей действительности и стремление к постоянному обучению [6, с. 86]. Исследователи, изучающие проблемы молодежи, сходятся во мнении, что государственная молодежная политика имеет два основных направления: первое – это обеспечение вхождения

молодежи в институализированную общественную жизнь, второе – инвестиции в молодежь как в человеческий потенциал общественного развития [7, с. 19].

В связи с этим целесообразно отметить исследование инновационного потенциала молодежи коллективом ученых во главе с В. А. Луковым, которые рассматривают инновационный потенциал через новационные свойства личности. При этом отмечается, что новационными свойствами обладают абсолютно все группы, однако у молодежи они в наибольшей степени актуализированы. Исследователи связывают данный вывод с тем, что молодые люди не могут опереться на богатый жизненный опыт и культуру в широком смысле данного слова. Молодежи легче придумать что-то новое, чем найти в социокультурной копилке прошлого. Молодые люди не обременены логикой и неоспоримостью прошлого опыта. Им проще создать новый маршрут своего движения, так как они не обладают достаточной информацией об уже имеющихся [8]. Поэтому, по мнению ученых, инновационность молодежи предполагает качественный переход от новаций к инновациям. Исходя из этого, они предлагают разделять «инновационный потенциал» и «инновационные возможности» молодых людей. Под первым понимается «готовность молодежи проектировать изменения в сфере мысли или деятельности, которые имеют целью перемены действительных обстоятельств жизни людей – независимо от направленности, масштабов и последствий таких перемен», а под вторым – «зона общественного поощрения инноваций или общественного терпения». В результате путь к реализации инновационного потенциала молодого поколения заключается в широком привлечении молодых людей к социальному и культурному проектированию как способу их самореализации и встречно – к освоению обществом инновационности молодежи в форме реализации социокультурных проектов [8].

Автор статьи солидарен с исследователями в том, что общество должно научиться принимать инновационность молодежи и адекватно реагировать на ее решения, а инновационный потенциал молодых людей будет развиваться через их вовлечение в социальные и культурные проекты. Вместе с тем немаловажную роль в развитии инновационного потенциала имеют и внутренние факторы: установки молодых людей на образовательную, профессиональную деятельность, их ценностные ориентации. С этой позиции видится необходимым определить установки молодежи на инновационную деятельность как в образовательном, так и профессиональном плане. На изучение данных установок было направлено проведенное автором социологическое исследование.

Методология и источники. С целью изучения установок молодежи, проживающей в Ивановской области, на инновационную деятельность, в октябре 2018 г. и феврале 2019 г. автором был проведен ряд социологических исследований. В качестве объекта в исследованиях выступали представители молодежи в возрасте от 14 до 30 лет. В процессе изучения молодежь, участвовавшая в исследовании, была разделена на три группы: старшеклассники (молодежь в возрасте от 14 до 17 лет), студенты (молодые люди 18–29 лет) и представители работающей молодежи (в возрасте от 25 до 30 лет). Общий объем выборки двух социологических исследований составил 2016 чел., пропорционально распределенных по городским округам и муниципальным районам региона согласно весу муниципального образования в общей численности молодежи. Основными котируемыми признаками в исследовании выступали: пол, возраст и территория проживания респондентов. Ошибка выборки не превысила 5 % при заданном уровне значимости в 95 %.

Результаты и обсуждение. Итоги исследования позволяют сделать вывод о том, что лишь половина участников исследования (50 % по сумме позиций «Да» и «Скорее да») хотела бы принять участие в инновационной деятельности. При этом наиболее активной группой молодежи являются школьники (27 % опрошенных указали, что они точно хотели бы принять участие в инновационных проектах) (рис. 1). Кроме того, результаты исследования показали, что юноши проявляют больший интерес к инновационной деятельности, чем девушки.

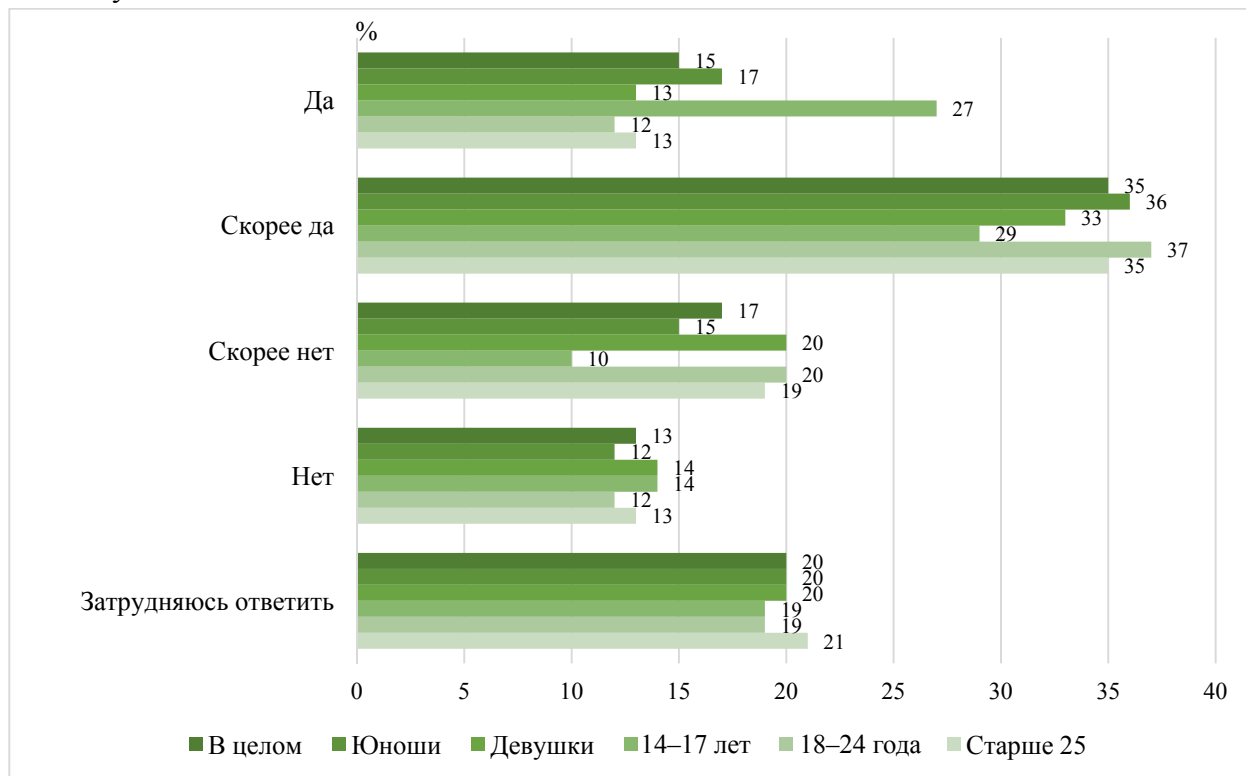

Рис. 1. Желание молодых людей заниматься инновационной деятельностью
Fig. 1. The desire of young people to engage in innovation activities

Рис. 2. Причины, по которым молодежь хотела бы участвовать в инновационной деятельности
Fig. 2. The reasons for which young people would like to participate in innovation activities

Ключевым мотивом участия юношей и девушек в инновационной деятельности является желание повысить свои знания и навыки, развить компетенции, необходимые для жизни в современном обществе (67 %). Практически половина участников исследования (45 %) действует под влиянием желания принести пользу обществу, в противовес им около 40 % опрошенных преследуют удовлетворение личных амбиций. Кроме того, результаты проведенного исследования показали, что материальная заинтересованность не является ключевой причиной желания молодых людей участвовать в инновационной деятельности – эту позицию разделяют около 27 % участников опроса (рис. 2).

Наиболее желанным способом участия в инновационных практиках для молодежи в целом является работа в организациях, которые непосредственно занимаются инновационной деятельностью (36 %). Около 1/4 части опрошенных хотели бы принимать участие в вебинарах, тренингах и иных проектах, связанных с инновациями. При этом желание принимать участие в вебинарах и тренингах в наибольшей степени свойственно для девушек, тогда как юноши в своем большинстве предпочли бы непосредственно работать в организациях, где применяются инновационные технологии. Стоит отметить, что участие в вебинарах рассматривается молодежью старше 18 лет наравне с возможностью работать в организации, ориентированной на инновационную деятельность, тогда как молодежь в возрасте 14–17 лет в преобладающем количестве случаев предпочла бы принимать участие в работе организаций, связанных с инновационной деятельностью (таблица).

Тип инновационной деятельности, в которой хотели бы принимать участие представители молодежи Ивановской области, %
Type of innovation activity in which representatives of the youth of the Ivanovo region would like to participate, %

Позиция	В целом по региону	Мужчины	Женщины	14–17 лет	18–24 года	Старше 25 лет
Работа в организации, ориентированной на инновационную деятельность и инновации	36	39	33	48	31	35
Работа в организации, занимающейся инновациями	31	34	28	48	35	22
Участие в вебинарах, тренингах, связанных с инновационной деятельностью	26	23	29	16	29	28
Участие в сторонних инновационных проектах	25	20	31	29	16	30
Участие в работе общественных организаций	9	11	7	8	9	9
Другое	1	1	2	1	0	3

Что касается непосредственного участия в инновационной деятельности, то за последние три года в ней тем или иным образом принимали участие 44 % участников исследования. При этом большая часть опрошенных участвовала в качестве исполнителей (26 %). Результаты исследования также показали, что юноши чаще, чем девушки, выступали в качестве организаторов различного рода инновационных проектов, тогда как девушки достаточно часто (в 50 % случаев) вообще не принимали участия в различного рода мероприятиях, связанных с инновационной деятельностью. Стоит отметить, что доля респондентов, участвовавших в инновационных проектах в качестве организаторов, с возрастом увеличивается. Целесообразно обратить внимание на то, что наибольшая доля молодых людей, вообще не принимавших участие ни в каких инновационных проектах за последние три года, приходится на респондентов старше 25 лет (рис. 3).

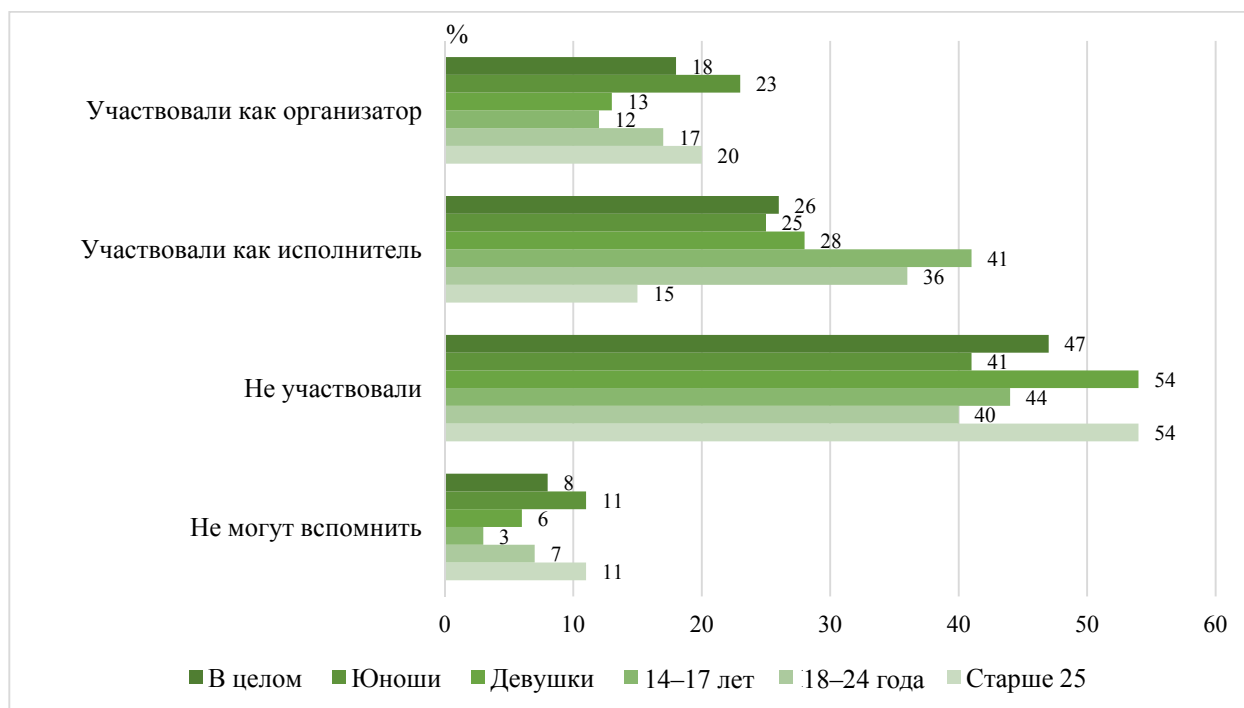

Рис. 3. Опыт участия Ивановской молодежи за последние три года в проектах, связанных с инновационной деятельностью

Fig. 3. Experience of participation of Ivanovo youth over the past 3 years in projects related to innovative activities

Инструментарий социологического исследования предполагал выяснение вида инновационной деятельности, в которой принимали участие представители молодежи региона. Наиболее часто опрошенные участвовали в разработке каких-либо социальных проектов (52 %). Около 1/3 представителей молодежи участвовали в реализации научных проектов и создании новых образовательных технологий. 1/4 часть опрошенных принимала участие в разработке различных методических рекомендаций, а также в создании новых товаров и услуг (рис. 4).

Рис. 4. Форма инновационной деятельности, в которой участвовали представители молодежи

Fig. 4. Forms of innovation activity, which was attended by youth

Заключение. По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о неравномерной вовлеченности молодежи в инновационную деятельность. Наибольший интерес к ин-

новационной деятельности проявляют школьники, тогда как работающая молодежь относится к ней нейтрально. Непосредственное участие в инновационной деятельности принимают молодые люди всех категорий, принимавших участие в социологическом исследовании. Тем не менее заметно преобладание инновационной активности молодежи моложе 25 лет.

Исследование показало, что основными направлениями инновационной деятельности, в которой участвовали юноши и девушки региона, являются разработка социальных и научных проектов, образовательных технологий и методических рекомендаций. По своей сути данные направления деятельности связаны с образовательным процессом, основным актором которых выступают образовательные учреждения.

Таким образом, наличие или отсутствие у молодежи установок на инновационную деятельность зависит от внешних факторов и условий, а также от желания молодых людей принимать участие в такой деятельности. В настоящее время в сфере образования активно внедряются новые технологии обучения в рамках проектов «Цифровая образовательная среда», «Успех каждого ребенка», «Учитель будущего», «Молодые профессионалы», «Новые возможности для каждого», «Социальная активность», «Социальные лифты для каждого». Учащиеся колледжей готовятся к итоговым экзаменам по стандартам «Ворлдскиллс России». В этих условиях интерес школьников и студентов к инновационной деятельности будет возрастать.

Что касается работающей молодежи, то ее непосредственное участие в инновационной деятельности детерминировано содержанием профессии. В настоящее время есть сферы профессиональной деятельности, которые минимально затронуты инновационными процессами и цифровизацией. Можно сделать вывод, что у работающей в данных сферах молодежи интерес к инновационной деятельности будет невысоким.

Таким образом, следует обратить внимание на необходимость реализации разнонаправленной политики по формированию инновационного потенциала молодых людей. Это может быть государственная поддержка организаций и предприятий, осуществляющих совместно с образовательными учреждениями информационные образовательные программы, вовлекающих учащихся и студентов в инновационную деятельность в ходе профессиональной практики. Не менее важны популяризация и вовлечение молодежи старшего возраста в проекты, реализуемые региональными органами власти в сфере инновационной деятельности, а также поддержка малого, среднего и крупного бизнеса, работающего в данной сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фурсик С. Н. Качество человеческого потенциала как фактор инновационного развития экономики региона // Проблемы развития территории. 2014. Вып. 1 (69). С. 67–81.
2. Hagen E. E. How Economic Growth Begins: A Theory of Social Change // Journal of Social Issues. 1963. Vol. 19, no 1. P. 20–34. URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1505877 (дата обращения: 15.03.2021).
3. Inkeles A. A model of the modern man: theoretical and methodological issues // Comparative Modernization / ed. by C. E. Black. N.Y.: Free Press, 1976. P. 320–348.
4. Герасимов Г. И., Илюхина Л. В. Инновации в образовании: сущность и социальные механизмы. Ростов: НМД «Логос», 1999.
5. Сочи-2018: бизнес-рекорды и предчувствие выборов // Российский инвестиционный форум. URL: http://sochiforum2018.rbc.ru/totals?utm_source=ss_vk_rbc&utm_medium=vk&utm_campaign=ss_vk_rbc#wtf_850823 (дата обращения: 15.03.2021).

6. Шурбе В. З. Инновационный и проектный потенциал молодежи // Социальная политика и социология. 2008. № 1. С. 86–96.

7. Пчелинцев Д. В., Докашенко Л. В. Инновационный потенциал молодежи региона // Молодая наука 2017: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. теоретических и прикладных разработок молодых ученых. Москва, 31 янв. 2017 г. / ОГУ. Москва, 2017. С. 17–21.

8. Луков В. А., Луков С. В., Погорский Э. К. Инновационный потенциал новых поколений и молодежная политика на современном этапе развития общества // PolitBook. 2014. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyy-potentsial-novyh-pokoleniy-i-molodezhnaya-politika-na-sovremennom-etape-razvitiya-obschestva> (дата обращения: 15.03.2021).

Информация об авторе.

Ушеников Евгений Евгеньевич – аспирант кафедры социологии, социальной работы и управления персоналом Ивановского государственного университета, ул. Ермака, д. 39, Иваново, 153025, Россия. Автор 1 научной публикации. Сфера научных интересов: прикладная социология, исследования молодежи, инновационная деятельность, инновационный потенциал. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8641-878X>. E-mail: ushenkov.evgenijj@gmail.com

REFERENCES

1. Fursik, S.N. (2014), "Quality of human potential as a factor promoting innovation development of the region's economy", *Problems of territory's development*, no. 1 (69), pp. 67–81.

2. Hagen, E.E. (1963), "How Economic Growth Begins: A Theory of Social Change", *Journal of Social Issues*, vol. 19, no. 1, pp. 20–34, available at: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=1505877 (accessed 15.03.2021).

3. Inkeles, A. (1976), "A model of the modern man: theoretical and methodological issues", *Comparative Modernization*, in Black, C.E. (ed.), Free Press, N.Y., USA, pp. 320–348.

4. Gerasimov, G.I. and Ilyukhina, L.V. (1999), *Innovatsii v obrazovanii: sushchnost' i sotsial'nye mekhanizmy* [Innovations in education: essence and social mechanisms], NMD "Logos", Rostov, RUS.

5. "Sochi-2018: business records and premonition of elections", *Rossiiskii investitsionnyi forum* [Russian Investment Forum], available at: http://sochiforum2018.rbc.ru/totals?utm_source=ss_vk_rbc&utm_medium=vk&utm_campaign=ss_vk_rbc#wtf_850823 (accessed 15.03.2021).

6. Shurbe, V.Z. (2008), "Innovation and design potential of youth", *Sotsial'naya politika i sotsiologiya* [Social policy and sociology], no. 1, pp. 86–96.

7. Pchelintsev, D.V. and Dokashenko, L.V. (2017), "Innovative potential of the youth of the region", *Molodaya nauka 2017* [Young Science 2017], I *Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya teoreticheskikh i prikladnykh razrabotok molodykh uchenykh* [I International Scientific and Practical Conference of Theoretical and Applied Developments of Young Scientists], Moscow, RUS, 31 January 2017, pp. 17–21.

8. Lukov, V.A., Lukov, S.V. and Pogorsky, E.K. (2014), "Innovative potential of new generations and youth policy at the present stage of development of society", *PolitBook*, no. 2, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/innovatsionnyy-potentsial-novyh-pokoleniy-i-molodezhnaya-politika-na-sovremennom-etape-razvitiya-obschestva> (accessed 15.03.2021).

Information about the author.

Evgeny E. Ushenkov – Postgraduate at the Department of Sociology, Social Work and Personnel Management, Ivanovo State University, 39 Ermaka str., Ivanovo 153025, Russia. The author of 1 scientific publication. Area of expertise: applied sociology, youth research, innovation activity, innovation potential. ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8641-878X>. E-mail: ushenkov.evgenijj@gmail.com

Сравнительный анализ методик исследования политического дискурса

Я. Ю. Демкина✉

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

✉yanademkina@mail.ru

Введение. В статье проводится сопоставление методов исследования политического дискурса с особым вниманием к лингвистическим методам, в частности, к дискурс-анализу и когнитивному и риторическому подходам. Эти методы широко используются для исследования политических речей, выступлений, текстов. Все чаще политический дискурс рассматривают как социальное явление, и не только на дискурсивном, но и на когнитивном и риторическом уровнях. Объектом данного исследования являются методы анализа политического дискурса, позволяющие изучить позицию политика в дискурсивной сфере и выявить характер его аудитории. Актуальность работы определяется необходимостью выработки аргументов к выбору того или иного подхода к политическому дискурсу, особенно когнитивного и риторического, а также дискурс-анализа, которые позволяют выявить завуалированные смыслы политических высказываний и рассмотреть приемы убеждения электората.

Методология и источники. Предметом анализа выступают примеры из политических выступлений Д. Байдена, рассматриваемые как инструмент влияния, убеждения в процессе высказывания перед электоратом. Для сравнения подходов к изучению политического дискурса используются описательный и сопоставительный методы, эффективность применения различных подходов и методик иллюстрируется на конкретных примерах лингвистической интерпретации дискурсивных особенностей публикаций и выступлений, раскрывающей амбиции политика наиболее полно. Применяется также метод количественного подсчета.

Результаты и обсуждение. Использование описательного и сопоставительного методов дает возможность сравнить различные подходы к исследованию политических текстов и выступлений, обсудить взаимосвязь разнородных методик, выявить наиболее эффективные методы изучения дискурса. Результатом статьи стали выводы об эффективности различных подходов к исследованию языка политиков на дискурсивном, когнитивном и риторическом уровнях. Сравнение методик исследования политического дискурса выделяет дискурс-анализ среди остальных методов анализа. Применение дискурс-анализа для исследования политического дискурса позволяет выявить функции дискурса, а именно: манипулятивную, селективную и комбинирующую функции, связанные с достижением политических целей. Применение критического дискурс-анализа позволяет выявить эти функции наиболее полно.

Заключение. Исследование политического дискурса может осуществляться на разных уровнях, однако дискурсивный уровень в сравнении с когнитивным и риторическим является самым эффективным с лингвистической точки зрения. Дискурс-анализ

позволяет исследовать политический дискурс на качественно ином уровне, чем риторический и другие лингвистические методы исследования. Дискурс-анализ представлен в данной статье как метод исследования скрытых смыслов в политике.

Ключевые слова: политический текст, экспериментальные методы, описательные, сравнительные методы, лингвистические методы исследования, политический дискурс, дискурс-анализ, когнитивная лингвистика, риторика, концепция политического дискурса.

Для цитирования: Демкина Я. Ю. Сравнительный анализ методик исследования политического дискурса // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 3. С. 89–102. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-89-102

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 10.03.2021; принята после рецензирования 16.04.2021; опубликована онлайн 24.06.2021

Comparative Analysis Research Methods of Political Discourse

Yana Yu. Demkina✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉yanademkina@mail.ru

Introduction. The article compares the methods of researching political discourse with special attention to linguistic methods, in particular, to discourse analysis and cognitive and rhetorical approaches. These methods are widely used to study political speeches, statements, texts. Increasingly, political discourse is seen as a social phenomenon, not only at the discursive but also on the cognitive and rhetorical levels. The object of this study is methods of analysis of political discourse allowing to study the position of a politician in the discursive sphere and to identify the character of his audience. The subject of the analysis are examples from Joe Biden's political speeches, seen as an instrument of influence, persuasion in the process of speaking to the electorate. The relevance of the work is determined by the need to develop arguments to choose a particular approach to political discourse, especially cognitive and rhetorical, as well as discourse analysis, which allow to reveal veiled meanings of political statements and consider the methods of persuasion of the electorate.

Methodology and data sources. The subject of the analysis are examples of Joe Biden's political speeches, seen as an instrument of influence, persuasion in the process of speaking to the electorate. To compare approaches the study of political discourse, descriptive and comparative methods are used, the effectiveness of different approaches and methods is illustrated by specific examples of linguistic interpretation of discursive features of publications and speeches, revealing the ambitions of the politician most fully. A method of quantitative counting is also used.

Results and discussion. The use of descriptive and comparative methods makes it possible to compare different approaches to the study of political texts and speeches, to discuss the relationship of heterogeneous methods, to identify the most effective methods of studying discourse. The result of the article was the conclusions about the effectiveness of different approaches to the study of the language of politicians at discursive, cognitive and rhetorical levels. Comparison of methods of research of political discourse distinguishes discourse-analysis among other methods of analysis. The use of discourse analysis to study political discourse reveals the functions of discourse, for example, manipulative, selective and combined functions related to political goals. The use of critical discourse analysis allows you to identify these functions most fully.

Conclusion. The study of political discourse can be carried out at different levels, but the discursive level compared to cognitive and rhetorical levels is the most effective from a linguistic point of view. Discourse analysis allows to explore political discourse at more qualitative different level than rhetorical and other linguistic methods of research. Discourse analysis is presented as a method of researching hidden meanings in politics in this article.

Key words: political text, experimental methods, descriptive, comparative methods, linguistic methods of research, political discourse, discourse-analysis, cognitive linguistics, rhetorical, the concept of political discourse.

For citation: Demkina Ya. Yu. Comparative Analysis Research Methods of Political Discourse. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 3, pp. 89–102. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-89-102 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 10.03.2021; adopted after review 16.04.2021; published online 24.06.2021

Введение. Среди методов исследования дискурса важное место занимают лингвистические методы, в частности дискурс-анализ, а также когнитивный и риторический подходы. Они могут быть применены к различным типам дискурса. Особую роль в современном обществе играет политический дискурс. К основным функциям политического дискурса относятся:

- 1) влияние на аудиторию и информирование слушателей, обуславливающие официальность, обобщенность и документальность политического дискурса;
- 2) характеристика политической ситуации в обществе, государстве, мире;
- 3) борьба за власть [1].

Процессы, происходящие в жизни общества, находят отражение в политическом дискурсе, политических выступлениях и текстах. Французский ученый М. Фуко утверждал, что с помощью политического дискурса лидеры различных общественных партий сражаются за власть и стремятся ее захватить. Власть, создавая политический дискурс, пытается его контролировать, совершенствовать и влиять в него [2].

Деятельность политических партий определяет общую картину конкретного общества, государства и мира в целом. Поиск путей воздействия лидеров политических партий на электорат с помощью предвыборных речей, выступлений, программ и лозунгов обусловил необходимость исследования методик анализа политического дискурса на различных уровнях: когнитивном, риторическом, дискурсивном. Эти уровни относятся преимущественно к сфере лингвистики.

Дискурс-анализ вкупе с когнитивным и риторическим подходами используется и для изучения политического дискурса. Объектом настоящего исследования являются методы, позволяющие изучить позицию политика в дискурсивной сфере и выявить характер его аудитории. Предметом анализа выступают тексты политических выступлений, рассматриваемые как инструмент влияния, убеждения в процессе высказывания перед электоратом. Актуальность работы определяется необходимостью выработки аргументов к выбору того или иного подхода к политическому дискурсу, особенно когнитивного и риторического, а также дискурс-анализа, которые позволяют выявить завуалированные смыслы политических высказываний и рассмотреть приемы убеждения электората.

Использование различных методов исследования политического дискурса имеет большое практическое значение для понимания общей политической картины мира, зависящей от развития политических тенденций в общественном сознании.

При исследовании политического дискурса традиционно выделяются четыре методологических уровня: онтологический, аксиологический, гносеолого-квантитативный и междисциплинарный, которые взаимосвязаны и взаимозаменяемы, но основным является онтологический [1]. Наиболее подходящий метод исследования политического текста выбирается именно на онтологическом уровне, который определяет особенности исследуемого политического дискурса, характер метафоры. При этом когнитивный метод изучает ментальный характер метафоры, а риторический исследует ее вербальный характер.

С античных времен до 20-х гг. XXI в. текст представляется в политике важнейшим способом влияния на умы людей, средством характеристики политической обстановки, сложившейся в обществе, государстве и мире. Целью политического дискурса становится убеждение масс в правоте политических взглядов определенных партий. Выступление политического деятеля является мощной языковой и информационной композицией, передающей факты и данные, проводящей необходимую линию его партии, влияющей на взгляды, мнения и сознание слушателей. Отметим заведомую «дискурсивность» политического дискурса, предназначение которого «навязать» политически необходимые взгляды и принятия решений, действий, поступков [3, с. 129].

Политический дискурс фактически представлен речевым дискурсом, способствующим получению власти в обществе, осуществлению политических амбиций и действий по захвату власти.

Сообразуясь с тематикой настоящей работы, мы ставим себе следующие задачи:

- 1) изучить, описать и сравнить специфику дискурс-анализа, когнитивного и риторического методов исследования политического дискурса;
- 2) проанализировать и сравнить полученные результаты;
- 3) выявить наиболее эффективный метод изучения политического дискурса.

Методология и источники. На наш взгляд, для сравнения подходов к изучению политического дискурса следует применять общенаучные описательный и сопоставительный методы, а также для лучшей иллюстрации обращаться к методам сугубо лингвистической интерпретации публикаций и выступлений политиков (морфологический, синтаксический и семантический анализ). Небесполезным является и метод количественного подсчета, позволяющий определить частотность обращения ученых к тому или иному методу. Тем самым дискурсивные особенности публикаций и выступлений интерпретируются на материале общедоступных СМИ в лингвистическом ключе, что позволяет раскрыть амбиции политиков наиболее полно. Не подлежит сомнению, что степень влияния в политическом дискурсе регулируется посредством языка политики, риторики политической деятельности и стилистическими подходами, используемыми с определенной политической целью. Материалом настоящей работы послужили теоретические концепции наиболее известных ученых, работающих в области дискурсологии, а также ряд примеров из предвыборных речей Джо Байдена.

Результаты и обсуждение. В 355 г. до н. э. Аристотель в сочинении «Риторика» дал характеристику риторического метода, описав его как способ предоставления аргументов

в споре [4, с. 47]. В XXI в. с развитием информационных коммуникаций риторический подход, рассматривающий политическую речь как ресурс, как средство изменить взгляды, мнения, мышление электората, стал более разносторонним, получил новое осмысление, хотя еще недавно в исследованиях политических текстов риторические подходы применялись довольно редко.

Риторический подход к изучению политического дискурса состоит в анализе приемов и аргументов в политических текстах, отвлекающих внимание аудитории от реальной жизни и агитирующих за программу определенной политической партии. В начале 60-х гг. XX в. риторический метод исследования политического дискурса был усовершенствован М. Осборном, который применял его для анализа политических речей и медийных выступлений политиков, основываясь на том, что они часто использовали метафоры, связанные с универсальными образами жизни, такими как здоровье, дети, дом, тепло, мир.

Основу риторического подхода, уходящего в античные времена, составляет анализ тропов. В XX в. риторический подход исследования политического дискурса рассматривает сравнения, метафоры, метонимии в рамках речевых структур текста как приемы воздействия на электорат.

Риторические подходы к политическому дискурсу раскрывают суть информации, скрытую в политических текстах для электората, способ влияния на сознание слушателей, внедрения ценностей и взглядов своей политической партии, необходимых для изложения политической позиции и деятельности. В современных условиях интерес к политическому дискурсу в сфере его аргументативных подходов в речи, способов воздействия на людей, речевых стратегий и тактик неуклонно возрастает.

Риторический метод дает оценку темы выступления политика, его отношения к содержанию выступления, степени контакта с аудиторией, анализирует приемы воздействия, цель которых повлиять и изменить мнение и взгляды электората, их ценности, связанные с такими концептами, как свобода, справедливость, правила и нормы жизни.

Лингвистика XXI в. изучает в политическом дискурсе лексические, морфологические, синтаксические, интонационные приемы языковой деятельности, пути и подходы языковых стратегий и тактик, имеющие одну цель – убеждение масс в правоте политического деятеля и отстаивании его позиции. Лингвистические подходы к политическим текстам состоят в выяснении способов языкового мышления, языковых средств, использованных в политическом дискурсе, приемов представления общей картины мира.

Анализ интонационных приемов показывает уровень эмоциональности политической речи, позволяющих политику ярче выразить свою точку зрения, позицию перед электоратом. Под лексико-грамматическими приемами понимаются морфологические средства, представленные сравнительными и превосходными степенями прилагательных, усиительными частицами, модальными конструкциями, которые также выражают эмоции в политическом дискурсе [5, с. 125].

Сильное влияние на сознание слушателей оказывает использование метонимии, меняющей политический взгляд адресата на общество и на мир в целом. Использование эпитетов, гипербола, метонимии, метафор происходит большей частью на лексическом уровне.

Метафоры и сравнения в политическом дискурсе служат инструментами аргументации, помогающими отразить реальность языка в политике, которая характеризуется отвлеченностью и метафизичностью. При этом метафора отличается от сравнения, так как она

способна отразить сопоставляющий компонент лексических единиц. Политик, выбирая метафору, определяет стратегию влияния на слушателей. С помощью метафоры передается атмосфера напряженности, выражаются эмоции выступающего, его желание убедить электорат.

Эпитеты, используемые в политических выступлениях, помогают дать положительную или отрицательную оценку каких-либо фактов, а гиперболы позволяют более эмоционально выразить мнение, описать действие или явление.

Известным синтаксическим приемом в политическом дискурсе является риторический вопрос, придающий политической монологической речи оттенок диалога со слушателями [5, с. 143]. Простота структуры риторического вопроса достигается за счет отсутствия главного члена предложения, употребления пассивного залога.

Анафора и повтор в политическом дискурсе выполняют функцию привлечения особого внимания к определенным вопросам политики и проблемам общества.

Антитеза в политических текстах позволяет противопоставлять, сравнивать, подчеркивать разницу между фактами, событиями, политическими платформами, программами, общественными явлениями [5, с. 147].

Несомненно, использование разнообразных языковых средств в речи на интонационном, лексическом и грамматическом уровнях делает политическую речь более яркой и убедительной, помогает заинтересовать электорат и удерживать его внимание. Анализ языковых средств речи может быть использован для рассмотрения, среди всего прочего, и структуры социальных отношений.

Характеристика когнитивного метода анализа политических текстов появляется в работах французского философа М. Фуко и американского политолога Г. Лассуэлла в конце 50-х гг. XX столетия. Исследования, построенные на этом методе, показывают в политическом дискурсе связь между властвующими и избирателями, выявляют способы воздействия политиков на свой электорат, понимание и осознание народом политических дебатов. Метод когнитивного анализа помогает понять цель политических текстов, выстроить отношения между властью и подчиненными.

Разумеется, когнитивный метод исследования политического дискурса также изучает лексику текстов и рассматривает метафоры, применяемые в политических выступлениях и дебатах, напрямую связанные с концептуальными метафорами дискурса и помогающие воспринимать действительность, осознавать процесс человеческой мысли и деятельности. Впервые теория концептуальной метафоры была изложена в 1980 г. в работе американских лингвистов Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем», в которой представлен когнитивный метод анализа политического дискурса.

Когнитивный метод основывается на утверждении, что существует тесная связь между восприятием, языком, действиями, памятью, определяющими сущность человеческого мышления [5, с. 189]. Лингвокогнитивный метод анализа политического дискурса изучает происхождение, появление политических образов в лингвистических структурах, характерных для определенных социальных групп общества. Этот метод позволяет смоделировать суждения, ценности, представления социальных групп о политической обстановке в обществе и мире, мнения о политических лидерах как части политической картины.

Анализ политического дискурса с применением когнитивного метода сводится к исследованию фреймов, концептов и метафорических моделей. Когнитивный метод изучает процессы мышления и деятельности людей, моделируя политическую обстановку в обществе.

Моделирующая функция когнитивного метода актуализируется через речевые структуры и структурные схемы понимания позиции политика в его политическом выступлении или речи [6, с. 91]. Когнитивный метод изучения политического текста, моделирующий картины деятельности политиков, представляется в виде операционного кодирования, оценивающего подходы политического лидера к его речевой деятельности, отношения к его противникам, его методы достижения целей и когнитивного картирования, анализирующего причины политических проблем, факторов выбора, пути мышления политиков, процессы принятия ими решений.

В 1991 г. когнитивный метод был усовершенствован Дж. Лакоффом в статье «Метафора и война», где перечислены основные принципы этого метода, а также (в практическом ключе) проанализированы метафоры, использованные в выступлениях политиков США в связи с вторжением в Ирак.

Задолго до появления дискурсивного анализа в работах по философии, риторике, психолингвистике применялись методы, анализирующие устный и письменный типы речи. С 1890 по 1920 гг. исследования американских ученых, основанные на идеях американского антрополога и лингвиста Ф. Боаса в области лингвистической антропологии, этнографии устной речи и этнографии общества, предшествовали появлению нового метода.

В 70-х гг. XX в. как часть лингвистики зарождается дисциплина, изучающая дискурс, получившая название «дискурсивный анализ», или «дискурс-анализ» («discourse analysis»). Этот термин впервые введен в 1952 г. З. Харрисом в одноименной статье, где он описывает метод анализа письменной или устной речи («This paper presents a method for the analysis of speech or writing») [7, с. 13].

С того же времени З. Харрис стремился доказать основополагающую роль дискурсивного анализа в языкознании, объясняя ее внутренней взаимосвязью всех лингвистических явлений: «This restriction to connected discourse does not detract from the usefulness of the analysis, since all language occurrences are internally connected» [7, с. 24]. По его мнению, дискурсивный анализ, характеризуя тип текста, дает возможность определить тип дискурса, демонстрирующий тесную связь речи с социокультурой [7, с. 30]. Дискурсивный анализ выходит за пределы изучения предложений, высказываний человека, его деятельности, работы, беседы.

Метод анализа, представленный З. Харрисом, является аналитическим, но не дающим анализа значения всех единиц связной речи: «The method is formal, depending only on the occurrence of morphemes as distinguishable elements; it does not depend upon the analyst's knowledge of the particular meaning of each morpheme» [7, с. 20].

В 50-х гг. XX в. появляются знаменитые работы французского философа М. Фуко, объединенные одной темой «теории дискурса». М. Фуко, основываясь на своих философских взглядах и социальных подходах к гуманитарным исследованиям, утверждал, что дискурс в отличие от языка создает новое высказывание (воздействие), требующее особого анализа.

Исследования М. Фуко дают многомерное понимание дискурса как системы ограничений, связанных с социальными условиями, как совокупность высказываний, принадлежащих к одной и той же системе формаций, как способа познания культуры, как объекта борьбы за власть – в этих ограничениях и проявляется социальный аспект, прокламируемый ученым.

Дискурсивный анализ, согласно М. Фуко, представляет собой обзор исторического восстановления условий для осуществления возможностей знаний, в котором лингвистический анализ не играет главной роли [2].

Разумеется, многие науки предлагают свои подходы к изучению дискурса и оказывают огромное влияние на формирование и совершенствование дискурсивного анализа.

С середины 1960-х гг. социолингвистика, изучающая лингвистическое многообразие, связанное с социальными факторами, приступила к формированию своего пути развития дискурсивного анализа.

В 1987–1988 гг. Бирмингемская школа анализа дискурса (преимущественно устного), основанная американским поэтом и писателем Дж. Синклером и лингвистом М. Кулхардом, способствовала дальнейшему совершенствованию дискурс-анализа.

В конце 80-х г. XX в. европейские лингвисты Т. ван Дейк, В. Дресслер и американские ученые У. Лабов, Т. Гивон и У. Чейф продолжают изучение дискурса в аналитической сфере, но связывая его с лингвистической тематикой. По утверждению Т. ван Дейка, дискурс представляет собой социокультурное взаимодействие, свойствами которого являются намерения, образы и задачи коммуникантов.

В 1990-х гг. появляются серьезные научные труды – «Дискурсивный анализ», «Структуры социального действия», «Исследования по анализу бытового диалога», а также четырехтомный «Справочник по дискурсивному анализу» (под ред. Т. ван Дейка). Из более поздних работ следует отметить «Описание дискурса» (1992, под ред. С. Томпсона), «Транскрипция дискурса» (1993, Дж. Дюбуа), «Дискурсивные исследования» (1993, Я. Ренкем), «Подходы к дискурсу» (1994, Д. Шиффрин), «Дискурс, сознание и время» (1994, У. Чейфа), двухтомный труд «Дискурсивные исследования: междисциплинарное введение» (1997, под ред. Т. ван Дейка). Во всех этих трудах продолжается разработка теории дискурсивного анализа и демонстрируется его практическое применение.

В 2002 г. во Франции выпущен «Словарь анализа дискурса», представивший современные достижения дискурсивного анализа и особенности его применения в научном мире.

Дискурс-анализ дает более качественное исследование политического дискурса, чем традиционные лингвистические методы исследования. Цель дискурс-анализа состоит в выявлении дискурсивной формации среди большого количества текстов политических выступлений с определением как места происходящего выступления и уровня электората, так и фигуры политического деятеля [8, с. 152].

Таким образом, дискурс-анализ и когнитивный, риторический методы исследования политического дискурса дополняют друг друга и являются взаимосвязанными.

Риторический метод исследования выступлений политиков позволяет изучать способы убеждения адресата.

Когнитивный метод анализа политического дискурса моделирует процесс реализации деятельности политика, способствующий решению его будущих целей, и предсказывает

его последующее действие [9, с. 42]. Когнитивный метод помогает понять, что такие структуры, как речь, мышление, деятельность, взаимосвязаны, характеризуют развитие человеческого интеллекта, национального сознания и в том числе отражение в сознании электората речевой картины политики [9, с. 43].

Дискурс-анализ дает возможность понять функции политического дискурса, связанные с получением власти одних над другими.

К концу XX в. происходит расширение области исследования политического дискурса, и появляются новые направления, продолжающие развивать различные подходы изучения дискурса на основе дискурсивного анализа, например, в англосаксонской и французской лингвистических традициях.

В 2003 г. профессор М. Л. Макаров в своей книге «Основы теории дискурса» отметил, что дискурсивный анализ, формируемый в Великобритании и Америке, характеризуется исследованием языковой коммуникации в естественных условиях, изучением содержательной стороны языкового общения [10, с. 365]. Во французской школе известны подходы к исследованию дискурса на основе дискурсивного анализа – стилистический и идеологический, которые по-разному рассматривают текст/дискурс: как совокупность выразительных средств для определенной коммуникативной цели – при стилистическом подходе; как средства выражения политической позиции – при идеологическом подходе.

В XXI в. англосаксонский путь изучения дискурса, опирающийся на разработки антропологии, психологии и социологии, характеризует специфику использования языка. Французский подход базируется на методологии структурализма, лингвистики и исторического анализа документов. Оба подхода учитывают лингвистические характеристики коммуникации.

Как видно, даже в наши дни в лингвистике обнаруживаются разные способы понимания сущности дискурса. Когнитивно-ориентированный подход дискурсивного анализа, представляющий весьма широкое понимание дискурса, отражается в работах Т. ван Дейка (в более узком смысле дискурсивный анализ рассматривает дискурс как сугубо разговорное явление). Он представляет коммуникативную единицу в виде дискурса, связанного с событиями происходящего, а не в виде текста. Текст осознается тогда, когда мы понимаем ситуацию, о которой идет речь. Тем самым Т. ван Дейк определяет дискурс как речевую реализацию языковой сущности [11, с. 122].

В начале XXI в. в работах отечественных ученых разрабатываются следующие способы дискурс-анализа: коммуникативный, семиотический, когнитивно-дискурсивный, дискурсивно-диалогический, интегративный и каузально-генетический [12, с. 147]. В 2007 г. О. А. Воронкова публикует статью «Дискурс-анализ: риторические и метариторические приемы коммуникации», в которой объясняет содержание теоретических подходов к развитию дискурс-анализа, учитывая коммуникативную сторону речевого взаимодействия, объединяет дескриптивный анализ дискурса и прагматические исследования в единый коммуникативный подход. Согласно О. А. Воронковой, дескриптивный подход изучения дискурсивного анализа связан с классической методикой риторического анализа публичных выступлений, лингвистикой текста [12, с. 167]. Прагматический подход связан с исследованием речевых актов. Когнитивный подход к изучению дискурс-анализа помогает перейти от структуры дискурса к анализу участников общения.

Отметим также, что дискурсивно-диалогический подход согласно идеям крупнейшего мыслителя XX в. М. М. Бахтина о диалогизме текста предполагает рассмотрение особенностей функционирования текста как дискурса в диалогическом общении [13, с. 107].

Дискурс-анализ XXI в. базируется на исследованиях функций языка в социокультурном пространстве. В прагмалингвистике дискурсивный анализ рассматривается как способ исследования языковой деятельности человека: обмена информацией, применения разнообразных коммуникативных стратегий, устной и письменной практики общения [14, с. 157]. Современный дискурс-анализ отвергает постулаты формально-структурной лингвистики, которая предшествовала ему и создала условия для его появления. В рамках функционализма дискурсивный анализ представляет язык как систему знаков, необходимых для осуществления задач, целей и намерений коммуниканта.

Дискурсивный анализ в полной мере применим к политическому дискурсу, в котором исследование функционирования структурных элементов языка с целью понимания логических связей между ними представляется особо важной задачей. Анализ политического дискурса – самостоятельное научное направление в изучении языка, имеющее огромное влияние на другие гуманитарные дисциплины.

Напомним, что возникновение и формирование теории дискурс-анализа объяснялось особыми тенденциями в развитии языкознания в 60–70-х гг. XX в.: представлением речи как социального действия, повышенным вниманием к особенностям ее употребления, исследованием ее характеристик в плотном взаимодействии с другими гуманитарными науками [10, с. 339]. Активно развивались такие направления, как теория речевых актов и логика речевого общения (нашедшие свое отражение среди всего прочего и в работах по аналитической философии).

В рамках французской школы дискурс-анализ развивается как наиболее популярный метод исследования политического дискурса, характеризующегося определенной лексикой и грамматикой, теряющего метафизичность и обретающего определенность, конкретность [14, с. 178]. Одним из самых эффективных подходов к анализу политического дискурса с использованием дискурс-анализа, разработанных Г. Лассуэллом и А. Капланом под влиянием школы аналитической философии, является изучение политических концептов, через призму которых проводится обзор политического мира [6, с. 92].

Дискурсивный анализ, развиваясь и превращаясь в эффективный метод исследования, обретает новые усовершенствованные формы, среди которых особо выделяется критический дискурс-анализ. Его основоположником является британский ученый Н. Фэркло. Критический дискурс-анализ активно применяется Н. Фэркло, а также Р. Водаком и Т. ван Дейком в исследованиях и политического дискурса. Посредством этого метода можно выделить пороговые отношения народа и власти, приводящие к социальным и политическим проблемам [15].

Феномен политического дискурса как явления мышления, общества, языка, культуры обуславливает многообразие методов исследования, среди которых выделяются дискурс-анализ и критический дискурс-анализ. Дискурс-анализ рассматривает когнитивные структуры, отображающие знания человечества о мире, политической картине общества. Критический дискурс-анализ применим к подвижным когнитивным структурам, представленными дискурсом, концептами, фреймами [15].

М. Фуко определяет политический дискурс как явление, объединяющее текст, речь, слово, язык. В рамках критического дискурс-анализа утверждается, что понимание политической картины мира возможно через критическое осмысление языка власти. Критический дискурс-анализ выявляет способы, с помощью которых осуществляется власть. Убеждение, призыв к согласию, навязывание идеологии выражаются в языковых средствах речи, которые помогают внедрить в сознание слушателей определенные представления об общественном устройстве конкретного государства или мира в целом.

Предпримем попытку собственного исследования предвыборной речи Джо Байдена в ноябре 2020 г. с использованием критического дискурс-анализа. Проанализируем его высказывания с точки зрения коммуникативного воздействия на электорат, рассмотрим вербальные и невербальные приемы влияния на аудиторию, вызывающие эмоции у любого слушателя.

Примеры воздействия Джо Байдена на избирателей, его призывы к единству нации:

«We may be opponents – but we are not enemies. We are Americans. Let’s put the anger and the demonisation behind us. It’s time for us to come together as a nation and heal. It’s not gonna be easy, but we have to try» [16].

Байден создает чувства единства и солидарности с помощью личного местоимения «we» и косвенного местоимения «us».

Контакт с аудиторией устанавливается Д. Байденом благодаря глаголу «need»: *«We both know tensions can be high after a tough election, the one like we’ve had. But we need to remember; we need to remain calm, patient, and let the process work out as we count all the votes»* [16].

Бывший вице-президент показывает свое участие в судьбе нации: *«...we need to remember, we need to remain calm»* [16].

Байден с помощью будущего времени выстраивает степень значимости события, давая обещание и завоевывая симпатии электората: *«I will never put the special interests before the national interest. ... My responsibility as president will be to represent the whole nation. And I want you to know that I will work as hard for those who voted against me as for those who voted for me. That’s the job. That’s the job. It’s called a duty of care, for all Americans»* [16].

«I will work as hard for those who voted against me as for those who voted for me» – это высказывание Байдена выражает его личную позицию защиты интересов американцев, его ответственность перед страной. Местоимение «I» играет особую функциональную роль в выступлениях будущего 47-го президента США, которое позволяет ему брать на себя ответственность за свою страну.

«I hope to be talking to you tomorrow. I want to thank you all. May God bless you all, and may God protect our troops» [16]. Благодаря неоднократным повторам и ярким образам: *«May God bless you all, and may God protect our troops»*, – Байден усиливает экспрессивность своего выступления, программируя американцев на счастливое будущее. *«We just need to remember who we are. This is the United States of America, and there has never been anything, anything we’ve been unable to do when we’ve done it together»* [16].

Использование критического дискурс-анализа позволяет обнаружить скрытые интересы политика, идеологические тактики и стратегии, приемы манипулирования и воздействия на электорат, примененные в политическом дискурсе.

Заключение. В результате анализа методик исследования политического дискурса можно говорить о выявлении наиболее эффективного метода – дискурс-анализа.

Исследование политического дискурса традиционно осуществляется на разных уровнях, однако выделяемый дискурсивный уровень по сравнению с когнитивным и риторическим является самым эффективным.

По результатам анализа научных работ о лингвистических методах исследования политического дискурса мы склонны заключить, что дискурс-анализ значительно отличается от когнитивного метода, направленного на анализ мыслительного процесса, который является и объектом, и субъектом политики достижения власти. Когнитивный метод дает картину политической обстановки, окружающего мира, определяет человеческие ценности.

Также существуют различия между когнитивным и риторическим подходами к исследованию политического дискурса. Риторический метод анализирует конструкции речи, вербальные метафоры, понятные электорату; когнитивный изучает вербальные и невербальные метафоры, сосредоточенные больше на мыслительном уровне, чем на языковом.

Большинство методов исследования политического дискурса имеют схожую методологическую структуру и базируются на риторическом и когнитивном методах. Риторический метод исследования политического дискурса был самым популярным среди остальных методологических подходов до 90-х гг. XX в. К концу 1990-х гг. когнитивный метод анализа политического дискурса становится популярнее, чем риторический, поскольку позволяет анализировать политические метафоры более детально.

Однако дискурс-анализ дает возможность исследовать политический дискурс на качественно ином уровне, чем риторический и другие лингвистические методы. Дискурс-анализ можно представить, по всей видимости, как метод исследования скрытых смыслов в политике.

В результате изучения 80 работ, посвященных методикам исследования политического дискурса с использованием сравнительного и количественного методов анализа, выяснилось, что авторы статей, преимущественно лингвисты, использовали следующие подходы: дискурс-анализ – в 65 статьях (81,2 %), когнитивный метод – в 13 статьях (16,2 %), риторический метод – в 2 статьях (2,5 %). Эти цифры позволяют сделать вывод о том, что когнитивный и риторический методы применяются учеными с известной частотой, но дискурс-анализ используется в большинстве работ, т. е. считается наиболее эффективным.

Исследования политического дискурса способствуют появлению и развитию новых эффективных методов дискурс-анализа, например метода критического дискурс-анализа, и имеют высокую практическую значимость для общественно-политической деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm> (дата обращения: 22.10.2020).
2. Foucault M. P. *L'archéologie du savoir*. Paris: Gallimard, 1969. URL: https://monoskop.org/images/b/b7/Foucault_Michel_L_archeologie_du_savoir.pdf (дата обращения: 19.11.2020).
3. Гаврилова М. В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа // Полис. 2004. № 3. С. 127–139. DOI: 10.17976/jpps/2004.03.13.
4. Аристотель. Риторика / пер. с англ. Н. Платоновой // Античные риторики / под ред. А. А. Тахо-Годи. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. С. 15–166.

5. Карасик В. И. Языковые ключи. М.: Гнозис, 2009.
6. Lasswell H. The Structure and Function of Communication in Society // The Process and Effects of Mass Communication / ed. by W. Schramm, D. F. Roberts. Chicago: University of Illinois Press, 1971. P. 84–99.
7. Harris Z. S. Discourse Analysis // Language. 1952. Vol. 8, no 1. P. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.2307/409987>.
8. Fauconnier G. Generalized Integration Networks // New Directions in Cognitive Linguistics / ed. by V. Evans, S. Pourcel. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2009. P. 147–160. DOI: <https://doi.org/10.1075/hcp.24>.
9. Петров В. В. Язык и логическая теория: в поисках новой парадигмы // Вопросы языкознания. 1988. № 2. С. 39–48.
10. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2013.
11. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / пер. с англ. В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1989.
12. Милевская Т. В. О понятии «дискурс» в русле коммуникативного подхода // Коммуникация: практика и теория в различных социальных контекстах «Коммуникация–2002»: материалы I междунар. конф., Пятигорск, 3–6 июня 2002 г. / ПГЛУ. Пятигорск, 2002. Ч. 1. С. 188–190.
13. Лурия А. Р. Язык и сознание / под ред. Е. Д. Хомской. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979.
14. Михалева О. Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009.
15. Водак Р. Специальный язык и жаргон: о типе текста «партийная программа» // Язык. Дискурс. Политика / пер. с англ. и нем. В. И. Карасика, Н. Н. Трошиной. Волгоград: Изд-во «Перемена», 1997. С. 21–32.
16. Joe Biden Defeats Donald Trump in 2020 Presidential Election: Artists React // Billboard. 2020. URL: <https://www.billboard.com/articles/news/9479373/joe-biden-wins-president-2020-election/> (дата доступа: 08.11.2020).

Информация об авторе.

Демкина Яна Юрьевна – аспирантка кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 3 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, концепты и константы английского языка, грамматика английского языка, грамматика германских языков, анализ политических текстов, политический дискурс, дискурсивный анализ. E-mail: yanademkina@mail.ru

REFERENCES

1. Budaev, E.V. and Chudinov, A.P. (2006), *Sovremennaya politicheskaya lingvistika* [Modern political linguistics], Ekaterinburg, RUS, available at: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm> (accessed 22.10.2020).
2. Foucault, M.P. (1969), *L'archéologie du savoir*, Gallimard, Paris, France, available at: https://monoskop.org/images/b/b7/Foucault_Michel_L_archeologie_du_savoir.pdf (accessed 19.11.2020).
3. Gavrilova, M.V. (2004), "Political discourse as a linguistic analysis object", *Polis*, no. 3, pp. 127–139. DOI: 10.17976/jpps/2004.03.13.
4. "Aristotle. Rhetoric" (1978), *Antichnye ritoriki* [Ancient rhetoric], Transl. by Platonova, N., in Takho-Godi, A.A. (ed.), Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, USSR, p. 15–166.
5. Karasik, V.I. (2009), *Yazykovye klyuchi* [Language keys], Gnozis, Moscow, RUS.

6. Lasswell, H. (1971), "The Structure and Function of Communication in Society", *The Process and Effects of Mass Communication*, in Schramm, W. and Roberts, D.F. (eds.), University of Illinois Press, Chicago, USA, pp. 84–99.

7. Harris, Z.S. (1952), "Discourse Analysis", *Language*, vol. 8, no. 1, pp. 1–30. DOI: <https://doi.org/10.2307/409987>.

8. Fauconnier, G. (2009), "Generalized Integration Networks", *New Directions in Cognitive Linguistics*, in Evans, V. and Pourcel, S. (eds.), John Benjamins, Amsterdam, Philadelphia, pp. 147–160. DOI: <https://doi.org/10.1075/hcp.24>.

9. Petrov, V.V. (1988), "Language and logical theory: In search of a new paradigm", *Voprosy yazykoznaniiya* [Questions linguistics], no. 2, pp. 39–48.

10. Makarov, M.L. (2003), *Osnovy teorii diskursa* [Basics of discourse theory], Gnozis, Moscow, RUS.

11. Van Dijk, T.A. (1989), *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication], Transl. by Gerasimov, V.I., Progress, Moscow, USSR.

12. Milevskaya, T.V. (2002), "On the concept of "discourse" in the direction of the communicative approach", *Kommunikatsiya: praktika i teoriya v razlichnykh sotsial'nykh kontekstakh «Kommunikatsiya-2002»* [Communication: Practice and theory in various social contexts "Communication-2002"], *I Mezhdunarodnaya konferentsiya* [The I International Conference], part 1, Pyatigorsk, RUS, 03–06 June 2002, pp. 188–190.

13. Luriya, A.R. (1979), *Yazyk i soznanie* [Language and consciousness], in Khomskaya, E.D. (ed.), Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, USSR.

14. Mikhaleva, O.L. (2009), *Politicheskii diskurs. Spetsifika manipulyativnogo vozdeistviya* [Political discourse. Specificity of manipulative effects], Librokom, Moscow, RUS.

15. Vodak, R. (1997), "Special language and jargon: about the type of text "Party Program"", *Yazyk. Diskurs. Politika* [Language. Discourse. Politics], Transl. by Karasik, V.I. and Troshina, N.N., Peremena, Volgograd, RUS, pp. 21–32.

16. "Joe Biden Defeats Donald Trump in 2020 Presidential Election: Artists React" (2020), *Billboard*, available at: <https://www.billboard.com/articles/news/9479373/joe-biden-wins-president-2020-election/> (accessed 08.11.2020).

Information about the author.

Yana Yu. Demkina – Postgraduate Student at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 3 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, English concepts and constants, grammar of English language, grammar of Germanic languages, analysis of political texts, political discourse, discursive analysis. E-mail: yanademkina@mail.ru

Метафорическая репрезентация миграционного кризиса как природного явления водной стихии (на материале англоязычных медиатекстов)

Н. В. Степанова✉

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

✉nathalie.tresjolie@icloud.com

Введение. Настоящая статья посвящена критическому анализу американского медиаполитического дискурса в контексте миграционного кризиса и представляет собой фрагмент масштабного исследования миграционного, медиаполитического и кризисного дискурса, а также дискурса вражды. Актуальность исследования миграционного дискурса представляется очевидной, поскольку миграционные процессы, и в частности миграционный кризис, оказывают значительное воздействие на современное общество и ставят перед политическими деятелями ряд серьезных, подчас неразрешимых вопросов. В статье приводится анализ стратегии оценочного информирования, а также выявляется роль когнитивной метафоры в реализации данной стратегии и соответствующих тактик. Рассмотрение актуализации стратегий и тактик миграционного дискурса на лингвокогнитивном уровне, в контексте теории концептуальной интеграции позволяет выделить различные способы метафорического осмысления миграции и миграционного кризиса, что и составляет новизну данного исследования.

Методология и источники. Исследование проводилось на материале американских периодических изданий. Тексты отбирались методом сплошной выборки. В данной статье проиллюстрированы некоторые наиболее репрезентативные результаты проведенного исследования на основании анализа около 30 страниц медиатекстов. Исследование осуществлялось в контексте критического подхода к анализу дискурса на лингвистическом и лингвокогнитивном уровнях. Лингвистический план дискурса рассматривался посредством изучения коммуникативных стратегий и тактик, задействованных в медиатекстах, при помощи методов дискурсивного анализа, с применением на отдельных этапах семантико-стилистического и лексико-семантического анализа. Основным методом исследования лингвокогнитивного плана дискурса был избран когнитивно-дискурсивный анализ концептуальной метафоры в рамках теории блендинга.

Результаты и обсуждение. В американском миграционном дискурсе широкое распространение получила персуазивная стратегия, которая часто реализуется при помощи стратегии оценочного информирования. Одним из основных средств реализации данной стратегии является механизм когнитивной метафоры. Концептуальные признаки, выявленные в ходе анализа метафоры как природного явления водной стихии, обусловлены природными характеристиками воды как жидкости и соотносятся с численностью мигрантов: нагревание воды до температуры кипения коррелирует с критической массой количества мигрантов, резкий прорыв воды через дамбу – с чрезмерным ростом численности мигрантов. Также выделенные концептуальные признаки

связаны с эффектом неожиданности происходящего (приток мигрантов, как прорыв дамбы), постепенного и незаметного развития событий (подрыв устоев общества и угнетение мигрантов, как медленное разрушение почвы грунтовыми водами).

Заключение. Миграционный кризис представляет собой одну из ключевых социальных проблем современного американского общества. Исследование, проведенное в рамках теории блендинга, дает возможность выявлять конкретные способы метафоризации миграционного кризиса и подвергать анализу различные импликации и фоновые знания, актуализируемые по мере реализации двух сценариев одной метафоры и отображаемые в эмерджентной структуре бленда.

Ключевые слова: когнитивная метафора, метафора природного явления, метафора водной стихии, теория концептуальной интеграции, дискурс, миграционный дискурс, кризисный дискурс, критический дискурс-анализ, стратегии, тактики, медиатекст, медиадискурс, медиаполитический дискурс.

Для цитирования: Степанова Н. В. Метафорическая репрезентация миграционного кризиса как природного явления водной стихии (на материале англоязычных медиатекстов) // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 3. С. 103–117. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-103-117

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 15.03.2021; принята после рецензирования 22.04.2021; опубликована онлайн 24.06.2021

Metaphorical Representation of the Migration Crisis as a Natural Phenomenon of the Water Element (Based on American Media Texts)

Nataliia V. Stepanova✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉nathalie.tresjolie@icloud.com

Introduction. This article is devoted to the consideration of American media-political discourse in the context of the migration crisis and is a fragment of a large-scale study of migration, racist, media-political and crisis discourse, as well as the discourse of enmity. The relevance of the study of migration discourse is evident, as migration processes and, in particular, the migration crisis have a significant impact on modern society and raise a number of serious, sometimes unmanageable issues for politicians. The article provides an analysis of discursive strategies typical of migration discourse, including an evaluation information strategy and discrediting tactics, as well as the role of cognitive metaphor in their implementation. Consideration of the actualization of migration discourse strategies at the linguistic-cognitive level, in the context of the theory of conceptual integration, allows us to distinguish various ways of metaphorical understanding of migration and the migration crisis, which constitutes the novelty of this study.

Methodology and data sources. The study was conducted using the American periodicals. Texts were selected by a continuous sampling method. The study was conducted in the context of a critical approach to the analysis of discourse at the linguistic and linguistic-cognitive levels. The linguistic plan of the discourse was considered through the study of communicative strategies and tactics involved in media texts, using methods of discursive analysis, and semantic-stylistic/lexico-semantic analysis at certain stages. The main method of studying the linguistic-cognitive plan of discourse was cognitive-discursive analysis of the conceptual metaphor within the framework of the blending theory.

Results and discussion. In the American migration discourse, a persuasive strategy has become widespread, which is often implemented through the evaluation information strategy. One of the main means of implementing the evaluation information strategy is the mechanism of cognitive metaphor. The conceptual signs identified during the analysis of the metaphor as a natural phenomenon of the water element can be explained by the natural characteristics of water as liquid and correlate with the number of migrants: the heating of water to the boiling point correlates with the critical mass of the number of migrants, the sharp breakthrough of water through the dam is compared to an excessive increase in the number of migrants. Also, the identified conceptual signs are associated with the effect of the surprise of what is happening (an unexpected influx of migrants as a bursting of the dam), a gradual and inconspicuous development of events (undermining the foundations of society and oppressing migrants as a slow destruction of soil by groundwater).

Conclusion. The migration crisis is one of the key social problems of modern American society. The research conducted within the framework of blending theory provides an opportunity to identify specific ways of metaphorizing the migration crisis and to analyze various implications and background knowledge that are actualized as two scenarios of the same metaphor are implemented and displayed in the emergent structure of the blend.

Key words: cognitive metaphor, metaphor of natural phenomenon, metaphor of water element, conceptual integration theory, discourse, migration discourse, crisis discourse, critical discourse analysis, strategies, tactics, media text, media discourse, media-political discourse.

For citation: Stepanova N. V. Metaphorical Representation of the Migration Crisis as a Natural Phenomenon of the Water Element (Based on American Media Texts). DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 3, pp. 103–117. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-103-117 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 15.03.2021; adopted after review 22.04.2021; published online 24.06.2021

Введение. Основная черта критического анализа медиадискурса, в отличие от дескриптивного подхода, заключается не столько в стремлении описать социальные явления, сколько «проследить роль СМИ в воспроизводстве социального, гендерного, расового или этнического неравенства. Согласно данному подходу, ученый не может занимать позицию безучастного наблюдателя, а должен вскрывать и критиковать дискурсивные механизмы, которые позволяют воспроизводить неравенство с помощью СМИ» [1].

Специалисты по критическому дискурс-анализу (КДА) выявляют, каким образом дискурс власти и медиадискурс формируют выгодные в текущей политической ситуации образы рабочих, бездомных, мусульман, секс-меньшинств, изучают дискурсивные проявления ксенофобии по отношению к мигрантам в медиадискурсе и политическом дискурсе, а также рассматривают расистский и националистический дискурсы, в которых открыто культивируется «язык ненависти» (hate speech) к мигрантам [1]. В миграционном дискурсе, так же как в политическом, кризисном, расистском и других, происходит систематическое разворачивание персуазивной стратегии, которая реализуется через частную стратегию оценочного информирования и объединяет две тактики – тактику положительной самопрезентации и тактику дискредитации Других.

При исследовании миграционного дискурса разграничиваются номинативные единицы, обозначающие иммиграцию, принимающую страну и самих иммигрантов, лексические единицы, выражающие определенное отношение к иммигрантам и характеризующие политику государства. При этом на первый план выходят лексические способы создания оппозиции «свой–чужой» [2]. Особый интерес при исследовании дискурсивных стратегий представляет когнитивная метафора, анализ актуализации которой позволяет проследить механизм формирования различных образов в дискурсивном пространстве медиатекста. В ходе анализа концептуальных метафор в миграционном дискурсе исследователи выделяют три основные группы: метафоры, олицетворяющие природные явления и стихийные бедствия, военные и товарно-вещевые метафоры [3]. Военная метафора (милитарная/метафора вторжения) является одной из наиболее частотных при описании иммиграции. К другим распространенным метафорам, описывающим большие группы иммигрантов или людей, находящихся в поисках убежища, относится метафора «угрожающее жизни количество воды или снега», в котором Мы можем утонуть: волны, наводнения, лавины и т. д. При этом используется так называемая «игра чисел» – стратегия, посредством которой можно сделать акцент на количестве иммигрантов в обществе, постоянно подчеркивая, сколько новых людей прибыло [4].

Методология и источники. Материалом исследования послужили статьи на английском языке, опубликованные в американских периодических изданиях: The New York Times, The Washington Post, CNN. Тематически медиатексты затрагивают различные вопросы, связанные с миграцией, миграционным кризисом, а также актуальные политические вопросы. В рассмотренном корпусе текстов наблюдается разнообразие типов дискурса: миграционный, медиаполитический, кризисный, расистский, дискурс вражды. Во многих случаях можно говорить о контаминации дискурсов, поскольку их четкое разграничение и выделение определенного типа дискурса не всегда является очевидным. Ключевым критерием отбора медиатекстов для данного исследования – акцентирование в содержании статьи вопросов миграционной политики, миграционного кризиса и иных проблем, имеющих отношение к миграционной тематике. Тексты отбирались методом сплошной выборки. В большинстве случаев речь в статьях идет о миграционной политике экс-президента США Дональда Трампа в противовес действиям недавно избранного президента Джо Байдена.

Исследование проводилось в контексте критического подхода к анализу дискурса на лингвистическом и лингвокогнитивном уровнях. Собственно лингвистический план дискурса рассматривался посредством изучения коммуникативных стратегий и тактик, задействованных в медиатекстах, при помощи методов дискурсивного анализа, с применением на отдельных этапах семантико-стилистического и лексико-семантического анализа. Основным методом исследования лингвокогнитивного плана дискурса является когнитивно-дискурсивный анализ концептуальной метафоры в рамках теории блендинга. Исследование, проведенное в контексте Теории концептуального смешения, позволяет выявлять конкретные способы метафоризации миграционного кризиса, а также подробно анализировать различные импликации и фоновые знания, актуализируемые по мере реализации двух сценариев одной метафоры в результате осуществления операций композиции и завершения и отображаемые в эмерджентной структуре бленда. Благодаря этому очевидно, как

именно в сознании читателя формируется образ такого сложного и комплексного образования, как миграционный кризис, на основании его сравнения с простыми, понятными, осязаемыми природными явлениями [5]. Рассмотренные в настоящей статье метафоры относятся к группе олицетворяющих природные явления и стихийные бедствия, при этом во всех исследованных примерах метафорического осмысления миграции присутствует обращение к водной стихии. Отобранные метафоры принадлежат к разряду авторских: во внимание не принимались типичные для миграционного дискурса метафоры (*influx, surge, stream* и др.), их анализу будут посвящены отдельные статьи.

Результаты и обсуждение. Фокус внимания в рассмотренных медиатекстах направлен на миграционную политику американских президентов, на те ошибки, которые в отношении мигрантов совершил Д. Трамп, и те последствия, с которыми в результате придется разбираться Д. Байдену. Избранные авторами текстов стратегии и тактики направлены главным образом на репрезентацию фигур упомянутых политических деятелей в попытке выявить различия в их миграционной политике. В проанализированных текстах нередко наблюдается последовательная реализация основной и одной или нескольких вспомогательных стратегий на протяжении всей статьи. Стратегия оценочного информирования, тактики дискредитации и положительной самопрезентации, а также тактика политического размежевания относятся к ключевым в данном фрагменте исследования. В актуализации стратегий и соответствующих тактик участвуют разнообразные лексико-синтаксические и стилистические средства, а также когнитивная метафора, при реализации которой происходит сопоставление миграции, мигрантов, миграционного кризиса и других лиц и событий с явлениями водной стихии. Обратимся к примерам анализа стратегий на лингвистическом и лингвокогнитивном уровнях.

Метафорическая репрезентация миграционного процесса довольно любопытна в следующем предложении, где большой приток мигрантов сопоставляется с прорывом дамбы (*dam-bursting*): (1) *But Mexican officials have private concerns that any moves to revoke Trump's enforcement mechanisms too quickly could have a dam-bursting effect at their southern border, unleashing pent-up demand from desperate Central Americans* [6]. Предложение насыщено эмоционально окрашенной лексикой: *concerns, desperate, enforcement*. Любые попытки отменить принудительные механизмы Трампа в слишком короткие сроки сопоставляются с эффектом прорыва дамбы на южной границе США, поскольку отчаявшиеся мигранты из Центральной Америки давно ждут возможности воспользоваться таким послаблением. Рассмотрим механизм концептуализации перехода миграционного потока через границу как прорыв дамбы: *Migration process is a dam bursting*.

При реализации метафоры *Migration process is a dam bursting* происходит актуализация двух сценариев, в ходе которой сложный процесс миграции метафорически сопоставляется с понятным каждому читателю явлением прорыва дамбы (рис. 1). При этом формируются два ментальных пространства: *migration* и *dam*. Рассмотрим те причинно-следственные связи и ценностные коннекторы, которые связывают эти пространства и в итоге приводят к образованию бленда. Здесь главным образом обнаруживаются витальные отношения аналогии, упрощенного пространства и упрощенного времени. С точки зрения времени прорыв дамбы представляет собой неожиданное событие, которое, как правило, застает местных жителей врасплох. Подобная коннотация в процессе межпространственного отображения,

сообщается и пространству *migration*, в результате чего возникает восприятие миграции как явления, к которому американцы не были готовы, которое нарушает мирный ход событий, ставит точку в размеренной жизни общества.

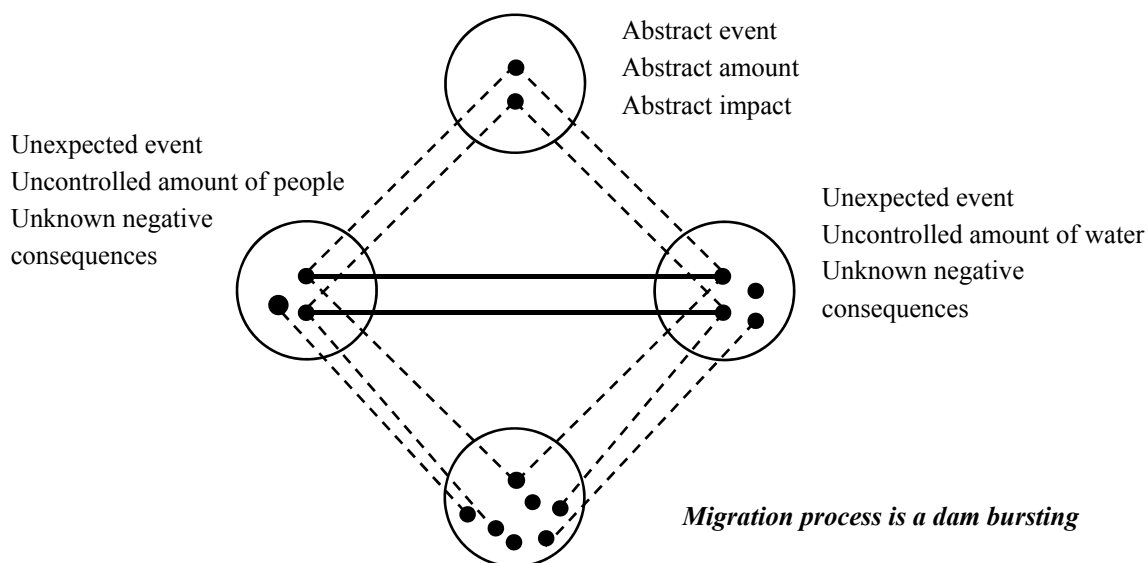

Рис. 1. Сеть концептуальной интеграции для *Migration process is a dam bursting*
Fig. 1. Conceptual integration process for *Migration process is a dam bursting*

Отношения пространства позволяют представить границу США с Мексикой как дамбу, в определенном месте которой вдруг происходит прорыв. Такое сравнение является максимально ярким и наглядным. Наконец, сходство двух пространств, очевидно, можно рассматривать с двух позиций. Во-первых, так же как и в случае с типичными для миграционного дискурса метафорами (*influx*, *surge*, *stream*), здесь вода и ее количество не поддаются контролю человека. В ходе операции композиции осуществляется проецирование содержания одного исходного пространства в другое и дальнейшее смешение в бленде, где в эмерджентной структуре миграционный процесс, подобно воде, прорвавшейся сквозь дамбу, также контролировать невозможно. Однако в контексте прорыва дамбы сходство пространств представляется очевидным еще и с точки зрения последствий, которые вырвавшаяся из-под контроля вода окажет на всю прилегающую территорию, а возможно, и инфраструктуру. Прорыв дамбы может привести к самым плачевным результатам, например, к разрушению зданий, экологической катастрофе и даже гибели большого количества людей. Эти и подобные допущения в процессе операции завершения дополняются фоновыми знаниями и когнитивными моделями и далее, в процессе операции развития происходит формирование готового бленда, в эмерджентной структуре которого миграционный процесс приравнивается к прорыву дамбы. Аудитория медиатекста воспринимает эту метафору именно в таком виде. Сравнение миграционных потоков с прорывом дамбы, с одной стороны, укладывается в рамки метафоры водной стихии, а с другой – представляет собой весьма редкий, авторский вариант актуализации этой метафоры. Когнитивная метафора вместе с лингвистическими средствами репрезентации миграционного потока способствует успешной имплементации *стратегии оценочного информирования*.

Проблемы, связанные с миграцией, не ограничиваются лишь взаимоотношениями США с Мексикой. Так, в одном из медиатекстов приводится пример антимиграционной

политики властей Гондураса: (2) *«Our message to the Honduran people is, “Stay at home, in our native Honduras, the country where God has allowed us to live”» – Nelly Jerez, Honduras’s assistant secretary of foreign affairs, said on local television in October [6].* В данном фрагменте заместитель министра иностранных дел Гондураса эксплицирует своему народу посыл, суть которого заключается в том, что необходимо «оставаться дома, в родном Гондурасе, где сам Господь Бог позволил нам жить». Здесь реализуется *стратегия оценочного информирования*: посредством *тактики политического размежевания* власти страны имплицитно запугивают свой народ, противопоставляя нас незнакомой, чужой стране (им). Создание при помощи лексических средств оппозиции «свой–чужой» представляет собой типичный элемент дискурса вражды. В столь коротком предложении дважды используется местоимение *our*, один раз местоимение *us*. Прилагательное *native* подкрепляет призыв оставаться дома (*Stay at home*). И в завершение этого по своей сути манипулятивного обращения происходит воззвание к Богу («который позволил нам здесь жить»), что, несомненно, еще раз акцентирует внимание адресата на том, как прекрасна страна Гондурас и как невероятно счастливы должны быть все ее жители. Применение *тактики положительной самопрезентации* «нас» на контрасте с *дискредитацией* «их» в рассматриваемом примере также очевидно.

В рамках следующего фрагмента медиатекста происходит объединение трех ключевых социальных проблем, стоящих перед Соединенными Штатами в настоящее время: природные катаклизмы (ураган), финансовые ограничения, связанные с пандемией, и рост числа мигрантов: (3) *Along with the large-scale damage wreaked by Hurricanes Eta and Iota and the financial squeeze inflicted by the pandemic, many community leaders across Central America are expecting an increase in emigration [6].* Соответствующие коннотации подкрепляются и контекстом, где при описании мироощущения потенциальных мигрантов использовано слово отчаяние (*desperation*) [6]. В заголовке одного из медиатекстов также продемонстрирована корреляция роста количества мигрантов на границе с Мексикой и пандемии, которая опустошает Латинскую Америку: (4) *Experts project increase in migrants at US-Mexico border as pandemic devastates Latin America [7].* В подзаголовке раскрывается суть приведенной идеи: (5) *Immigration experts are expecting an increase in the number of migrants journeying to the US-Mexico border in the coming months following the devastating impact of the coronavirus pandemic on Latin America [7].* В данных примерах актуализована *стратегия оценочного информирования*, основанная на сопоставлении очевидно негативных явлений (ураган и вызванный пандемией экономический кризис) с явлением миграции, которое само по себе не может быть описано как сугубо отрицательное.

В одной из рассматриваемых статей представлена метафора *pipeline of refugees*, актуализация которой позволяет сопоставить поток мигрантов с потоком воды, текущей по трубам: (6) *The diversion of refugee officers to work on asylum cases the past two years has also left the pipeline largely void of refugees who are advanced in the system, the source said [8].* Обратимся к тому, как данная метафора реализуется в дискурсе медиатекста (рис. 2).

Актуализация метафоры *Refugees are a flow going along a pipeline* осуществляется по схеме, сходной со схемой концептуализации распространенных в миграционном дискурсе метафор *Migration is a stream/flow/influx/surge*. Аналогия между пространствами основана на непонятном и неуправляемом количестве воды в первом случае и людей (мигрантов) – во втором. Однако здесь появляется новый элемент – *pipeline*, т. е. трубопровод, гидросистема

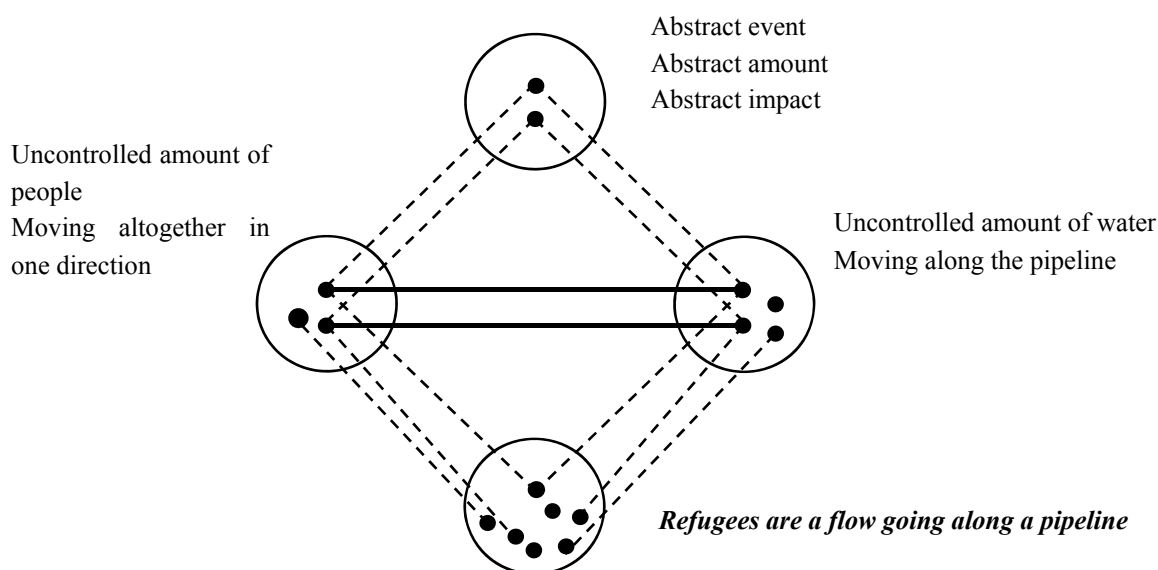

Рис. 2. Сеть концептуальной интеграции для *Refugees are a flow going along a pipeline*
Fig. 2. Conceptual integration process for *Refugees are a flow going along a pipeline*

или просто труба, по которой течет вода. Межпространственное отображение приводит к тому, что миграционный поток начинает восприниматься как вода, текущая по трубам. Витальные отношения упрощенного пространства становятся неким ограничителем общего количества мигрантов (воды), которые теперь движутся все вместе в одном и том же направлении, и это придает всей ситуации иллюзию контроля (ср. с водой, вырвавшейся наружу после прорыва дамбы – пример (1)).

Далее в статье приводится цитата, в которой присутствует любопытная метафора *a pressure valve* (клапан регулирования давления, предохранительный клапан), позволяющая вновь провести параллель между потоком мигрантов и большим количеством воды, которое необходимо держать под контролем в нужном месте, чтобы предотвратить возможный кризис: (7) *The former DHS official echoed that concern: «You have to have a pressure valve in place before you start unwinding down these policies or you'll allow a crisis to generate»* [8]. Метафора *a pressure valve* формирует в предложении образ водонагревателя (бойлера) или другого подобного устройства для непрерывного нагрева воды в системе водоснабжения. Таким образом «водная» метафора в этом случае приобретает новые необычные краски: мигранты и миграционный процесс сопоставляются не просто с потоком воды, а с жидкостью определенного объема, нагреваемой специальной техникой. Метафора реализуется в контексте статьи максимально широко и развернуто. Рассмотрим, как именно это происходит (рис. 3). Актуализация метафоры *Migrants is a boiler* приводит к образованию двух исходных пространств: миграция (мигранты), с одной стороны, и водонагреватель (бойлер), с другой. Свойства водонагревателя в пространстве 2, в ходе межпространственной проекции переходят в пространство 1, в результате чего границы государства (или еще один вариант творческого осмысления метафоры: политические действия США) начинают отождествляться с бойлером, в котором нагревается вода (мигранты). При этом меры противодействия миграционному процессу на границе метафорически сравниваются с клапаном регулирования давления.

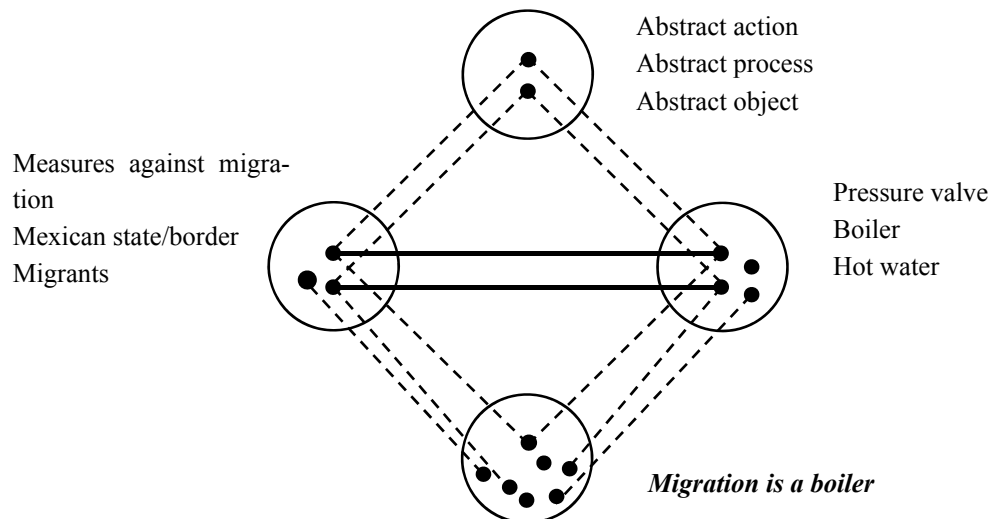

Рис. 3. Сеть концептуальной интеграции для *Migration is a boiler*
Fig. 3. Conceptual integration process for *Migration is a boiler*

Таким образом, витальные отношения, связывающие два исходных пространства, не сводятся лишь к аналогии, но проявляются также и с точки зрения упрощенного пространства (метафора-контейнер), поскольку мигранты и их передвижение ограничены пределами мексиканского государства (или политикой лидеров США), как вода ограничена размерами водонагревателя. Отношения упрощенного времени здесь проявляются в том, что процесс нагревания воды в бойлере является конечным: в определенный момент она достигнет точки кипения. Подобное допущение дополняется фоновыми знаниями в эмерджентной структуре бленда и оказывается, что количество мигрантов также достигнет «точки кипения», т. е. достигнет критической массы, и контролировать такое количество людей будет крайне сложно или даже невозможно. Фраза *You don't want a surge to happen before you're ready to handle it* [8] описывает подобную гипотетическую ситуацию тревожного будущего. Для того чтобы предотвратить такой исход, авторы статьи предлагают *to have a pressure valve in place before you start unwinding down these policies* (вернуть предохранительный клапан в нужное место, прежде чем приступить к разворачиванию этих политических действий) [8]. Клапан давления, таким образом, отождествляется с осторожностью, с осмысленными благоразумными мерами по сдерживанию миграционного кризиса. Итак, одна короткая метафора *pressure valve* запускает активацию целого ряда метафор в дискурсивном пространстве медиатекста и способствует созданию объемного образа миграции как явления весьма опасного, требующего осторожного, осмысленного отношения и вызывающего массу волнений. В данном случае также можно говорить о реализации *стратегии оценочного информирования* посредством когнитивной метафоры.

В продолжение темы автор медиатекста дважды реализует *тактику дискредитации*, направленную против Трампа: (8) *If confirmed, Mayorkas will take over a department that has been dragged into politics as it implemented Trump's aggressive agenda to limit immigration, ramp up immigration enforcement and build a wall on the southwest border* [8]. (9) *<...> And a moral driver after the harm that's been done to immigrants by the Trump administration...* [8]. В первом примере авторы дают оценку действиям Трампа, акцентируя внимание читательской

аудитории на агрессивной повестке экс-президента США по ограничению миграционного потока, что, по сути, привело к воздвижению «стены» на юго-западной границе государства. Во втором примере приводится прямая цитата вице-президента одной из групп правозащитной деятельности Alida Garcia, в которой также эксплицитно высказывается оценочное суждение в отношении миграционной политики бывшего президента страны и того «ущерб, который был нанесен мигрантам администрацией Трампа».

Традиционная для миграционного дискурса метафора *Ebbs and flows* (взлеты и падения, приливы и отливы) выглядит в медиатексте следующим образом: (10) *Ebbs and flows in migration are common, but after a pandemic that's taken the lives of thousands in Latin America, border experts expect that upward trend to continue as restrictions in Central America are eased* [7]. После того, как от пандемии пострадали и погибли тысячи жителей Латинской Америки, эксперты ожидают продолжения тенденции роста количества мигрантов, связанного с ослаблением ограничительных мер. Обратимся к метафоре, которая позволяет сопоставить миграцию с морем, а именно с приливами и отливами. В пределах данной метафоры весь миграционный процесс отождествляется с морем, а рост/снижение количества мигрантов – с приливами и отливами. В эмерджентной структуре бленда, в процессе операций композиции, завершения и развития оказывается, что миграционный процесс бесконечный и бескрайний, как море, границ которого не видно. Приливы и отливы представляют собой периодические колебания уровня моря (океана), которые возможно предсказать и предвидеть заранее. Данное допущение вызывает ощущение контроля над ситуацией с потоками мигрантов (рис. 4).

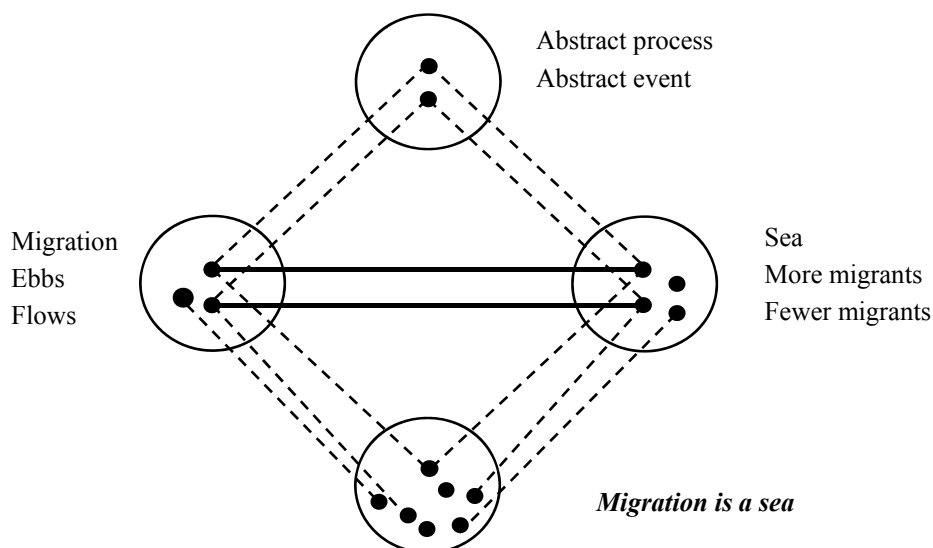

Рис. 4. Сеть концептуальной интеграции для *Migration is a sea (ebbs and flows)*
Fig. 4. Conceptual integration process for *Migration is a sea (ebbs and flows)*

Наконец, рассмотрим еще один способ метафорического осмысления миграции в статье: (11) *History has shown that accepting the existence of widespread, legal forms of inequality can undermine a society from within, undoing its sense of right and wrong* [9]. В этом случае очевидно применение стратегии оценочного информирования, которая реализуется посредством тактики обращения к истории (точнее, упоминания истории без приведения каких-либо фактов). Метафора *undermine a society from within* может быть интерпретиро-

вана разными способами. С одной стороны, *undermine* означает *подрывать* основы или устои общества, а с другой – *подтачивать*, *подмывать*, и в этом последнем случае вновь появляется метафора, связанная с водной стихией: общество сопоставляется с почвой, а узаконенные формы неравенства – с грунтовыми (подземными) водами. Разберем метафору *Legal forms of inequality are ground waters* (рис. 5).

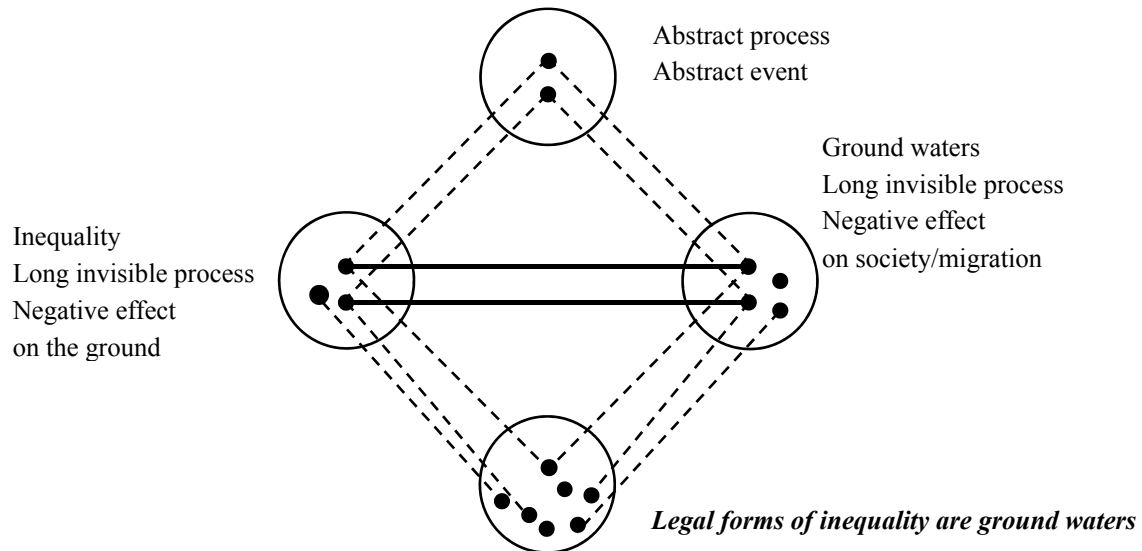

Рис. 5. Сеть концептуальной интеграции для *Legal forms of inequality are ground waters*
Fig. 5. Conceptual integration process for *Legal forms of inequality are ground waters*

Узаконенные формы неравенства (исходное пространство 1) метафорически сопоставляются с грунтовыми водами (исходное пространство 2). Такое сравнение становится возможным благодаря существованию между пространствами витальных отношений упрощенного времени, упрощенного пространства и аналогии, которые играют ключевую роль в межпространственном отображении: грунтовые воды находятся в толще земной коры и, как правило, заполняют трещины в породах, оказывая разрушительное воздействие на различные, в том числе достаточно прочные, строительные материалы.

Данные допущения проецируются на исходное пространство 1, в котором узаконенные формы неравенства начинают восприниматься как процессы, постепенно и незаметно подтачивающие устои общества, а в данном случае – главным образом права мигрантов. Принципиально важным в формировании бленда представляется именно эффект постепенного (растянутого во времени) и незаметного (скрытого под поверхностью земли) воздействия грунтовых вод (форм неравенства) на почву, строительные материалы (общество/миграционный процесс). Вторым по значимости когнитивным признаком является разрушительный характер такого воздействия: при возведении сооружений грунтовые воды исследуют на агрессивность. Данное допущение в ходе операций композиции, завершения и развития высвечивается в смешанном пространстве, где влияние разнообразных форм неравенства и дискриминации приобретает исключительно отрицательные черты.

Важно отметить, что рассмотренная метафора участвует в концептуализации не явления миграции *per se*, а сопутствующих ему явлений: применение данной метафоры позволяет создать в дискурсивном пространстве медиатекста объемный образ несправедливости, неравенства и других, подчас узаконенных форм угнетения и дискриминации мигрантов.

Метафора способствует реализации *стратегии оценочного информирования*, которая разными способами имплементируется в статье и нацелена на убеждение читателя в том, что американское общество традиционно было и остается высоко демократичным. В связи с этим важно отойти от мер, принятых Трампом, и сделать ряд шагов навстречу мигрантам. В противном случае автор задается риторическим вопросом: (12) *But what will the future hold for them? (Что же ждет их в будущем?)* И далее дает ответ на него: *The answer to this question could determine whether the great democracy founded by American rebels in the 18th century will survive the 21st. (Ответ на этот вопрос может определить, останется ли на плаву в XXI веке великая демократия, заложенная американскими бунтовщиками XVIII столетия)* [9]. Обращение Трампа к неэффективным и неоправданным действиям служит одним из проявлений *тактики дискредитации*, направленной против него.

Согласно результатам исследования превалирует *стратегия оценочного информирования*, которая главным образом имплементируется посредством *тактики дискредитации*. Во всех рассмотренных примерах *тактика дискредитации* направлена против экс-президента Соединенных Штатов Дональда Трампа и его неудачной, на взгляд авторов медиатекстов, неконструктивной, неэффективной, а иногда и разрушительной миграционной политики. *Тактика дискредитации* нередко реализуется при помощи точечной *тактики политического размежевания*, например, при сопоставлении политики Трампа с действиями президента Д. Байдена. В этом случае происходит сопоставление по линии «свой–чужой», при этом «своими» считаются Байден и его сторонники. Если речь не идет о политике, *стратегия оценочного информирования* реализуется через сопоставление миграции с сугубо отрицательными событиями (пандемия коронавируса, экономический кризис и природные явления, например, ураган). Таким образом миграция описывается исключительно с негативной стороны, как явление, по степени пагубного воздействия сопоставимое с природными катаклизмами, финансовым коллапсом и пандемией. Корреляция роста количества мигрантов на границе с Мексикой и пандемии, которая опустошает Латинскую Америку, прослеживается во многих медиатекстах. В ряде случаев *стратегия оценочного информирования* реализуется посредством *тактики обращения к истории*, при этом упоминание истории остается поверхностным и манипулятивным, поскольку конкретные факты не приводятся. Интересно отметить, что создание оппозиции «свой–чужой» как проявление дискурса вражды и своеобразного способа запугивания аудитории встречается в американском медиаполитическом дискурсе на материале анализа политической жизни не только США, но и других стран, например, Гондураса.

Когнитивная метафора становится ключевым механизмом реализации дискурсивной *стратегии оценочного информирования* в медиатекстах. При этом *тактика дискредитации* реализуется исключительно на лингвистическом уровне, без участия когнитивного плана. В настоящей статье были приведены примеры ярких авторских метафор: *Migration process is dam bursting*, *Migration is a boiler*, *Refugees are a flow going along a pipeline*, *Migration is a sea (ebbs and flows)*, *Legal forms of inequality are ground waters*. Эти метафоры нехарактерны для миграционного дискурса в целом, однако они актуализованы по схеме, сходной со схемой реализации таких типичных метафор, как *Migration is a surge* и *Migration is an influx*. При этом авторские метафоры имеют определенную специфику. Так, концептуальные признаки, которые были выявлены в ходе анализа метафор, обусловлены

природными характеристиками воды как жидкости и напрямую соотносятся с процентным соотношением мигрантов: например, нагревание воды до температуры кипения (критическая масса количества мигрантов), резкий прорыв воды через дамбу (чрезмерный рост численности мигрантов) и отсутствие контроля над ситуацией в этих случаях. С другой стороны, выявленные концептуальные признаки коррелируют с эффектом неожиданности происходящего (неожиданный приток мигрантов, как прорыв дамбы), постепенного и незаметного развития событий (подрыв устоев общества и угнетение мигрантов, как медленное разрушение почвы грунтовыми водами). Интересно, что метафора-контейнер, обнаруженная в случае *Refugees are a flow going along a pipeline*, сообщает дискурсу статьи ощущение контроля над ситуацией, поскольку при наличии контейнера поток воды (мигрантов) движется упорядоченно, в определенном направлении, благодаря чему исчезает хаотичность и паника. Подобная иллюзия контроля над ситуацией появляется и в метафоре *Migration is a sea (ebbs and flows)*, благодаря тому что приливы и отливы происходят с определенной периодичностью, и их (а значит и потоки мигрантов), таким образом, можно прогнозировать. Результаты исследования кризисного миграционного дискурса подтверждают выводы, к которым приводит изучение кризисного дискурса в целом: в процессе формирования концептуальной метафоры миграционного кризиса как природного явления (водной стихии) участвуют такие обобщенные признаки, как «неуверенность», «неожиданность», «неизвестность», «непредсказуемость», «страх», «риск», «ущерб» [6]. Важно также отметить, что миграционный дискурс почти не встречается в медиатекстах изолированно: в рамках каждой происходит взаимодействие и взаимовлияние нескольких типов дискурсов, в числе которых, главным образом, миграционный, кризисный, медиаполитический и дискурс вражды.

Заключение. Миграционный кризис представляет собой одну из важнейших социальных проблем, сосуществующих в американском обществе вместе с пандемией коронавируса и природными катаклизмами. Применение водных метафор позволяет создать в дискурсивном пространстве медиатекста объемный образ несправедливости, неравенства и других, часто узаконенных, форм угнетения и дискриминации мигрантов. Метафора способствует реализации стратегии оценочного информирования, которая нацелена на убеждение читателя в том, что американское общество традиционно было и остается высоко демократичным, и следовательно, существует необходимость сохранять демократические устои, оказывая поддержку мигрантам. Однако чаще метафора участвует в создании образа миграционного процесса как опасного и хаотичного явления, управлять которым крайне непросто.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Современный дискурс-анализ. Электронный журнал. 2013. Вып. 9. URL: <http://discourseanalysis.org/ada9.pdf> (дата обращения: 02.02.2021).
2. Сюткина Н. П., Черноусова А. С. Миграционный медийный дискурс: к постановке проблемы // Миграционная лингвистика. 2020. № 2. С. 35–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnyy-mediynyy-diskurs-k-postanovke-problemy> (дата обращения: 31.01.2021).
3. Полонская О. Ю. Метафорическое моделирование миграции: на материале американских СМИ // Litera. 2020. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskoe-modelirovanie-migratsii-na-materiale-amerikanskih-smi> (дата обращения: 31.01.2021).

4. Racist Discourse. URL: <http://www.discourses.org/OldArticles/Racist%20discourse.pdf> (дата обращения: 27.01.2021).

5. Степанова Н. В. Метафорическое осмысление кризиса как природного явления в контексте теории концептуальной интеграции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 3 (69). Ч. 3. С. 157–165.

6. Sieff K., Miroff N. Migrant caravans could be early test for Biden and post-Trump relations with Mexico // Washington Post. 2020. 2 Dec. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/12/02/biden-migrant-caravans/> (дата обращения: 25.01.2021).

7. Alvarez P. Supreme Court to hear challenges to Trump border wall funding and asylum policies // CNN Politics. 2020. 19 Oct. URL: <https://edition.cnn.com/2020/10/19/politics/supreme-court-immigration-border-wall-asylum/index.html> (дата обращения: 23.01.2021).

8. Alvarez P., Sands G. Biden administration prepares to inherit controversial Trump immigration policies // CNN Politics. 2020. 29 Nov. URL: <https://edition.cnn.com/2020/11/29/politics/biden-trump-immigration/index.html> (дата обращения: 24.01.2021).

9. Tobar H. What the Future Holds for Undocumented Immigrants // The New York Times. 2020. 1 Dec. URL: <https://www.nytimes.com/2020/12/01/opinion/trump-biden-immigration-reform.html?searchResultPosition=3> (дата обращения: 24.01.2021).

Информация об авторе.

Наталья Валентиновна Степанова – кандидат филологических наук (2014), доцент (2018), профессор кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, дискурсивный анализ, медиадискурс, теория перевода. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0920-753X>. E-mail: nathalie.tresjolie@icloud.com

REFERENCES

1. *Sovremennyyi diskurs-analiz. Elektronnyi zhurnal* [Modern discourse analysis. Electronic journal] (2013), vol. 9, available at: <http://discourseanalysis.org/ada9.pdf> (accessed 02.02.2021).

2. Syutkina, N.P. and Chernousova, A.S. (2020), "On the issue of the development of migration linguistics", *Migratsionnaya lingvistika* [Migration linguistics], no. 2, pp. 35–43, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/migratsionnyy-mediynny-diskurs-k-postanovke-problemy> (accessed 31.01.2021).

3. Polonskaya, O.Y. (2020), "Metaphorical modeling of migration: based on American mass media", *Litera*, no. 3, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/metaforicheskoe-modelirovanie-migratsii-na-materiale-amerikanskih-smi> (accessed 31.01.2021).

4. *Racist Discourse*, available at: <http://www.discourses.org/OldArticles/Racist%20discourse.pdf> (accessed 27.01.2021).

5. Stepanova, N.V. (2017), "Metaphoric understanding of the crisis as a natural phenomenon in the context of the theory of conceptual integration", *Philology. Theory & Practice*, no. 3 (69), part 3, pp. 157–165.

6. Sieff, K. and Miroff, N. (2020), "Migrant caravans could be early test for Biden and post-Trump relations with Mexico", *WashingtonPost*, 2 Dec., available at: <https://www.washingtonpost.com/politics/2020/12/02/biden-migrant-caravans/> (accessed 25.01.2021).

7. Alvarez, P. (2020), "Supreme Court to hear challenges to Trump border wall funding and asylum policies", *CNN Politics*, 19 Oct., available at: <https://edition.cnn.com/2020/10/19/politics/supreme-court-immigration-border-wall-asylum/index.html> (accessed 23.01.2021).

8. Alvarez, P. and Sands, G. (2020), "Biden administration prepares to inherit controversial Trump immigration policies", *CNN Politics*, 29 Nov., available at: <https://edition.cnn.com/2020/11/29/politics/biden-trump-immigration/index.html> (accessed 24.01.2021).

9. Tobar, H. (2020), "What the Future Holds for Undocumented Immigrants", *The New York Times*, 1 Dec., available at: <https://www.nytimes.com/2020/12/01/opinion/trump-biden-immigration-reform.html?searchResultPosition=3> (accessed 24.01.2021).

Information about the author.

Nataliia V. Stepanova – Can. Sci. (Philology) (2014), Docent (2018), Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of more than 30 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, discourse analysis, media discourse, stylistics, translation theory. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-0920-753X>. E-mail: nathalie.tresjolie@icloud.com

Лингводидактические и социокультурные аспекты формирования межнациональных отношений при организации внеаудиторной работы в неязыковом вузе

М. В. Петрова[✉], Г. А. Рожков

*Санкт-Петербургский государственный химико-фармацевтический университет,
Санкт-Петербург, Россия*

[✉]petrova.marina@pharminnotech.com

Введение. Целью исследования является рассмотрение дидактических, лингвистических и социокультурных подходов в процессе организации внеаудиторной работы на иностранном языке в неязыковом вузе на примере проведения творческого конкурса, посвященного Международному дню родного языка. Актуальность работы обуславливается повышением значимости формирования уважения и толерантности к языковому и культурному разнообразию, существующему в мире на сегодняшний день. Новизна исследования состоит в том, что в статье доказана эффективность и востребованность предложенной формы внеаудиторной работы.

Методология и источники. В работе исследуются труды Т. Н. Кондратьевой, О. Г. Стародубцевой, Т. Г. Стефаненко и других ученых по этнопедагогике и интернационализации процесса обучения в вузе. С позиций лингводидактики и социологии культуры анализируются работы, представленные студентами на конкурс «Международный день родного языка», проведенный в Санкт-Петербургском государственном химико-фармацевтическом университете в феврале 2021 г.

Результаты и обсуждение. Показана роль мероприятия в процессе формирования у учащихся социокультурных компетенций. Представленные на конкурс творческие работы продемонстрировали большой интерес студентов к родному языку, желание поделиться богатством и разнообразием национального языка и культуры, творчески подойти к процессу представления красоты, истории и особенностей языка. Отмечается, что решение практических задач конкурса приводит к развитию таких мягких навыков, как умение работать в команде, выступать с презентациями. Планируется сделать конкурс ежегодным и привлекать участников из других вузов нашей страны, а также стран ближнего и дальнего зарубежья.

Заключение. Можно сделать выводы о том, что обращение к национальному языку способствовало повышению мотивации к изучению иностранного языка, а использование цифровых технологий и социальных сетей позволило актуальными для молодого поколения средствами представить важность формирования позитивных межнациональных отношений.

Ключевые слова: межнациональное общение, социокультурные компетенции, лингводидактика, внеаудиторная работа, творческий конкурс, национальная культура.

Для цитирования: Петрова М. В., Рожков Г. А. Лингводидактические и социокультурные аспекты формирования межнациональных отношений при организации внеаудиторной работы в неязыковом вузе // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 3. С. 118–126. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-118-126

© Петрова М. В., Рожков Г. А., 2021

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 30.03.2021; принята после рецензирования 23.04.2021; опубликована онлайн 24.06.2021

Linguadidactical and Sociocultural Aspects of Creating Interethnic Relations in Organization of Extra-Classes Activities in Non-Linguistic University

Marina V. Petrova[✉], Grigory A. Rozhkov

Saint Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University, St Petersburg, Russia

[✉]petrova.marina@pharminnotech.com

Introduction. The aim of the research was to study didactic, linguistic and socio-cultural approaches in the process of organizing extra-classes activities in a foreign language at a non-linguistic university by the example of the creativity competition dedicated to the International Mother Language Day. The relevance of the work springs from the increasing importance of encouraging respect and tolerance to the language and cultural diversity existing in the world today. The novelty of the research lies in the fact that the effectiveness and urgency of the proposed form of extracurricular work was proven.

Methodology and data sources. The authors have researched the works on ethnopedagogics and the internationalization of the learning process at a university by Kondratyeva T. N., Starodubtseva O. G., Stefanenko T. G and others. From the viewpoint of linguodidactics and sociology of culture, the works submitted by the students for the creative competition "International Mother Language Day" were analyzed. The competition was held at St. Petersburg State Chemical and Pharmaceutical University in February 2021.

Results and discussion. The research has shown the role of the competition in the process of the development of the students' socio-cultural competencies. The creative works presented for the competition demonstrated the students' great interest in their native language, the desire to share the wealth and diversity of the national language and culture, and to creatively present the beauty, history and peculiarities of the language. It was asserted that solving the practical tasks of the competition resulted in building up such soft skills as teamwork and presentation skills. The authors plan to organize the creative competition "International Mother Language Day" annually and to attract participants from the other universities of Russia, as well as from the countries of near and far abroad.

Conclusion. It was concluded that presentation of the national language contributed to an increase in motivation of learning a foreign language, and the use of digital technologies and social networks made it possible to show the importance of fostering positive interethnic relations by means that are relevant to the younger generation.

Key words: interethnic communication, socio-cultural competencies, linguodidactics, extra-classes activities, creative competition, national culture.

For citation: Petrova M. V., Rozhkov G. A. Linguadidactical and Sociocultural Aspects of Creating Interethnic Relations in Organization of Extra-Classes Activities in Non-Linguistic University. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 3, pp. 118–126. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-118-126 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 30.03.2021; adopted after review 23.04.2021; published online 24.06.2021

Введение. Сегодня неясно, пандемия коронавируса объединила или разделила людей на планете. Логично предположить, что все страны должны были объединить усилия, чтобы

вместе победить чуму XXI века, но в действительности все происходит по-другому. Войны за вакцину, закрытие границ и на этом фоне обострение этнических и межнациональных конфликтов внутри ряда стран и между странами препятствуют межкультурному взаимопониманию. К сожалению, Россия не является исключением. Яркий пример тому недавно развернувшаяся в СМИ и социальных сетях дискуссия по поводу выбора певицы Манижи Сангин, россиянки таджикской национальности, представлять Россию на Евровидении в Амстердаме в 2021 г. Мы явились свидетелями грубых, злых и агрессивных высказываний в адрес певицы со стороны ряда пользователей Сети в связи с ее происхождением.

В наши дни прогрессивные и думающие политики, общественные деятели культуры и образования столкнулись с новыми серьезными вызовами. Как отмечалось на прошедшем 30 марта 2021 г. заседании Совета по межнациональным отношениям, одной из важнейших задач национальной политики Российской Федерации является сбережение этнокультурного и языкового многообразия страны. Исследователи в сфере межнациональных отношений, социологии, психологии, политологии, чиновники и практики, работающие в сфере образования, должны вместе искать пути решения и действовать сообща [1]. Сегодня одних правильных рассуждений недостаточно, нужны конкретные позитивные действия, направленные на преодоление ксенофобии и существующих стереотипов.

Санкт-Петербург – многонациональный город. Численность его населения вместе с Ленинградской областью, по данным Росстата, составляет около 7 млн чел. В городе зарегистрировано более 200 национальных объединений, функционируют 33 общеобразовательные школы с национально-культурным курсом в образовании, 10 национальных воскресных школ, где изучаются национальные языки и культура, традиции народа, более 60 национальных фольклорных ансамблей. Многонациональной является молодежная и студенческая среда города. В Санкт-Петербургском государственном химико-фармацевтическом университете (СПХФУ) обучаются сотни студентов из 30 зарубежных стран, стран ближнего зарубежья, субъектов РФ, которые говорят на разных языках.

Как сплотить студентов разных национальностей? Как наладить успешное межкультурное взаимодействие в молодежной среде и привить учащимся уважение к другим нациям, их культуре, языку, традициям? Как показать каждому студенту СПХФУ на практике, что для нас тезис «все культуры разные, все культуры равные» – не пустой звук? Важная роль в решении этих и других задач принадлежит обучению иностранным языкам в неязыковом вузе [2].

Методология и источники. Интернационализация процесса обучения в вузе направлена на формирование у студентов культуры межнационального общения, развитие доброжелательности, доброты, терпимости и взаимопонимания к представителям иных культур. Критериями сформированности компетенций успешного межнационального общения могут являться национальная идентичность, ориентация на общечеловеческие ценности, интерес к знакомству с историей, культурой и традициями других народов [3].

Большое значение в образовательном процессе вуза приобретает использование этнопедагогического подхода как методологической основы для воспитания культуры межетнической коммуникации, что содействует достижению учащимися определенного уровня социокультурных компетенций и направлено на их интеграцию в современную многонациональную мировую культуру через знание и развитие ценностей национальной

культуры [4, 5]. Ряд авторов указывают, что в современных социальных и экономических условиях основной целью изучения иностранного языка в университете является формирование мультикультурных навыков как у студентов, так и у преподавателей, развитие коммуникативных и стратегических компетенций, глобализация контента образования, подготовка студентов к участию в программах международной академической мобильности [6, 7]. Педагогический опыт авторов показывает, что при ограниченном количестве часов, отведенных на изучение иностранных языков в неязыковом вузе, задачу формирования у студентов профессиональной иноязычной компетенции, а также культуры межнационального общения можно эффективно решать в ходе внеаудиторной работы на иностранном языке. Научно-образовательный центр (НОЦ) иностранных языков и межкультурной коммуникации СПХФУ использует различные формы внеаудиторной и самостоятельной работы на иностранном языке, привлекая студентов вуза разных национальностей к участию в подготовке и выступлениям на ежегодной всероссийской конференции с международным участием «Молодая фармация», на российско-финских симпозиумах, посвященных исследованиям новых лекарств, участию в международной летней школе по фармакогнозии, мастер-классах по межкультурной коммуникации.

Результаты и обсуждение. Одной из эффективных форм внеаудиторной работы стал творческий конкурс «Международный день родного языка», проведенный в СПХФУ в 2021 г. По решению ЮНЕСКО (1999 г.) этот праздник отмечается каждый год 21 февраля и направлен на содействие языковому и культурному разнообразию. Главными целями проведения творческого конкурса были следующие: повышение культуры межнационального общения студентов в вузе; повышение мотивации студентов к изучению иностранного языка; формирование языковых межкультурных компетенций; формирование таких soft skills, как работа в команде, выступление с презентациями, умение работать с информацией, креативные навыки.

В творческом конкурсе приняли участие более 100 студентов всех факультетов СПХФУ. В жюри вошли руководители факультетов, студенты и преподаватели иностранных языков. Все этапы конкурса освещались в специально созданных группах в социальных сетях и на официальном сайте университета. В финале творческого конкурса вместе со студентами – победителями трех этапов выступили с презентациями преподаватели университета. После проведения творческого конкурса среди участников было проведено анкетирование, которое позволило получить обратную связь по организации мероприятия, а также проанализировать этапы конкурса с позиции лингводидактики и социологии культуры.

Творческий конкурс проходил в течение недели в несколько этапов. На первом этапе участники должны были подготовить открытку, посвященную Международному дню родного языка с текстами на национальном языке, русском и иностранном языках. При этом никаких конкретных инструкций по оформлению открытки и ее содержанию специально не давалось. Основной целью такой общей формулировки задания было выявить, какими образными и языковыми средствами современное поколение выразит специфику национальной самоидентификации.

Из 26 представленных открыток 7 были выполнены вручную и затем переведены в электронный формат. Это свидетельствует о том, что в век цифровых технологий термин

«творческий» все еще понимается как что-то, творимое с реальными, а не виртуальными объектами. Были открытки, нарисованные красками, карандашами, фломастерами и даже шариковыми ручками [8]. Что касается оформления работ, то здесь можно выделить следующие основные тенденции:

- 1) использование образных средств, репрезентирующих представляемый национальный язык (и культуру) как неотъемлемую часть мирового наследия;
- 2) использование образных средств, выражающих самобытность представляемой национальной культуры;
- 3) использование образных средств, не связанных с идеями национальной самоидентификации.

Многие участники конкурса хотели показать разнообразие языков и культур, представленных в мире, и поэтому использовали для оформления своих открыток земной шар, многочисленные флаги национальностей, людей в национальных костюмах, держащихся за руки. Символом многообразия служили также слова на различных языках мира, объединенные в узоры и рисунки. По словам одного из конкурсантов, принявшего участие в анкетировании, в своей открытке он хотел показать, что мы должны ценить и уважать каждый язык мира, но каким бы ни был язык, нужно прежде всего всегда оставаться людьми.

Другая группа участников конкурса стремилась показать уникальность своего языка и культуры. Для этого широко использовались изображения достопримечательностей, великих людей, национальных богатств (например, мед), а также литературных героев (таких, как муми-тролли), карта страны, фотографии, отражающие традиции и обычаи народа. Подобными образными средствами конкурсанты, по данным анкетирования, хотели выразить свое теплое отношение к родному языку, показать людям красоту своего края, богатство культурного наследия и гостеприимство проживающего там народа.

И наконец, третья группа студентов не использовала в оформлении своих работ национальные или культурные атрибуты. Фокус внимания у данных участников был направлен на тот факт, что Международный день родного языка является праздником, поэтому на своих открытках многие изобразили цветы или растительный орнамент. Отвечая на вопрос анкеты, почему они выбрали именно эти образные средства, участники отметили, что таким образом хотели передать праздничное настроение.

Отдельного внимания заслуживают тексты открыток, среди которых были как очень короткие, так и довольно развернутые. По словам участников, которые выбрали короткие поздравления, они не хотели перегружать открытки информацией, поэтому использовали национальные пословицы (мудрость народа), короткие поздравления или пожелания на трех языках (русском, национальном и иностранном). Некоторые конкурсанты не ограничились короткими высказываниями, а захотели выразить в поздравлении всю важность сохранения национального языка, как, например, в тексте следующей открытки:

*Сегодня Международный день родного языка!
Поздравляем всех с этим замечательным праздником!
Именно знание и понимание своих корней и истоков
делает нас уникальными и разными.
Слово – это жизнь и благополучие,
Это сила и мотивация!*

Сохраним и усовершенствуем родную речь.

Будем ценить ее дары.

Наш язык – наша сила!

(Свиридова Валентина, студентка I курса фармацевтического факультета.)

Более того, были студенты, которые выразили любовь к родному языку в стихотворной форме. При этом в процессе перевода стихотворения на английский язык автор постарался сохранить поэтическую рифму, что свидетельствует о проделанной большой работе:

Mother language!

I've known it since my childhood,

I heard it in my neighbourhood.

In it, for the first time, I said "mom",

In it, I swore my loyalty to the stubborn one.

And every breath is clear to me in it.

Now I want you to know it a bit!

(Исмаилов Павел, студент I курса фармацевтического факультета.)

Таким образом, первый этап творческого конкурса показал, что в ходе решения практической задачи участники представили многообразие социокультурного знания в универсальных, ярких образах, близких и понятных каждому человеку. Создание поздравительных текстов на русском, иностранном и национальном языках способствовало развитию языковых навыков студентов.

На втором этапе творческого конкурса участники должны были выложить в специально созданной в социальной сети группе видеозапись прочтения стихотворения (или исполнения песни) любимого автора на родном языке с переводом на русский. Перевод мог быть подстрочным, также приветствовался литературный перевод выбранного произведения. Целью данного этапа было познакомить студентов с устным, живым языком представителей другой культуры, а также сформировать способность к толерантному восприятию чужой, иноязычной речи.

Всего было представлено двадцать видеозаписей на более чем 10 языках [9]. При этом 50 % работ было выполнено совместно с однокурсниками или друзьями конкурсантов. Это означает, что данный этап конкурса способствовал развитию навыков работы в команде. Видео создавались с различными визуальными и акустическими эффектами, с одним или несколькими участниками. Съемки проводились на улице, в студиях звукозаписи, дома, в общежитии. По словам одной из участниц конкурса, оставившей отзыв в анкете, она выбрала для конкурса песню на родном башкирском языке и хотела спеть ее только под живой аккомпанемент. Для этого она получила разрешение на использование фортепьяно, которое находилось в актовом зале общежития. Другая конкурсантка, представлявшая гагаузский язык, отметила, что ей помогал отец, который специально оделся в национальную одежду, для того чтобы сняться в видео.

Жюри было очень непросто определить победителей данного этапа конкурса, поэтому пришлось создать несколько номинаций. Но самым показательным критерием успешности проведения этой части творческого конкурса были лайки и комментарии под видеозаписями в социальной сети. Кроме оценочных высказываний встречались также

слова благодарности участникам конкурса за то, что они напомнили о красоте родного языка и края, о том, как важно не забывать родной язык.

Подводя промежуточный итог, следует отметить, что второй этап конкурса способствовал развитию творческих способностей участников, умений находить решения возникающих задач, а также формированию навыков эффективной работы в команде.

Третий этап конкурса был посвящен презентации своего родного языка, которая проводилась сначала на занятиях по иностранным языкам для своих сокурсников, а затем в финале творческого конкурса. Презентация выполнялась на иностранном языке (английском, немецком или французском), для финала отбирались лучшие выступления. Целью данного этапа было представить национальный язык с точки зрения его истории, особенностей функционирования в настоящее время, а также связей с другими языками.

Этот этап был самым многочисленным по количеству участников: по приблизительным подсчетам было продемонстрировано около 60 презентаций. Общими чертами для всех работ было отражение в своем выступлении следующих моментов:

- территория распространения языка;
- история формирования языка;
- история развития письменности;
- существующие диалекты;
- изучение национального языка;
- языковое наследие нации.

Некоторые презентации изобиловали лингвистическими аспектами, такими как лигатуры, послелого, падежи и прочие, для других участников было важно заострить внимание на произносительной стороне языка. И, наконец, небольшой процент конкурсантов сосредоточился на отображении истории, культуры, традициях нации, а не национального языка.

Стоит особо отметить выступление в финале конкурса преподавателей, являющихся носителями национальных языков субъектов Российской Федерации. Так, старший преподаватель НОЦ иностранных языков и межкультурной коммуникации М. В. Петрова представила родной чувашский язык сквозь призму личностного восприятия. Интересны были ее воспоминания об изучении чувашского языка в школе и университете, а также рассказ о действиях правительства Чувашской Республики по сохранению и развитию национального языка.

Таким образом, третий этап творческого конкурса, посвященного Международному дню родного языка, был направлен на воспитание положительного отношения студентов к культуре людей, говорящих на ином языке, а также к самому языку и национальному менталитету. Кроме того, данный этап способствовал развитию когнитивных умений студентов, так как согласно данным анкетирования в процессе подготовки презентации о национальном языке студенты узнали много новых фактов о своем родном языке.

В целом творческий конкурс стал для студентов СПХФУ уникальной возможностью выразить свою любовь к Родине, показать красоту родного языка, познакомиться с многообразием языков, на которых говорят их сокурсники и преподаватели, развить свои творческие способности и так называемые мягкие навыки. Многие участники выразили желание принять участие в конкурсе в следующем году. НОЦ иностранных языков и межкуль-

турной коммуникации в свою очередь планирует сделать мероприятие ежегодным и международным.

Заключение. Работы студентов для творческого конкурса «Международный день родного языка» были выполнены на татарском, киргизском, коми, шведском, удмуртском, чувашском, белорусском, украинском, башкирском, молдавском, хинди и русском языках. Студенты проявили большую заинтересованность в представлении сокурсникам своих родных языков. Сотни лайков получили открытки и видеозаписи чтения стихов. Подготовка творческого конкурса и его проведение позволили преподавателям НОЦ иностранных языков и межкультурной коммуникации СПХФУ сосредоточиться на различных аспектах формирования у студентов культуры межнационального общения: когнитивном, мотивационном, эмоционально-коммуникативном, поведенческо-деятельностном. Проведение подобных внеаудиторных мероприятий направлено на формирование межнациональной толерантности и способствует эффективному межкультурному взаимодействию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дерманова И. Б., Сидоренко Е. В. Психологический практикум. Межличностные отношения. СПб.: Питер, 2011.
2. Стародубцева О. Г. Интерпретация междисциплинарных связей в дидактическом и психологическом аспектах при обучении иностранному языку в неязыковом вузе // Научно-педагогическое обозрение. 2015. № 3 (9). С. 40–45.
3. Бателаан П. Межкультурное образование – больше, чем долг. М.: Просвещение, 2002.
4. Кондратьева Т. Н. Воспитание культуры межнационального общения студентов высшего учебного заведения на основе этнопедагогического подхода // J. of Siberian Medical Sciences. 2015. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-kultury-mezhnatsionalnogo-obscheniya-studentov-vysshego-uchebnogo-zavedeniya-na-osnove-etnopedagogicheskogo-podhoda/viewer> (дата обращения: 20.03.2021).
5. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология. 3-е изд., испр. и доп. М.: Аспект-Пресс, 2010.
6. Воспитание культуры межнационального общения / В. И. Буренко, Н. Е. Иванюшкин, В. В. Меркулов, В. М. Плешивцев. М.: АПН СССР, 1989.
7. Крупченко А. К., Кузнецов А. Н. Основы профессиональной лингводидактики. М.: АПКиППРО, 2015.
8. Конкурс открыток к Дню родного языка // Вконтакте. URL: https://vk.com/album-44203088_277559792 (дата обращения: 20.03.2021).
9. Международный день родного языка в СПХФУ // Вконтакте. URL: <https://vk.com/club202421258> (дата обращения: 20.03.2021).

Информация об авторах.

Петрова Марина Валерьевна – старший преподаватель Научно-образовательного центра иностранных языков и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета, ул. Профессора Попова, д. 14, лит. А, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 8 научных публикаций. Сфера научных интересов: межкультурная коммуникация, когнитивная лингвистика. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5001-617X>. E-mail: petrova.marina@pharminnotech.com

Рожков Григорий Александрович – кандидат политических наук (1989), директор Научно-образовательного центра иностранных языков и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургского государственного химико-фармацевтического университета,

ул. Профессора Попова, д. 14, лит. А, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 10 научных публикаций. Сфера научных интересов: межкультурная коммуникация, межнациональные взаимоотношения. E-mail: grigory.rozhkov@pharminnotech.com

REFERENCES

1. Dermanova, I.B. and Sidorenko, E.V. (2011), *Psikhologicheskii praktikum. Mezhlichnostnye otnosheniya* [Psychological workshop. Interpersonal relationships], Piter, SPb., RUS.
2. Starodubtseva, O.G. (2015), "The Interdisciplinary of interdisciplinary connections from the didactic and psychological point of view while teaching foreign language at nonlinguistic university", *Pedagogical Review*, no. 3 (9), pp. 40–45.
3. Batelaan, P. (2002), *Mezhkul'turnoe obrazovanie – bol'she, chem dolg* [Intercultural education – more than debt], Prosveshchenie, Moscow, RUS.
4. Kondrat'eva, T.N. (2015), "Education of the culture of interethnic communication of students of higher educational institutions based on an ethnopedagogical approach", *Journal of Siberian Medical Sciences*, no. 4, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospitanie-kultury-mezhnatsionalnogo-obshcheniya-studentov-vysshego-uchebnogo-zavedeniya-na-osnove-etnopedagogicheskogo-podhoda/viewer> (accessed 20.03.2021).
5. Stefanenko, T.G. (2010), *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology], 3d ed., Aspekt-Press, Moscow, RUS.
6. Burenko, V.I., Ivanyushkin, N.E., Merkulov, V.V. and Pleshivtsev, V.M. (1989), *Vospitanie kul'tury mezhnatsional'nogo obshcheniya* [Education of the culture of interethnic communication], APN SSSR, Moscow, USSR.
7. Krupchenko, A.K. and Kuznetsov, A.N. (2015), *Osnovy professional'noi lingvodidaktiki* [Fundamentals of Professional Linguodidactics], APKiPPRO, Moscow, RUS.
8. "Competition postcards for the Mother Language Day", *Vkontakte*, available at: https://vk.com/album-44203088_277559792 (accessed 20.03.2021).
9. "International Mother Language Day in SPCPU", *Vkontakte*, available at: <https://vk.com/club202421258> (accessed 20.03.2021).

Information about the authors.

Marina V. Petrova – Senior Lecturer at the Linguistic and Cross-Cultural Communication Center, Saint Petersburg Chemical and Pharmaceutical University, 14 lit. A Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 8 scientific publications. Area of expertise: intercultural (cross-cultural) communication, cognitive linguistics. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5001-617X>. E-mail: petrova.marina@pharminnotech.com

Grigory A. Rozhkov – Can. Sci. (Pedagogy) (1989), Director of the Linguistic and Cross-Cultural Communication Center, Saint Petersburg Chemical and Pharmaceutical University, 14 lit. A Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 10 scientific publications. Area of expertise: intercultural (cross-cultural) communication, interethnic relations. E-mail: grigory.rozhkov@pharminnotech.com

Краткая характеристика немецкого языка и других германских языковых вариантов на территории Валлонии

Е. С. Алексеенко, Л. А. Ульяницкая✉

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия*

✉ulianitckaia_liubov@mail.ru

Введение. В статье рассматриваются германские языковые варианты, имеющие в Валлонии статус официальных или региональных. Поскольку в основном внимание исследователей социолингвистических процессов в Бельгии заостряется на противоборстве франкоязычной и нидерландоязычной частей страны, весьма актуальным может быть изучение языковой картины в тех областях Валлонии, где распространены немецкий, люксембургский и рипуарский (плат-дитс) языки.

Методология и источники. Методология исследования основана на подходах таких отечественных и зарубежных ученых к изучению плюрицентрических и региональных языков, как Л. В. Разумова, А. А. Джундубаева, А. И. Домашнев, А. Дж. Вреде, Г. Ньютон, Дж. Фринс. На примере языка плат-дитс изучено современное состояние вопроса о границах лингвистической непрерывности. Для поиска примеров, иллюстрирующих лексико-грамматические особенности германских языковых вариантов, распространенных в Валлонии, использовался метод сплошной выборки.

Результаты и обсуждение. В статье представлено разнообразие германских языковых вариантов, распространенных на территории современной Валлонии. Рассмотрена история вхождения немецкого языка в Бельгию, его современное состояние. Исследуется вопрос о соотношении лимбургского языка и рипуарских диалектов, принята лингвистическая идентификация языка плат-дитс. В этих целях проводится обзор германских языковых вариантов восточных кантонов, обсуждается роль нижне-немецкой диалектальной группы в становлении германоязычных областей Бельгии. Приводится краткая справка о лексических и грамматических особенностях люксембургского языка в сопоставлении его с немецким и лимбургским. Лимбургский язык представляется в качестве одной из основ языка плат-дитс.

Заключение. Наряду с официальным статусом немецкого языка Валлония признает региональный статус люксембургского языка и языка плат-дитс; последний зачастую используется для политических манипуляций, что затрудняет его лингвистическую идентификацию. Возведение его в особый ранг франкоориентированными политиками Валлонии связано с намеренным умалением роли нидерландского языка в Восточных кантонах. Лимбургский язык, как в Бельгии, так и в Нидерландах, является представителем нидерландского языка, а рипуарский язык в Германии в не меньшей степени представляет немецкий, однако власти Валлонии предпочитают прокламировать особую самобытность плат-дитс.

Ключевые слова: Бельгия, социолингвистика, лингвистическая контактология, немецкий язык, лимбургский язык, люксембургский язык.

Для цитирования: Алексеенко Е. С., Ульяницкая Л. А. Краткая характеристика немецкого языка и других германских языковых вариантов на территории Валлонии // ДИСКУРС. 2021. Т. 7, № 3. С. 127–142. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-127-142

Конфликт интересов. О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 23.04.2021; принята после рецензирования 11.05.2021; опубликована онлайн 24.06.2021

Brief Description of German and Other Germanic Language Varieties on the Territory of Wallonia

Evgeniia S. Alekseenko, Luibov A. Ulianitckaia✉

Saint Petersburg Electrotechnical University, St Petersburg, Russia

✉ulianitckaia_liubov@mail.ru

Introduction. The article considers the official and regional Germanic language varieties of Wallonia. As researchers mainly focus on the confrontation of the French and Dutch parts of Belgium when analyzing sociolinguistic processes in the country, studying the linguistic situation in the Wallonia regions where German, Luxembourgish, Ripuarian (Plattdütsch) are widespread might be of great current interest.

Methodology and data sources. The research methodology is based on Russian and foreign approaches towards studying pluricentric and regional languages. Through the example of Plattdütsch the current state of the concept of dialect continuum boundaries was analyzed. A continuous sampling method was used to search for examples showing lexicogrammatical peculiarities of the Germanic language varieties common in Wallonia.

Results and discussion. The article presents the diversity of the Germanic language varieties widespread in Wallonia. The history of the German language in Belgium and its current state have been explored. The correlation of the Limburg language and Ripuarian dialects has been studied. In an attempt of linguistic identification of Plattdütsch, the Germanic language varieties of East Cantons have been reviewed, the role of Low German dialects (Plattddeutsch) in the evolvement of German-speaking regions in Belgium has been analyzed. Lexical and grammar peculiarities of the Luxembourgish language in comparison with German and Limburg have been summarized. The Limburg language is presented as one of the foundations of Plattdütsch.

Conclusion. Whereas the German language is an official language in Wallonia, Luxembourgish and Plattdütsch have the status of regional languages, notably, the latter is often used for political manipulations, which hinders its linguistic identification. By presenting it as a special language, French-oriented politicians aim at downgrading the role of Dutch in East cantons. Limburg is a variety of Dutch both in Belgium and the Netherlands, the Ripuarian language in Germany represent German, however the Wallonia government prefers to point out uniqueness of Plattdütsch.

Key words: Belgium, sociolinguistics, linguistic contactology, the German language, the Limburg language, the Luxembourgish language.

For citation: Alekseenko E. S., Ulianitckaia L. A. Brief Description of German and Other Germanic Language Varieties on the Territory of Wallonia. DISCOURSE. 2021, vol. 7, no. 3, pp. 127–142. DOI: 10.32603/2412-8562-2021-7-3-127-142 (Russia).

Conflict of interest. No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 23.04.2021; adopted after review 11.05.2021; published online 24.06.2021

Введение. Бельгия является одним из наиболее интересных примеров стран с богатым языковым разнообразием. По разным подсчетам на территории в 30,5 тыс. км² в качестве официальных и региональных языков, включая их диалекты и национальные разновидности, используется более 14 вариантов. Примечателен стык романской и германской языковых групп, а также их взаимное интерференционное влияние. Зачастую внимание исследователей заостряется на противоборстве франкоязычной и нидерландоязычной частей страны, при этом игнорируется не менее важный и интересный немецкоязычный регион Бельгии и его языковое разнообразие. Восточные кантоны, наряду с официальным немецким, испытывают влияние лимбургского, рипуарского и люксембургского языков, а в симбиозе лимбургского и рипуарского проявляется особый языковой вариант – плат-дйтс. Разумеется, в немецкоязычных областях Валлонии распространены также французский, английский и в меньшей степени нидерландский языки.

Методология и источники. Методология исследования базируется преимущественно на подходах к изучению плюрицентрических и региональных языков таких ученых, как А. А. Джундубаева, Д. Шайбакова, Л. В. Разумова, У. Вайнрайх, Ю. Шмидт, Д. Престон, Д. Лонг, Р. Мур, В. Лабов, М. Клайн, П. Ауэр, У. Аммон, представителей различных лингвистических направлений. Тем самым в работе применен комплексный метод, основанный на соотнесении множества лингвистических и социальных переменных, изучено современное состояние вопроса о границах лингвистической непрерывности, особенно в отношении языка плат-дйтс. На этапе отбора материала был проведен анализ справочных и словарных источников, описывающих языковую картину Бельгии, на французском, немецком, нидерландском, английском и русском языках. Для поиска примеров, иллюстрирующих лексико-грамматические особенности германских языковых вариантов, распространенных в Валлонии, использовался метод сплошной выборки.

Результаты и обсуждение. В итоге нашего исследования в отношении германских языковых вариантов, бытующих на территории современной Валлонии, нужно отметить ряд важных моментов.

История немецкого языка в Бельгии

Немецкоязычная часть Бельгии была частью так называемых исторических Нидерландов (нынешние Бельгия, Нидерланды, Люксембург), начиная со Средневековья. С объявлением независимости Бельгии в 1830 г. жители страны получили официальное право говорить на фламандском, французском и немецком языках, что было закреплено в Конституции 1831 г. В 1839 г. кантон Эйпен стал частью Германского союза. В это же время кантон Сен-Вит переходит от Люксембурга к Бельгии. И хотя после 1839 г. французский язык становится фактически единственным официальным языком Бельгии, в связи с возрастающей потребностью знания всех трех языков в 1842 г. начальное образование подразумевает изучение не только французского, но и нидерландского и немецкого языков. А с 1914 г. на законодательном уровне закреплено требование к преподаванию на всех уровнях на родном языке, однако это предписание соблюдалось не всегда. Среднее образование по-прежнему можно было получить в основном на французском языке.

Немецкий язык стал основным языком Немецкоязычного сообщества Бельгии после оккупации этой территории немецкими войсками во время Первой мировой войны, но в 1918 г. права французского были восстановлены. В этом же году Бельгии был возвращен

Эйпен. В 1940 г. территория была аннексирована Германией и оставалась под ее контролем до 1945 г. В этот период немецкий становится единственным официальным языком в области образования, а также законодательства и управления. После восстановления независимости Бельгии немецкий язык почти полностью исчезает из общественной жизни страны, в том числе из школ.

В 1963 г. за нидерландским, французским и немецким языками был закреплен статус официальных языков для соответствующих регионов страны. Конституция 1970 г. закрепила границы трех культурных сообществ (Немецкоязычное, Фламандское и Французское), и немецкий язык стал официальным языком Немецкоязычного сообщества Бельгии.

Процесс перехода от централизованного государства к федеративному начинается в 1980 г. В 1984 г. были утверждены парламент и правительство Немецкоязычного сообщества. Они получили право контролировать вопросы в области языка, культуры и образования. С 1994 г. эти полномочия были расширены, в них было, например, включено право регулировать процессы, связанные с охраной окружающей среды, трудоустройством и некоторые другие. Следует отметить, что немецкоязычная версия Конституции Бельгии была официально принята только в 1991 г.

Члены Немецкоязычного сообщества избирают собственный парламент и в наши дни. Они также выбирают членов парламента как на региональном уровне – в парламент Валлонии, так и на федеральном – в парламент Бельгии. Однако членство избранных представителей гарантировано только в Сенате федерального парламента страны, это право закреплено в Конституции Бельгии.

Преподавание в большинстве школ идет на немецком языке, французский изучается как первый иностранный язык. Работают на территории Немецкоязычного сообщества и несколько франкоязычных школ. Большинство учебников на немецком языке привезены из Германии, но часть учебных пособий на немецком издается и на территории Бельгии. Высшее образование жители Восточных кантонов получают за пределами этой территории.

Знание немецкого языка необходимо при устройстве на работу, и хотя в частных компаниях это требование не является официальным, выполнение его обычно желательно для получения искомой должности. Для трудоустройства в государственных предприятиях и компаниях знание немецкого языка является обязательным [1].

Немецкий язык используется в устном общении, на немецком печатаются меню, уличные знаки, издается газета «Grenz-Echo» [2]. Такое положение делает Немецкоязычное сообщество Бельгии одним из наиболее защищенных меньшинств Европы [3]. На официальном уровне подчеркивается, что несмотря на значимость немецкого языка для Немецкоязычного сообщества, жители его являются верными подданными бельгийского короля и ценят возможность быть соседями валлонов и фламандцев [2].

В целом, бельгийцы, говорящие на немецком языке, имеют равные права с точки зрения культуры и языка с другими жителями страны. Между тем многие члены Немецкоязычного сообщества настаивают на создании Немецкого региона (наравне с Фландрией и Валлонией), поскольку они заинтересованы в большей автономии.

Однако в других частях страны роль немецкого языка не столь однозначна. Ситуация в международном аэропорту Zaventem, расположенном в 11 км от Брюсселя, может рассматриваться как демонстрация фактического положения немецкого языка в Бельгии вне

территории проживания Немецкоязычного сообщества и отношения к нему: значительная часть информации на территории аэропорта предоставляется на французском, нидерландском и английском языках, в то время как немецкий оказывается на втором плане [4] и даже не представлен на сайте аэропорта (несмотря на то, что первыми строителями Fliegerhorst Melsbroek – так Zaventem назывался прежде – были именно немцы). Еще одним тревожным сигналом можно считать инициативу, получившую название «Marnixplan», в соответствии с которым Брюссель должен стать многоязычной столицей с приоритетом французского, нидерландского и английского языков [5]. Немецкое сообщество в Брюсселе, несмотря на то, что в него входит около 20 тыс. человек, большого веса в настоящий момент не имеет: так, ни один из его представителей не вошел в региональный парламент [4].

В этой связи значимыми представляются и результаты опроса 2008 г., согласно которым как немецкоговорящие бельгийцы, так и те, кто говорят на одном из других официальных языков страны, хотят, чтобы Немецкоязычному сообществу Бельгии уделялось больше внимания [1]. В обществе высказывается мнение о том, что идея о «двуполярной Бельгии» изжила себя и что развитие и поддержка немецкого языка необходимы для дальнейшего благополучия и процветания страны. Германия является крупнейшим торговым партнером Бельгии (в 2019 г. объем товарооборота составил практически 90 млрд евро [6]), поэтому часть населения страны считает, что поддержка немецкого языка среди прочего поможет Бельгии на пути к экономическому развитию [4]. В развитии немецкого языка в Бельгии заинтересована и Германия, решающая эту задачу в первую очередь благодаря усилиям Гёте-института в Брюсселе. Главные экономические интересы ФРГ сосредоточены на бельгийских химической и автопромышленности, а также фармацевтике и биотехнологиях [6]. На территории Бельгии расположены филиалы таких крупных немецких компаний, как «Bayer», «Beiersdorf», «Bosch», «Carl Zeiss», «Henkel», «Audi», «Porsche», «Opel» и многих других [7].

Немецкий язык мало используется в государственных учреждениях Валлонии, на него переводится лишь небольшая часть официальных документов. В отличие от Фламандского и Французского сообществ, Немецкоязычное сообщество не может регулировать использование языка в администрации, образовании и социальных службах. Немецкоязычные депутаты, заседающие в парламенте Валлонии, желали бы изменить эту ситуацию, отмечая, что существует ряд недостатков в плане предоставления информации на немецком языке, а также в оформлении и получении документов. На многих интернет-страницах государственной службы Валлонии или организаций, представляющих общественный интерес, отсутствует опция перевода на немецкий язык. Большинство официальных писем граждане вынуждены отправлять на французском языке. Впрочем, иногда в самом низу страницы встречается объявление, что к администрации в случае языковых проблем можно обратиться по поводу той или иной услуги на немецком языке. Но такое обращение усложняет процедуру и удлиняет сроки. Впрочем, на территории сообщества немецкий язык имеет широкое употребление, официальные документы Немецкоязычного сообщества составляются на немецком языке, а использование французского языка ограничено [8].

Парламентарии Немецкоязычного сообщества считают, что расширение использования немецкого языка явилось бы экономически прибыльным, особенно в отношениях с соседней Германией.

17 октября 2018 г. в Валлонии был впервые проведен День немецкого языка. Такими мероприятиями, а равно и другими, правительство Валлонии намерено поощрять изучение немецкого, на котором говорят почти 100 млн человек в Европейском союзе. По случаю Дня немецкого языка правительство Валлонии и немецкоязычный парламент совместно с Ассоциацией по продвижению немецкого языка в Валлонии постарались повысить осведомленность франкофонов о возможностях совершенствования и изучения немецкого языка в различных организациях и учреждениях. Так, Дом языков провинции Льеж каждый год инициирует и курирует множество мероприятий, направленных на поддержку и освоение немецкого языка.

Поскольку немецкий язык был введен в Бельгии лишь в начале XX в., его распространение не может быть обширным. Тем не менее, как уже упоминалось, этот язык является языком национального меньшинства в Брюсселе, где проживает несколько немецких общин (5,5 % жителей столицы говорят по-немецки). С 2011 г. Немецкоязычное сообщество является корпоративным членом Общества немецкого языка, основанного в 1997 г. в Германии.

Немецкоязычное сообщество, как и Фламандское и Французское, имеет ряд полномочий, распространяющихся на культуру, образование, здравоохранение и молодежную политику, в его ведении находятся также немецкоязычные средства массовой информации. С 2017 г. Восточные кантоны именуют себя «Восточная Бельгия». В отношении этих территорий в ходу и другие названия – самая большая южная часть называется Бельгийский Айфель. Также, для того чтобы подчеркнуть связь с родной страной, Немецкоязычное сообщество довольно часто использует название «Немецкоязычное сообщество Бельгии». Ожидается, что вскоре эти территории будут называться исключительно «Восточная Бельгия». Следует отметить, что иное название применяет к себе с 2011 г. и Французское сообщество, оно именуется «Федерация Валлония-Брюссель». Оба названия официально не приняты и находятся на уровне законодательных инициатив.

С точки зрения языковых особенностей немецкий в Бельгии, особенно в письменном варианте, максимально схож с литературным немецким языком (в отличие, например, от швейцарского варианта). Это может быть объяснено тем, что немецкий укрепил свои позиции в Бельгии в момент, когда язык уже сложился и приобрел свои современные черты. Говорить о каком-либо плюрицентризме немецкого языка, имея в виду Восточные кантоны, не представляется возможным как в силу малочисленности говорящих, так и в силу многочисленности других языковых вариантов в этой области.

Наряду с немецким языком в Восточных кантонах можно услышать и другие. В кантоне Эйпен распространены плат-дитс и рипуарский языки, кантон Мальмеди – франкоязычный, а в кантоне Санкт-Вит говорят также на рипуарском и люксембургском (и других мозельско-франкских диалектах). Рипуарский язык в германоязычных кантонах основан преимущественно на диалекте Кёльна. В Мальмеди для немецкоговорящих жителей действуют языковые льготы, равно как в остальных двух кантонах – для франкофонов.

Германские диалекты Восточной Бельгии

В Восточной Бельгии германские диалекты принадлежат к трем основным языковым пространствам:

- южнонижнефранкские, или лимбургские (языковое пространство между линией Юрдингена *ik/ich* и линией Бенрата *taken/machen*);
- рипуарские (языковое пространство между линией Бенрата *taken/machen* и линией Эйфеля *dorp/dorf*);
- мозельско-франкские (языковое пространство между линией Эйфеля *dorp/dorf* и линией Санкт-Гоара *dat/das*).

Важнейшей особенностью этих германских диалектов является влияние французского и в прежние исторические периоды валлонского языков. Это воздействие в первую очередь прослеживается в заимствованных словах, например, «*Makei*» вместо «*Quark*» («творог»). Происходит и обратное влияние: в валлонском языке обнаруживается множество заимствований из немецкого языка и немецких диалектов, например, «*Brötchän*» вместо «*Brötchen*» («булочка») [9].

Одной из сложностей, связанных с сохранением диалектов, является вопрос престижа. В настоящее время в Немецкоязычном сообществе возникают споры о том, надо ли, например, обучать детей языку плат-дитс, не является ли он «упрощенным» или даже «испорченным» рипуарским вариантом немецкого [10]. Социальная значимость плат-дитс практически полностью утрачена, поскольку в школах, государственных учреждениях и всевозможных инстанциях все реже используются диалекты. В первую очередь это касается севера региона, где все меньше людей из академической среды говорят на плат-дитс, отказываясь от него в пользу литературного немецкого языка: так, молодежь практически не говорит на диалектах. На юге же, например в бельгийском Айфеле, число говорящих на диалектах достаточно высоко, именно на них родители общаются с детьми [10]. Снижение числа носителей диалектов связано также с миграцией: в Восточную Бельгию приезжают те, кто выросли в других частях страны и, следовательно, никогда раньше не слышали диалекта и/или не говорили на нем.

Между тем сами бельгийцы считают необходимым проводить мероприятия по поддержке плат-дитс и других диалектов, принимать меры по сохранению этой части культурного наследия [10]. В ноябре 2011 г. в Бельгии проводилось анкетирование среди носителей диалектов, по результатам которого была составлена карта распространения региональных особенностей. В базе данных [11] можно найти различные слова, используемые для обозначения тех или иных предметов. Так, например, было выявлено, что растение львиный зев имеет более 30 различных названий в разных частях страны, где говорят на немецком языке [10]. Диалектальное богатство бельгийского варианта немецкого языка, несомненно, привлекает внимание лингвистов, работающих не только в Бельгии, но и в Германии, Нидерландах, Люксембурге.

Плат-дитс и рипуарские диалекты

Происхождение термина «плат» не следует ассоциировать с лексемой «*platt*» – «плоский», объясняя это название географическими особенностями территории, на которой он был изначально распространен. В XVI в. слово «*platt*» использовалось в значении «ясный», «понятный» и даже «хорошо знакомый», и для простого народа плат-дитс был

«их языком» в противовес полному латинских заимствований языку ученых мужей. В XVII в. термин начинают использовать для обозначения языков Северной Германии. В этот же период лексема «platt» получает и негативный оттенок: повсеместно с этим словом связывают социальное неблагополучие. И только в конце XIX в. оно становится термином, описывающим особую группу диалектов, а в качестве существительного при добавлении названия местности «platt» может обозначать диалект конкретной области или региона: Öchner (Aachner) Platt – аахенский диалект, Kölner Platt – кельнский диалект и т. п.

Нижненемецкие диалекты распространены севернее линии Бенрата – языковой границы, начинающейся у Бенрата и проходящей через Геттинген до Франкфурта-на-Одере; она выделяет диалекты, в которых не произошел второй перебой согласных в VII–VIII вв. (переход p, t, k в pf/f, s, ch) [12].

Нижненемецкий вариант в Средние века был не только важнейшим языком торговли, но и престижным вариантом письменного языка. Авторитет этого варианта, связанный прежде всего со славой использовавших его ганзейских торговцев, был столь высок, что на него перевели Библию. В издании 1524 г. было написано, что оно составлено на «ясном и понятном немецком языке» («in goede platten duytsche») [13].

Следует отметить, что в немецкоязычной литературе термины «Plattddeutsch» и «Niederdeutsch» не являются полными синонимами: первый описывает современное состояние диалектов на той территории, которую охватывает второй. Иначе говоря, «Plattddeutsch» используется для обозначения наиболее близкого к нам по времени этапа развития нижненемецкого, и носители соответствующих диалектов применяют, как уже говорилось ранее, именно это название к своим языковым вариантам [13].

Плат-дйтс представляет собой переходной языковой вариант между лимбургским и рипуарским, распространенный на северо-востоке бельгийской провинции Льеж, включая город Эйпен. Говорящие на этом языке называют его «Plattdütsch». В 1992 г. Валлония признала плат-дйтс, применяя к нему также название «рипуарский» («Ripuarisch»), одним из своих региональных языков. Будучи расположенным в «области трех государств», этот язык по-разному трактуется лингвистами. Диалектологи Германии называют его рипуарским франкским диалектом, а во Фландрии и Нидерландах принято называть юго-восточным лимбургским. В Валлонии и Франции он называется каролингским франкским, поскольку считается, что он мог быть языком династии Каролингов. Эта гипотеза, однако, не имеет убедительных доказательств. На основе исследований, проведенных в 2005–2006 гг. нидерландским лингвистом Жаном Фринсом, диалектальное разнообразие в окрестностях 15–20 км вокруг Ахена стали называть лимбургским языком трех государств. Действительно, эти земли охватывают часть немецкой территории, две трети нидерландского Южного Лимбурга и область распространения плат-дйтс в Бельгии между коммунами Вурен и Эйпен [14]. Официальным языком в этой области, как и во всей Валлонии, является французский.

Напомним, однако, что рипуарские варианты стыкуются с северными мозельско-франкскими – диалектами Германии (земля Рейнланд-Пфальц) и люксембургским языком Великого Герцогства Люксембург, с плат-дйтс в Бельгии (провинция Льеж) и с южнонижнефранкским – лимбургским языком в Нидерландах (провинция Лимбург). Именно поэтому плат-дйтс часто называют рипуарским языком или лимбургско-рипуарским. В Бельгии

этот язык считают то лимбургским языком трех государств, то самостоятельным лимбургско-рипуарским языком, независимым от лимбургского. Поскольку построение предложений отличается романскими чертами, более приемлем второй вариант. Однако рипуарские диалекты, как и лимбургские, имеют систему тонального ударения и формируют вместе с ними так называемую франконскую тоновую зону. Дискуссия по вопросу типологии малых языков Восточных кантонов несвободна и от политических причин, учитывая сложную языковую ситуацию в коммуне Вурен.

По сложности конфликта Вурен не отстает от брюссельской периферии. Подчиняясь вначале франкоязычной провинции Льеж, в 1963 г. он был передан нидерландоязычной провинции Лимбург, несмотря на отсутствие с ней общей границы. Это вызвало протесты местных франкофонов, и до 1980 г. их интересы так или иначе учитывались. Но затем в связи с массовым притоком граждан Нидерландов в Вурен власти стали усиленно внедрять нидерландский язык, и права франкоязычного населения снова оказались ограничены, вплоть до запрета использовать французский в дорожных знаках (топонимы лишились официального статуса в 2008 г.). Несмотря на языковые льготы, проблемы у говорящих на французском языке возникают даже в судопроизводстве. Впрочем, исторически до начала XX в. жители Вурена говорили на одном из вариантов лимбургского языка, близком к рипуарскому, администрация использовала французский язык, а в церквях и школах употреблялись немецкий или нидерландский. Лимбургские и рипуарские диалекты до сих пор можно услышать в этой коммуне, в четырех западных и двух восточных деревнях соответственно. Это дает фламандским властям повод настаивать на германском характере этих земель и продолжать внедрение нидерландского языка. Ведутся активные споры и о возможности использовать в общественно-политической жизни плат-дитс как языковой вариант, переходной между лимбургским и рипуарским языками. Валлонские власти поддерживают плат-дитс в противовес нидерландскому и немецкому языкам, укоренение которых на этих территориях воспринимается как угроза французскому [15].

На рипуарских диалектах имеется довольно много литературных произведений, но проблема адекватной записи устной речи до сих пор не получила своего разрешения. Предложения использовать нидерландскую или немецкую систему письма не получают широкой поддержки. Стандартизация орфографических правил была предпринята лишь для кельнского диалекта, но и ее считают не слишком успешной. «Akademie für uns Kölsche Sproch» («Академия нашего кельнского языка») продолжает совершенствовать эти правила. Исторически наиболее близким к рипуарским говорам является диалект Лимбурга в Нидерландах и Бельгии, но единообразной современной орфографии лимбургский язык также не имеет. Более того, под влиянием нидерландского языка лимбургский все более отдаляется от рипуарских диалектов. Интересно отметить, что в словарях, описывающих рипуарские варианты, отсутствуют слова, начинающиеся на букву «g» [16]. Германская основа языка плат-дитс очевидна:

nät (приятный);

woasch (колбаса);

bökske (книжечка);

Doo vels. (Ты падаешь.);

Ose klenge jeet no jen schuel. (Наш ребенок идет в школу.);

Der buur mot noch de köö mäleke. (Крестьянину еще надо подоить корову.).

В плат-дитс обнаруживаются лексемы, отсутствующие в немецком и нидерландском языках, например, «schaav» («шкаф» – весьма близкое к датскому «skaf»). Разумеется, встречаются и совершенно самобытные слова, отсутствующие в других германских языках, например, «hüüv» («ворчун», «скряга»), «schlödĵ» («туфля», а также «пирожное») или «mölsch» («плохой кофе»). Как и в немецком языке, перегласовка во множественном числе может маркировать определенную семантику слова:

bank (скамья) – bänk (скамьи);
bank (банк) – banke (банки).

Словообразовательные суффиксы также больше напоминают немецкие, чем нидерландские, например, «mäldung» («сообщение», в немецком – «Meldung», в нидерландском – «melding»), «studäntin» («студентка», в немецком – «Studentin», в нидерландском – «studente»), «eläktriker» («электрик», в немецком – «Elektriker», в нидерландском – «electrician»), «mööleġkeet» («возможность», в немецком – «Möglichkeit», в нидерландском – «mogelijkheid»). Германские корни в плат-дитс также ближе по своему значению к немецким, чем в нидерландском языке, например, лексема «schlääm» обозначает «плохой» (в немецком – «schlimm»), а не «хитрый» (в нидерландском – «slim»).

Люксембургский язык

В пяти коммунах Арлонских земель, находящихся в восточной части бельгийской провинции Люксембург, около 20 тыс. жителей употребляют для повседневного общения люксембургский язык. В основном носители этого языка проживают в области, расположенной неподалеку от границы с Великим Герцогством Люксембург, и со времен Первой мировой войны их число продолжает уменьшаться. На территории Бельгии люксембургский язык испытал сильное влияние соседних романских языков – валлонского и лоренского (гомского). Неизбежно также взаимодействие люксембургского языка Бельгии с родственными ему рипуарскими диалектами.

В Великом Герцогстве Люксембург (где живет большая часть из общего числа 400 тыс. носителей) благодаря принятому в 1984 г. закону о языке люксембургский язык получает существенную поддержку. В Валлонии в последние десятилетия его в значительной степени заменяет французский. Вместе с тем валлонские политики заинтересованы в большем распространении люксембургского языка, чем немецкого или нидерландского.

Но, как и в Люксембурге, названия населенных пунктов на дорожных указателях написаны на двух языках. Люксембургские язык и культуру поддерживает организация «Arelerland a Sprooch» («Арелерланд и язык»), работающая, как видно из названия, в Арлоне и его окрестностях.

Люксембургский язык с 1990 г. был признан валлонскими властями региональным языком. На ту пору это был единственный нероманский язык в Валлонии, получивший такое признание [17].

Стандартизированный люксембургский язык постепенно возвращается в Великом Герцогстве Люксембург в сферу образования: в начальной школе, например, преподавание ведется на люксембургском или немецком языках. Поскольку в этой стране работает довольно большое число бельгийцев, чей родной язык – люксембургский, эта поддержка ощущается и в Валлонии.

Вместе с тем по словарному составу люксембургский язык несколько уступает соседним языкам – французскому и немецкому и заимствует из них необходимую лексику. Как минимум 5 тыс. слов в люксембургском языке французского происхождения. Так, «proposéieren» («предлагать») восходит к «proposer», «Präbeli» («зонт») – к «parapluie», «prett» («готовый») – к «prêt». Некоторые слова заимствуются без изменения – «merci» («спасибо»), «Goût» («вкус»), «Pneu» («шина»), «Poulet» («цыпленок»), «mauve» («фиолетовый»). Много заимствований в политической сфере, иногда на уровне составных лексем или словосочетаний, например, «Comitésmember» («член комитета») от «comité» и «membre» (в немецком – «Vorstandsmitglied») или «d'Projet de Loi» («законопроект») от «Le projet de loi».

Составная лексема «Buschauffeur» («водитель автобуса»), характерная также для нидерландского языка и швейцарского варианта немецкого, в общенемецкой норме – «Busfahrer», а в общепольской – «chauffeur de bus». Встречаются и лексемы, смешивающие в себе французские и немецкие основы, например, «Haaptplat» («основное блюдо») от немецкого «haupt» и французского «plat» или «Bréifboîte» («почтовый ящик») от немецкого «Brief» и французского «boîte». Однако многие составные немецкие лексемы заменяются в люксембургском языке простыми французскими: «Camion» («грузовик») вместо «Laswagen», «Tirrang» («ящик») вместо «Schublade».

К заимствованию из нидерландского языка относят конструкцию «wann ech glift» («пожалуйста»). Прежде она звучала как «wann iech gelift» (в немецком варианте – «wenn euch/Ihnen geliebt» от нидерландского «als (het) U gelieft/belieft»). Из нидерландского языка заимствована также основа «gek» («дурной, безумный»), представленная в словосочетании «de Geck maachen» («дурачиться», в нидерландском – «gek doen»).

Некоторые слова заимствуются из немецких диалектов. Так, лексема «gromper» («картофель») не встречается в общенемецкой норме. Некоторые слова имеют исключительно люксембургское происхождение, например, «косоглазить, коситься» представлено лексемой «barlucken», не имеющей аналога в германских (а также романских) языках и диалектах. Эти слова встречаются и в немецком языке Люксембурга как обратные заимствования, например, «Schmier» («бутерброд») – в общенемецкой норме «Butterbrot», «Kanickel» («кролик») – в общенемецкой норме «Kanninchen». Также иначе, чем в общенемецкой норме, могут строиться словосочетания, например, «Protokoll errichten» («составить протокол») вместо «Anzeige erstatten». В некоторых словосочетаниях используется другой падеж – «jemandem anrufen» («позвать кого-либо») вместо «jemanden anrufen». Несколько различно употребление предлогов: «auf (dem) Bridel» («в Бриделе») вместо «in Bridel». В немецком языке Люксембурга калькируются некоторые французские выражения, например, «dreimal nichts» («однозначно нет») от французского «trois fois rien»; в люксембургском языке калька та же – «dräi mol näischt». В общенемецкой норме – «gar nichts». Вместо немецких слов употребляются иногда французские, например, «Kreisverkehr» («круговой перекресток») заменяется на «Rond-point». Эти особенности влияют также и на немецкий язык бельгийских Восточных кантонов, особенно в приграничном кантоне Санкт-Вит. На особом немецком жаргоне говорят ениши («белые цыгане»).

Второй перебой согласных, характерный для многих средненемецких диалектов, в люксембургском языке осуществляется непоследовательно, в нем проявляются более

древние формы, чем в общенемецкой норме. Так, немецкое «was» («что») в люксембургском – «waat», «Apfel» («яблоко») – «Appel». Вместе с тем немецкое «Fuß» («нога») в люксембургском становится «Fouss». Некоторая фонетическая разница обнаруживается между северным и южным вариантами люксембургского языка, например, «Dooref» и «Duerf» («деревня») или «zwëschent» и «tëschent» («между»).

Стандартизация люксембургского языка была проведена в немалой степени в области орфографии. С 1975 г. в стране действует официально утвержденная система письма. Неприятные воспоминания о годах немецкой оккупации во время Второй мировой войны привели к тому, что многие граждане Великого Герцогства Люксембург не желали ассоциировать свой язык с немецким. Поэтому система орфографии, которая исторически должна бы восходить к немецкой, была основана на французских способах записи устной речи. Однако существительные по-прежнему пишутся с заглавной буквы, как и в общенемецкой норме [18].

Грамматические особенности люксембургского языка заключаются в следующем. В отличие от немецкого, в люксембургском сохраняются не четыре, а три падежа. Отсутствует родительный падеж, отчего конструкция «дом моего отца» (в немецком «Das Haus meines Vaters») будет выражена в люксембургском как «d’Haus vu mengem Papp» или «mengem Papp säin Haus», наподобие редко употребляемой нидерландской «mijn vader zijn huis». Три грамматических рода сохраняют, как правило, род заимствуемых лексем, например, «d’Gare» («вокзал», во французском – «la gare»), «d’Bréck» («мост», в немецком – «die Brücke»). Вместо местоимения «она» может использоваться местоимение «это» – «Dat ass d’Nathalie. Hatt ass midd.» («Это Натали. Она устала.»). Для образования пассива применяется вспомогательный глагол «gin» («давать»), в отличие от немецкого и нидерландского языков, где используется вспомогательный глагол «становиться» («werden» и «worden» соответственно).

Проследим (весьма упрощенно) соотношение национальных германских языков Валлонии на примере лексемы «корзина». В нидерландском языке эта лексема звучит как «korf», в плат-дитс – «korrev», в рипуарском – «korf», в люксембургском – «kuerf», в немецком – «korb». Наиболее интересным в плане демонстрации лингвистической непрерывности представляется сопоставление люксембургского языка с лимбургским, одним из диалектов нидерландского языка.

Лимбургский язык

Лимбургский язык в известной степени может быть признан представителем языка плат-дитс. По существу, нидерландский язык Фландрии «поставляет» в Валлонию два языковых варианта – из южной и северной ветвей нижнефранкских диалектов. Лимбургский язык относится к южной ветви; брабантский, восточно-фламандский и западно-фламандский диалекты – к северной. Лимбургский язык в своем лимбургско-рипуарском варианте является единственным германским языком Бельгии, соединяющим Фламандский и Валлонский регионы в языковом и культурном отношении: лимбургский язык Фландрии перетекает в плат-дитс Валлонии и наоборот.

Приведем ряд примеров в порядке люксембургский – лимбургский:

Ech hu geschafft. – Ich hub gesjaf. (Я работал);

Ufanks der Woch – aanvank van de waek (начало недели);

D’Kanner si grouss. – De kènjer zint groeët. (Дети выросли.);
dèi schéinst Frau – de sjonste vrouw (самая красивая женщина);
wann ech glift – es uch beleef или estebleef (пожалуйста);
Moien! – Mörge! (Доброе утро!);
Merci! – Merci! или Danke! (Спасибо!);
Owend – ovvend или aovend (вечер);
Päerd – päerd (лошадь).

Язык плат-дитс, перенимая рипуарские элементы, становится близок люксембургскому – в этом действительно заключается его особая самобытность, позволяющая дистанцировать его в некоторой степени от лимбургской основы и, стало быть, от общенидерландской нормы.

Германские языки, исторически оказавшиеся на территории Валлонии, окружающие ее по периферии, контактируют с романскими языками этого региона. С пикардским языком стыкуются западно-фламандские, восточно-фламандские и брабантские диалекты нидерландского языка. Брабантские и лимбургские диалекты нидерландского языка, а также немецкий (в том числе посредством плат-дитс и рипуарских диалектов) и люксембургский языки пересекаются с валлонским. Люксембургский язык соприкасается с гомским (лоренским). Лишь один шампанский язык избавлен от германского влияния.

Такой плотный контакт мог бы означать добрососедское существование не только языков, но и народностей. Однако после парламентских выборов в июне 2010 г., когда в Бельгии разразился серьезный правительственный кризис, вызванный фламандско-валлонским конфликтом, Карл-Хайнц Ламбертц, бывший тогда премьер-министром Немецкоязычного сообщества, подготовил несколько вариантов развития ситуации в случае распада государства. Рассматривалось четыре возможности: остаться в независимой Валлонии, создать собственное государство, возвратиться в Германию или объединиться с Великим Герцогством Люксембург. Разумеется, (первым) официальным языком такого государства стал бы тогда либо французский, либо немецкий, либо люксембургский.

Заключение. Немецкий язык является наименее распространенным официальным языком в Бельгии; число говорящих на нем – чуть более 1 % населения, поэтому Немецкоязычное сообщество Бельгии составляет порядка 70 000 человек, проживающих в основном в Восточных кантонах (территория Валлонии). Наряду с официальным статусом немецкого языка Валлония признает региональный статус люксембургского языка и языка плат-дитс; последний зачастую используется для политических манипуляций, что затрудняет его лингвистическую идентификацию. По существу, плат-дитс представляет собой смесь рипуарского и лимбургского языков. Возведение его в особый ранг франкоориентированными политиками Валлонии связано с намеренным умалением роли нидерландского языка в Восточных кантонах. Лимбургский язык как в Бельгии, так и в Нидерландах вполне является представителем нидерландского языка, а рипуарский язык в Германии в не меньшей степени представляет немецкий, однако власти Валлонии предпочитают прокламировать особую самобытность плат-дитс, противопоставляя его германским государственным языкам Бельгии и оказывая ему такую же поддержку, как и люксембургскому языку.

Политические разногласия между Фландрией и Валлонией продолжают, и не исключено, что в ходе очередного реформирования государства Немецкоязычное сообщество

будет стремиться выделить германоязычную область из Валлонского региона и сделать ее одной из четырех бельгийских «республик» наряду с Фландрией, Валлонией и Брюсселем. В этой связи возникает вопрос: сохранится ли официальная поддержка языка плат-дитс или же он станет предметом изучения лишь для ученых-лингвистов?

Немецкий язык и другие германские варианты на территории Валлонии, несомненно, обогащают ее языковую картину. Немецкий, люксембургский и плат-дитс задействуются властями этого региона для противопоставления французского языка нидерландскому и оберегаются политическими силами как особый фрагмент самобытности франкоязычных провинций Бельгии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Germans // World Directory of Minorities and Indigenous People. URL: <https://minorityrights.org/minorities/germans-2/> (дата обращения: 27.03.2021).
2. Kieffer R. Im Osten Belgiens spricht man Deutsch // Welt. 2019. URL: <https://www.welt.de/reise/nah/article202784332/Belgien-Im-Osten-des-Landes-spricht-man-Deutsch.html> (дата обращения: 26.03.2021).
3. Pieper M. Die bestgeschützte Minderheit Europas // Deutschlandfunk. 2016. URL: https://www.deutschlandfunk.de/deutschsprachige-in-belgien-die-bestgeschuetzte-minderheit.795.de.html?dram:article_id=347841 (дата обращения: 26.03.2021).
4. Reiter T. Ph. Wir sprechen Deutsch! // Belgieninfo. 2015. URL: <https://www.belgieninfo.net/wir-sprechen-deutsch/> (дата обращения: 27.03.2021).
5. The Marnix plan for a multilingual Brussels. URL: <https://www.marnixplan.org/en?lang=en> (дата обращения: 27.03.2021).
6. Germany and Belgium: Bilateral relations // German Federal Foreign Office. 2021. URL: https://www.auswaertiges-amt.de/en/aussenpolitik/laenderinformationen/belgien-node/belgium/227916#content_1 (дата обращения: 25.03.2021).
7. Mit Deutsch in den Beruf in Belgien: Liste Deutscher Unternehmen // Mit Deutsch in den Beruf. Brüssel: Goethe-Institut, 2016. URL: https://www.goethe.de/resources/files/pdf98/mdidb_be_deutschfirmeninbelgien_september2016.pdf (дата обращения: 27.03.2021).
8. Duitstalige Gemeenschap wil extra bevoegdheden // De Morgen. 2009. URL: <https://www.demorgen.be/nieuws/duitstalige-gemeenschap-wil-extra-bevoegdheden~b2b106b2> (дата обращения: 09.03.2021).
9. Dialekte in Ostbelgien // Zentrum für Ostbelgische Geschichte. URL: https://www.geschichte.be/desktopdefault.aspx/tabid-6051/10309_read-55423/ (дата обращения: 25.03.2021).
10. Dialektatlas vorgestellt: Hat Platt in Ostbelgien noch Zukunft? // Ostbelgien Direkt. 2014. URL: <https://ostbelgiendirekt.be/dialektatlas-hat-platt-ostbelgien-zukunft-37736> (дата обращения: 26.03.2021).
11. Dialektatlas der Deutschsprachigen Gemeinschaft // Das Kulturerbeportal der Deutschsprachigen Gemeinschaft Belgiens. URL: <http://www.ostbelgienkulturerbe.be/desktopdefault.aspx/tabid-3532/?catalogid=108&mode=&pg=7&sort=> (дата обращения: 26.03.2021).
12. Kaufmann S. Das Niederdeutsche – Plattdeutsch // Planet Wissen. 2020. URL: https://www.planet-wissen.de/geschichte/deutsche_geschichte/geschichte_der_dialekte/pwiedasniederdeutscheplattdeutsch100.html (дата обращения: 26.03.2021).
13. Plattdeutsch – Herkunft und Erklärung // Niedersachsen. URL: <https://www.reiseland-niedersachsen.de/erleben/kultur/maritim/plattdeutsch-herkunft-und-erklaerung> (дата обращения: 27.03.2021).
14. Frins J. Karolingisch-Fränkisch. Die plattdütsche Volkssprache im Aachener Dreiländereck. Groningen: Groningen University, 2006.

15. Xhonneux J.-L. Fourons retour a Liege. 2009. URL: <https://www.action-fouronnaise.be/AF/question.html> (дата обращения: 11.03.2021).
16. Wrede A. J. Neuer kölnischer Sprachschatz. Köln: Greven, 1958.
17. La langue luxembourgeoise en Belgique // Luxembourg Public. 2011. URL: <https://archive.is/YmZUO> (дата обращения: 07.03.2021).
18. Newton G. Luxembourg and Lëtzebuergesch: Language and Communication at the Cross-roads of Europe. Oxford: Clarendon Press, 1996.

Информация об авторах.

Алексеенко Евгения Сергеевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор 11 научных публикаций. Сфера научных интересов: социалингвистика, контактная лингвистика, методика преподавания иностранных языков. E-mail: alekseenko.eugenia@gmail.com

Ульяницкая Любовь Александровна – кандидат филологических наук (2019), доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия. Автор более 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: языковая политика, социалингвистика, языковые контакты, языковая интерференция. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>. E-mail: ulianitckaia_liubov@mail.ru

REFERENCES

1. "Germans", *World Directory of Minorities and Indigenous People*, available at: <https://minorityrights.org/minorities/germans-2/> (accessed 27.03.2021).
2. Kieffer, R. (2019), "Im Osten Belgiens spricht man Deutsch", *Welt*, available at: <https://www.welt.de/reise/nah/article202784332/Belgien-Im-Osten-des-Landes-spricht-man-Deutsch.html> (accessed 26.03.2021).
3. Pieper, M. (2016), "Die bestgeschützte Minderheit Europas", *Deutschlandfunk*, available at: https://www.deutschlandfunk.de/deutschsprachige-in-belgien-die-bestgeschuetzte-minderheit.795.de.html?dram:article_id=347841 (accessed 26.03.2021).
4. Reiter, T.Ph. (2015), "Wir sprechen Deutsch!", *Belgieninfo*, available at: <https://www.belgieninfo.net/wir-sprechen-deutsch/> (accessed 27.03.2021).
5. *The Marnix plan for a multilingual Brussels*, available at: <https://www.marnixplan.org/en?lang=en> (accessed 27.03.2021).
6. "Germany and Belgium: Bilateral relations" (2021), *German Federal Foreign Office*, available at: https://www.auswaertiges-amt.de/en/aussenpolitik/laenderinformationen/belgien-node/belgium/227916#content_1 (accessed 25.03.2021).
7. "Mit Deutsch in den Beruf in Belgien: Liste Deutscher Unternehmen" (2016), *Mit Deutsch in den Beruf*, Goethe-Institut, Brüssel, DEU, available at: https://www.goethe.de/resources/files/pdf98/mdidb_be_deutschefirmeninbelgien_september2016.pdf (accessed 27.03.2021).
8. "Duitstalige Gemeenschap wil extra bevoegdheden" (2009), *De Morgen*, available at: <https://www.demorgen.be/nieuws/duitstalige-gemeenschap-wil-extra-bevoegdheden~b2b106b2> (accessed 09.03.2021).
9. "Dialekte in Ostbelgien", *Zentrum für Ostbelgische Geschichte*, available at: https://www.geschichte.be/desktopdefault.aspx/tabid-6051/10309_read-55423/ (accessed 25.03.2021).
10. "Dialektatlas vorgestellt: Hat Platt in Ostbelgien noch Zukunft? " (2014), *Ostbelgien Direkt*, available at: <https://ostbelgiendirekt.be/dialektatlas-hat-platt-ostbelgien-zukunft-37736> (accessed 26.03.2021).

11. "Dialektatlas der Deutschsprachigen Gemeinschaft", *Das Kulturerbeportal der Deutschsprachigen Gemeinschaft Belgiens*, available at: <http://www.ostbelgienkulturerbe.be/desktopdefault.aspx/tabid-3532/?catalogid=108&mode=&pg=7&sort=> (accessed 26.03.2021).
12. Kaufmann, S. (2020), "Das Niederdeutsche – Plattdeutsch", *Planet Wissen*, available at: https://www.planet-wissen.de/geschichte/deutsche_geschichte/geschichte_der_dialekte/pwiedasniederdeutscheplattdeutsch100.html (accessed 26.03.2021).
13. "Plattdeutsch – Herkunft und Erklärung", *Niedersachsen*, available at: <https://www.reiseland-niedersachsen.de/erleben/kultur/maritim/plattdeutsch-herkunft-und-erklaerung> (accessed 27.03.2021).
14. Frins, J. (2006), *Karolingisch-Fränkisch. Die plattdütsche Volkssprache im Aachener Dreiländereck*, Groningen University, Groningen, DEU.
15. Xhonneux, J.-L. (2009), *Fourons retour a Liege*, available at: <https://www.action-fouronnaise.be/AF/question.html> (accessed 11.03.2021).
16. Wrede, A.J. (1958), *Neuer kölnischer Sprachschatz*, Greven, Köln, GER.
17. "La langue luxembourgeoise en Belgique" (2011), *Luxembourg Public*, available at: <https://archive.is/YmZUO> (accessed 07.03.2021).
18. Newton, G. (1996), *Luxembourg and Lëtzebuergesch: Language and Communication at the Crossroads of Europe*, Clarendon Press, Oxford, ENG.

Information about the authors.

Evgeniia S. Alekseenko – Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of 11 scientific publications. Area of expertise: sociolinguistics, language contacts, foreign language teaching methodology. E-mail: alekseenko.eugenia@gmail.com

Liubov A. Ulianitckaia – Can. Sci. (Philology) (2019), Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University, 5 Professor Popov str., St Petersburg 197376, Russia. The author of more than 30 scientific publications. Area of expertise: language policy, sociolinguistics, language contacts, minority languages, gender linguistics, language interference. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0163-3243>. E-mail: ulianitckaia_liubov@mail.ru

В редакцию журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно разделам «Правила оформления текста статьи» и «Структура научной статьи»;
 - каждый рисунок отдельным файлом в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены, согласно правилам оформления. Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и английском языках) (1 экз.);
- документы на листах формата А4 (по 1 экз.):
 - распечатку рукописи, подписанную всеми авторами (объем статьи 20 000–40 000 знаков, включая пробелы). К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - рекомендацию кафедры (подразделения) к опубликованию (следует указать предполагаемую рубрику);
 - сопроводительное письмо (только для авторов, не работающих в СПбГЭТУ «ЛЭТИ»).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор – Microsoft Word версии не ниже 2003 г.

Формат бумаги – А4.

Параметры страницы: поля: верхнее 2.75 см, правое и левое по 2.25 см, нижнее 2.5 см; верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындексы 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются в черно-белом виде средствами Word или других программ [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)]. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpg, .tif) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например: рис. 1, а).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

- *Заголовочная часть*:

- УДК (выравнивание по левому краю);
- авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора(-ов) полностью, инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);

- место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, а затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название статьи;
- аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
- ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;

- текст статьи;
- приложения (при наличии);
- список литературы (библиографический список);
- справка об авторах.

Англоязычная часть (по порядку расположения структурных элементов и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

- авторы (Authors);
- место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов из одной организации дается ее наименование, затем приводятся список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;

- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References);
- справка об авторах.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе редакции со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтет гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

В аннотации не следует приводить ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко, составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст резюме должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses. Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи структурируется в определенной последовательности: Введение (Introduction), Методология и источники (Methodology and sources), Результаты и обсуждение (Results and discussion), Заключение (Conclusion).

При необходимости авторы могут вводить дополнительные разделы, например *Обзор литературы* и т. п.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес статьи. Однако необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.).

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее: <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например: «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение (см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>)

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается, какая часть работы при подготовке и написании статьи выполнена конкретным автором).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список включает:

- заголовок «Список литературы»;
- библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, подряд начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом

конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В *References* совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI (см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов): <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка содержит: фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения о его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по научным специальностям):

- 09.00.01 – Онтология и теория познания;
- 09.00.03 – История философии;
- 09.00.04 – Эстетика;
- 09.00.05 – Этика;
- 09.00.07 – Логика;
- 09.00.08 – Философия науки и техники;
- 09.00.11 – Социальная философия;
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры;
- 09.00.14 – Философия религии и религиоведение.

Социология (по научным специальностям):

- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии;
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 22.00.05 – Политическая социология;
- 22.00.06 – Социология культуры;
- 22.00.08 – Социология управления.

Языкознание (по научным специальностям):

- 10.02.04 – Германские языки;
- 10.02.19 – Теория языка;
- 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика.

Рукописи печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить, написав на адрес discourse@etu.ru

Редакторы: *Н. В. Кузнецова, М. И. Попова,*
Е. А. Ушакова
Компьютерная верстка *Е. А. Орловой*

Editors: *N. V. Kuznetsova, M. I. Popova,*
E. A. Ushakova
DTP Professional *E. A. Orlova*

Подписано в печать 24.06.21. Формат 60 × 84 1/8.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».
Уч.-изд. л. 19,11. Печ. л. 18,5. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 78.
Цена свободная.

Signed to print 24.06.21. Sheet size 60 × 84 1/8.
Educational-ed. liter. 19,11. Conventional printed sheets 18,5. Number of copies 300.
Printing plant 1–150 copies. Order no. 78.
Free price.

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»
197376, С.-Петербург, ул. Проф. Попова, 5. Тел. / факс: +7 (812) 346-28-56

ETU Publishing house
5 Professor Popov Str., St Petersburg 197376, Russia
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56